

ВИС

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Диверсанты Второй мировой

Диверсанты Второй мировой

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Диверсанты Второй мировой

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

ББК 84 (2Рос-Рус)

Д 44

Оформление серии художника *А. Зарубина*

Д 44 **Диверсанты** Второй мировой. — М. : Яуза ; Эксмо, 2008. — 352 с. — (ВИС).

ISBN 978-5-699-31043-2

В разгар Второй мировой войны Уинстон Черчилль сказал, что *никогда еще столь многое не зависело от столь немногих*. Британский премьер имел в виду летчиков-истребителей, выигравших Битву за Англию, но его слова в полной мере относятся и к диверсионной борьбе.

Террор во вражеском тылу никак не соответствовал представлениям о «джентльменской войне», однако все стороны, вовлеченные в мировой конфликт, активно применяли диверсантов — советский ОМСБОН, германский полк особого назначения «Бранденбург», британские командос, американские рейнджеры наводили ужас на врага. Дерзкие рейды по тылам противника, с применением его оружия и униформы, уничтожение важных объектов, удары по коммуникациям, беспощадная «рельсовая война» — действия диверсантов очень дорого обходились неприятелю, сеяли панику в тылу, серьезно нарушали снабжение фронтовых частей. Даже неподтвержденный слух о появлении где-то рядом вражеской диверсионной группы мог деморализовать целые подразделения, как это не раз случалось летом 1941 года, когда в Красной Армии пришлось принимать драконовские меры против «диверсантобязни». Но их продолжали бояться и ненавидеть по обе стороны фронта и практически никогда не брали в плен...

Эта книга подробно рассказывает о жизни и смерти диверсантов Второй мировой, об их подготовке, тактике и боевом применении. Некоторые операции, такие как «рельсовая война» диверсантов НКВД или «работа» в советском тылу полка «Бранденбург», широко известны; о других, например о действиях спецгрупп советской морской пехоты в Заполярье, даже специалисты узнали лишь в последние годы.

ББК 84 (2Рос-Рус)

© М. Токарев, 2008

© И. Старинюв, 2008

© А. Гаевский, 2008

© Е. Абрамов, 2008

© Т. Малахова, 2008

© А. Попов, 2008

© И. Ландер, 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-31043-2

СССР. 1941-Й. «БРАНДЕНБУРГ-800»: «ЧЕРНЫЕ КОШКИ В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ»

Среди самых распространенных «военных легенд», возникших в СССР еще в 1941 году и с тех пор кочующих по многочисленным отечественным книгам и фильмам — как художественным, так и документальным, — особое место занимает миф о множестве злодействовавших в советских тылах гитлеровских диверсантов. Которые согласно этому мифу поголовно и отменно владели русским языком, были одеты в советскую униформу (армии, милиции и даже НКВД — НКГБ) и имели документы, почти неотличимые от настоящих.

До конца 1950-х годов живописавшие эту тему советские писатели вроде Николая Шпанова, Георгия Брянцева, Льва Шейнина, а также авторы кинофильмов вроде «Беспокойное хозяйство» (1946 год), «Подвиг разведчика» (1947 год), «Смелые люди» (1950 год), не уделяли сколько-нибудь пристального внимания «ведомственной принадлежности» упомянутых ими диверсантов. Самое большее, в их произведениях речь шла о «диверсантах «Абвера», т.е. военной разведки гитлеровской Германии, либо о «диверсантах СС».

Вероятно, первые упоминания о специальной разведывательно-диверсионной части «Бранденбург-800», созданной в 1939 году и находившейся до сентября 1944 года в прямом подчинении руководства гитлеровской военной разведки «Абвер», появились в общедоступной советской литературе в 1958 году. Именно тогда в московском Издательстве иностранной литературы была издана впервые

опубликованная в США всего двумя годами ранее монография сотрудника Амстердамского государственного института военной документации Луи де Йонга «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне», где простой советский читатель мог прочесть о строительной-учебной роте «Бранденбург» (Bau-Lehr-Kompanie Brandenburg), сформированной осенью 1939 года при отделе «Абвер-II», ведавшем вопросами шпионажа и диверсий.

Некоторые эпизоды истории и боевого применения «Бранденбурга» были упомянуты в изданной в СССР в 1962 году книге военного историка из ГДР Юлиуса Мадера «Серая рука». Посвященной, как говорилось в ее аннотации, «разоблачению преступной деятельности разведывательной службы ФРГ, руководимой бывшим гитлеровским генералом Геленом, и показу ее преемственной связи с немецко-фашистской разведкой»¹.

В 1965 году, к 20-летию Победы, советские исследователи истории Третьего рейха супруги Даниил Мельников и Людмила Черная создали монографию «Двуликий адмирал», где история и деятельность «Абвера» (включая ряд эпизодов боевой деятельности «Бранденбурга») были показаны в контексте личности самого известного его руководителя адмирала Канариса. Как вспоминала уже в начале 2000-х годов Людмила Борисовна Черная, в основу этой работы была положена биография Канариса, написанная историком из ФРГ Карлом Хайнцем Абсхагеном². Добавлю, что книга Абсхагена была впервые издана в Штутгарте в 1955 году, а ее российское издание появилось... в 2006 году.

Наконец, в 1971 году в столичном издательстве «Прогресс» был опубликован перевод книги «Серый генерал». Автор книги Ален Герэн, «прогрессивный французский журна-

¹ Цит. по: Мадер Ю. Серая рука: Секреты шпионской службы Западной Германии. — М.: «Воениздат», 1962. — С. 2. См. Людмила Черная. Главная книга. // Журнал «Звезда», 2003, № 10.

² К. Абсхаген. Канарис. Руководитель военной разведки вермахта. 1955—1945. — М.: Центрполиграф, 2006.

лист», как подчеркивалось в аннотации книги, вслед за Юлиусом Мадером сосредоточил свое внимание на критике уже ушедшего к тому времени в отставку основателя разведывательной службы ФРГ (BND — Bundesnachrichtendienst) генерала Рейнхарда Гелена, который в годы Второй мировой войны тесно взаимодействовал с Канарисом и подчиненным ему «Бранденбургом», возглавляя отдел «Иностранные армии Востока» в Оперативном управлении Генштаба сухопутных войск гитлеровской Германии.

С легкой руки всех вышеперечисленных исследователей, прежде не упоминавшееся в советской беллетристике и кинематографе название «Бранденбург» с середины 1960-х годов замелькало в многочисленных советских кино и повестях о войне. Возможно, первопроходцем на этой ниве был видный член (и даже секретарь правления) Союза писателей РСФСР Вадим Михайлович Кожевников. Благодаря своему высокому официальному статусу в начале 1960-х годов он был допущен к некоторым обзорно-справочным документам и воспоминаниям ветеранов НКВД — НКГБ СССР эпохи Великой Отечественной войны, легшим в основу его изданного в 1965 году романа «Щит и меч», где едва ли не впервые в отечественной художественной литературе было упомянуто подразделение «Бранденбург».

О реальном (не)знании Вадимом Кожевниковым иностранно описываемых в его романе спецслужб гитлеровской Германии можно судить по следующему отрывку «Щита и меча», посвященному «Бранденбургу»:

«...Майор абвера Штейнглиц знал, что его коллеги, специализировавшиеся на восточных районах, давно подготовили из буржуазно-националистических элементов диверсионные банды, в задачу которых входило рвать связь, сеять панику, убивать ни о чем не подозревающих людей. Он знал также, что десанты этих бандитов, переодетых в красноармейскую форму, уже сброшены сюда, на русскую землю, с германских самолетов. Знал он и о

сформированном еще в конце 1940 года полке особого назначения «Бранденбург». Полк этот создали для проведения диверсионных актов на Восточном фронте. Он был скомплектован из немцев, хорошо знающих русский язык, и его личный состав обмундировали в советскую военную форму и снабдили советским оружием. Но все это чужие, а не его, Акселя Штейнглица, достижения. Грубая, примитивная работа, ее может выполнить любой старший офицер вермахта. Фельдмаршал Браухич насовал в этот «Бранденбург» выскочек из своей свиты. Они-то получают рыцарские кресты за успешное выполнение особого задания...»

С некоторой натяжкой можно признать реальное существование упомянутых в этом отрывке «сброшенных с германских самолетов десантов националистических элементов». Речь идет о группе «Эрна» (Unternehmung Erna) примерно из 80 эстонских добровольцев-националистов, заброшенных в Эстонию в июле 1941 года одним морским и четырьмя парашютными десантами. Инструкторами группы, подготовленной в тогда союзной рейху Финляндии, были двое немцев-инструкторов из «Бранденбурга» — обер-лейтенант Курт Рейнхардт и зондерфюрер Вернер Шварц. Но разведывательно-диверсионная деятельность «Эрны» разворачивалась отнюдь не на русской, а на эстонской земле. Что касается натасканных «Бранденбургом» к лету 1941 года двух подразделений украинских националистов — «Нахтигаль» и «Роланд», то они перешли границы СССР пешим порядком. И, в отличие от боевиков «Эрны», до отзыва обоих этих батальонов с Восточного фронта в августе 1941 года никак не проявили себя в качестве разведчиков и диверсантов в советских тылах.

Вопреки утверждениям Кожевникова создание «Бранденбурга» как штатного армейского спецподразделения в прямом подчинении «Абвера» датировано не «концом 1940-го», а осенью 1939 года. Изначально «Бранденбург» именовался «800-й учебной строительной ротой особого назначения». 15 декабря 1939 года она была преобразована

на в батальон, а 15 мая 1940 года — в полк трехбатальонного состава.

За всю историю «Бранденбурга», включая его боевую деятельность как моторизованной дивизии в составе танкового корпуса «Великая Германия» с сентября 1944-го по май 1945 года, всего 16 его офицеров стали кавалерами Рыцарских Крестов, а еще трое получили Рыцарские Кресты с дубовыми листьями. При этом «бранденбуржцы» не получили ни одного Рыцарского Креста в промежутке с 22 июня 1941 года по осень 1942 года¹.

Что касается «старших офицеров вермахта», якобы «напиханных в «Бранденбург» из свиты генерал-фельдмаршала Браухича», то указанный исторический персонаж, занимая летом 1941 года пост главнокомандующего сухопутными войсками вермахта (ОКН — Oberkommando des Heeres) при всем желании не мог бы укомплектовать тогдашний полк «Бранденбург» своими подчиненными. Ибо в штатном расписании полка за «старшими офицерами» в чине майора и выше было закреплено всего четыре должности — самого командира полка и троих его комбатов. При этом все три командира батальонов «Бранденбурга» образца весны — лета 1941 года — майор Фридрих-Вильгельм Хайнц (комбат I), майор Пауль Якоби (комбат II) и родной брат последнего майор Франц Якоби (комбат III) — были кадровыми «бранденбуржцами», т.е. людьми адмирала Канариса, но отнюдь не генерал-фельдмаршала Браухича².

В отличие от Вадима Кожевникова, досадных «ляпов» при упоминании «Бранденбурга» удалось избежать известному советскому военному писателю, автору популярной повести «Максим Перепелица» Ивану Стаднюку. Во впервые изданной в 1970 году второй книге его романа-эпопеи «Война» диверсионная часть «Бранденбург»

¹ См. *Eric Lefevre. Brandenburg Division. Commandos of the Reich. Ed. Histoire & Collections. Paris, 2000, p. 328—329.*

² См. *Eric Lefevre. Brandenburg Division. p. 318—321.*

упоминалась в связи с одним из главных персонажей — гитлеровским диверсантом из эмигрантов-белогвардейцев графом Владимиром Глинским, заброшенным в советский тыл под личиной «майора инженерно-саперных войск Птицына». К слову, ряд эпизодов, связанных с сюжетной линией Глинского — Птицына, был основан на собственных фронтовых воспоминаниях Стаднюка. В 1990 году режиссерами Григорием Коханом и Тимофеем Левчуком на Киевской киностудии имени Довженко была снята 6-серийная телеэкранизация романа Стаднюка — «Война на западном направлении». Роль Глинского — Птицына там сыграл заслуженный артист России, ведущий актер Тамбовского областного драмтеатра Михаил Березин.

Примечательно, что на страницах романов Стаднюка нигде прямо не говорилось о причастности его персонажа Глинского к «Бранденбургу». Тогда как известный советский писатель на темы про партизан и подпольщиков Овидий Горчаков в опубликованной в 1973 году повести «Внимание: чудо-мина!» дал буйный полет своей фантазии по поводу «Бранденбурга». В основу повести Горчакова легли вполне реальные факты боевой работы «главного диверсанта СССР» Ильи Григорьевича Старина, включая устроенный им 14 ноября 1941 года взрыв дистанционно управляемой радиоминой особняка со штабом военного коменданта оккупированного Харькова генерала Георга Брауна. Но использованный Горчаковым для оживления повествования такой сюжетный ход, как специальная заброска диверсантов из «Бранденбурга» в октябре 1941 года в Харьков для похищения полковника Старина и его чудо-мин, не находит никаких подтверждений в опубликованных исследованиях по истории «Бранденбурга». Не говоря уже о том, что в повести Горчакова совместно с диверсантами «Бранденбурга» в Харькове в октябре 1941 года действовали «украинские боевики-националисты из батальона «Нахтигаль», который в

реальной истории был отозван с Восточного фронта еще в августе 1941 года.

Следующее упоминание о диверсантах «Бранденбурга» в отечественных произведениях, рассчитанных на массовую аудиторию, датировано 1978 годом. Тогда на киностудии «Мосфильм» кинорежиссер Игорь Гостев снял двухсерийный фильм «Фронт за линией фронта» — вторую из трех частей кинотрилогии («Фронт без флагов», «Фронт за линией фронта», «Фронт в тылу врага») об отряде особого назначения НКВД СССР под командованием майора (затем полковника) Млынского, сыгранного Вячеславом Тихоновым. В титрах всех трех этих фильмов автором их сценариев значился Семен Днепров. Этот прозрачный псевдоним был раскрыт в начале 1980-х годов, когда в журнале «Знамя» (в 1981 году), а затем отдельным изданием в 1982 году был опубликован роман «Ураган», представлявший собой переработанный сценарий фильма «Фронт за линией фронта». Официальное авторство и романа, и сценария принадлежало первому заместителю Председателя КГБ СССР генералу армии Семену Кузьмичу Цвигуну, который в январе 1982 года застрелился на служебной подмосковной даче при до сих пор неясных обстоятельствах.

По сюжету Цвигуна, в 1943 году диверсанты-«бранденбуржцы» участвовали как спецназовцы-командос в карательных операциях против партизанского отряда майора Млынского. А затем предприняли попытку захватить его командира, заманив его на базу ложного «партизанского» отряда из владевших русским языком «бранденбуржцев»-немцев и украинских националистов. В фильме «Фронт за линией фронта» эти планы гитлеровцев провалились благодаря наличию у чекиста Млынского агента среди «незалежников», который загодя предупредил майора о ловушке. К слову, этот эпизод фильма и романа соответствует исторической правде, так как в 1942—1943 годах кадровые военнослужащие «Бранденбурга» действовали в качестве

инструкторов по антипартизанской борьбе на оккупированных территориях Северо-Западной и Центральной России.

Завершая краткий обзор истории художественного воплощения мифа о действиях «Бранденбурга» в СССР, нельзя не упомянуть абсолютного чемпиона по количеству ляпов на указанную тему. Им стала вышедшая на советские экраны в 1985 году эпопея «Битва за Москву», снятая на «Мосфильме» по собственному сценарию крупнейшим советским киноваталистом Юрием Николаевичем Озеровым. По меркам 1985 года историческим откровением стали такие эпизоды этой киноэпопеи, как встречные бои советских мехкорпусов под Дубно, трагическая судьба командования Западного фронта во главе с генералом армии Павловым, подвиг курсантов военных училищ Подольска, державших осенью 1941 года подмосковные рубежи обороны.

Что касается «шпионско-разведывательной» сюжетной линии киноэпопеи, то она представляла собой набор экранизированных эпизодов из беллетристических произведений скончавшегося в 1981 году ветерана советской международной журналистики Юрия Михайловича Королькова (романы «Ки ку мицу!» о Рихарде Зорге и «В годы большой войны» о «Красной капелле»). А также из опубликованных к тому времени в ГДР (в 1983 году), но еще не переведенных в СССР (у нас они вышли в 1987 году) мемуаров немецкого антифашиста и агента советской разведки с довоенных времен Герхарда Кегеля «В бурях нашего века».

Едва ли не единственный «шпионский» эпизод «Битвы за Москву», где авторы фильма дали волю собственной богатой кинофантазии, был связан именно с показом деятельности «Бранденбурга» в первые дни Отечественной войны. Благо съемочная группа, члены которой в большинстве работали с Юрием Озеровым с конца 1960-х годов, еще тогда сняла в первой серии киноэпопеи «Освобождение» (1970 год) эпизод освобождения низложенного

итальянского диктатора Муссолини из-под полудомашнего ареста на горном курорте Гран-Сассо гитлеровскими десанниками во главе с «супердиверсантом Третьего рейха Отто Скорцени», которого в «Освобождении» сыграл румынский актер Флорин Пьерсик.

Вдохновившись успехом «Освобождения», создатели эпопеи «Битва за Москву», снятой в 1985 году, т.е. через 10 лет после кончины реального Скорцени, «включили» его в число участников действительно состоявшегося 12 июня 1941 года совещания командования немецкой группы армий «Центр» в развернутом в Варшаве штабе 4-й армии. По воле авторов фильма Скорцени «присутствовал» на этом совещании, будучи облачен в мундир с шейным Рыцарским Крестом (в реальности полученным им за руководство операцией по освобождению Муссолини в сентябре 1943 года), с петлицами штурмбаннфюрера (майора), но почему-то с витыми погонами гауптштурмфюрера (капитана) войск СС.

Этот самый «кино-Скорцени» представился всем участникам совещания, включая генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича, командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Федора фон Бока, командующего 4-й армией Ганса фон Клюге и командующего 2-й танковой группой Гейнца Гудериана как... «командир части особого назначения «Бранденбург». И продемонстрировал им модель грузового вагона, в тайном отсеке которого накануне начала войны в приграничный Брест должны были проникнуть диверсанты из «Бранденбурга» в советской военной форме.

В реальности на момент показанных в фильме событий, т.е. летом 1941 года, общее командование распределенными по разным фронтам подразделениями полка «Бранденбург» осуществлял из штаба полка в Берлине командир части подполковник Хелинг фон Ланценауэр. Что касается Отто Скорцени, то в июне 1941 года он служил в чине не выше унтерштурмфюрера (т.е. лейтенанта

войск СС) в дивизии СС «Райх», где командовал взводом связи в одной из артиллерийских частей. Именно в этом чине и должности Скорцени перешел 22 июня 1941 года государственную границу СССР севернее Бреста в составе дивизии «Райх», шедшей во втором эшелоне 2-й танковой группы под командованием Г. Гудериана.

К декабрю 1941 года Скорцени получил свою первую награду — Железный Крест 2-й степени. А также дизентерию и воспаление желчного пузыря, что обусловило его отправку на лечение в родную Вену до начала контрнаступления советских войск под Москвой. Последующая карьера Скорцени на ниве тайной войны началась уже после того, как в январе 1943 года объединявшее тогда большинство спецслужб Третьего рейха Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheitshauptamt, RSHA) возглавил земляк и давний приятель Скорцени обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Когда осенью 1944 года почти все существовавшие тогда подразделения «Абвера», включая штабные, учебные и обеспечивающие структуры «Бранденбурга», были переданы в ведомство Кальтенбруннера, именно Скорцени придал новый импульс разведывательно-диверсионной деятельности силовых структур рейха, сформировав при участии ветеранов «Бранденбурга» так называемое «Истребительное подразделение СС» (SS-Jagdverband). Однако эта история не имеет прямого отношения к действиям «Бранденбурга» на территории СССР в 1941 году — в отличие от нескольких эпизодов фильма «Битва за Москву».

...Следуя киносценарию, дождавшись вечерних сумерек 21 июня 1941 года, диверсанты «Бранденбурга», одетые в форму советских пограничных войск НКВД, выбрались на приграничной станции Брест из вагонов грузового эшелона, захватившего в СССР из оккупированной Гитлером Польши за несколько часов до начала войны. Зарезав некстати подвернувшегося сцепщика, диверсанты построились в колонну и строем двинулись через привок-

зальную площадь Бреста под команду «Ать-два». На архаичность этой команды обратил внимание («Под «Ать-два» у нас с Русско-японской войны не ходят!») выходящий в тот момент из здания вокзала будущий герой обороны Брестской крепости заместитель командира по полтчасти 84-го стрелкового полка полковой комиссар Ефим Фомин (в исполнении актера Эммануила Виторгана). На что стоявший рядом с ним подчиненный тут же заметил:

— Это же пограничники, у них свои порядки!

Представляется, что реальный, а не киношный полковой комиссар (равнялся строевому командиру-полковнику) Фомин, служивший в Красной Армии с 1932 года, знал положения действовавшего в 1941 году Строевого устава пехоты РККА (СУ-38), принятого в 1938 году. Как и то, что действие этого устава распространялось на все рода войск, включая погранвойска НКВД СССР. Тем более что реальный полковой комиссар Фомин служил по соседству с расквартированными в той же Брестской крепости 3-й погранкомендатурой и 9-й погранзаставой 17-го Краснознаменного Брестского погранотряда.

Далее пресловутые диверсанты-«бранденбуржцы» в пограничной форме мелькнули в эпизод «Битва за Москву» в эпизоде первой бомбежки Бреста и Брестской крепости утром 22 июня 1941 года. По сюжету, разбуженный бомбежкой в своей городской квартире, один из руководителей и героев обороны Брестской крепости командир 44-го стрелкового полка майор Петр Гаврилов (в фильме его роль сыграл латышский актер Ромуальд Анцас) тут же побежал в крепость в казармы своего полка. И по дороге через мост, проложенный к воротам крепости через приграничную реку Мухавец, был обстрелян диверсантом-«пограничником» из пулемета Дегтярева.

Вероятно, в основу вышеописанных эпизодов кино «Битва за Москву» легли соответствующие отрывки из знаменитого произведения советского военного писателя

Сергея Сергеевича Смирнова «Брестская крепость», впервые изданного в 1957 году. Именно благодаря огромной работе Смирнова подвиг защитников Брестской крепости лета 1941 года через 15 лет стал достоянием нашей истории и воинской славы, а живые и павшие герои Бреста были признаны таковыми и удостоены высоких наград. Никак не оспаривая огромные заслуги Сергея Смирнова в деле восстановления исторической правды о событиях, произошедших в Брестской крепости и в самом Бресте в первые дни и недели Великой Отечественной войны, нельзя не признать, что книга Смирнова была написана главным образом с использованием советских источников — без их сверки с зарубежными военными исследованиями и документами по теме.

В итоге в первом и всех последующих изданиях книги С.С. Смирнова «Брестская крепость» появились следующие пассажи:

«...В районе Бреста гитлеровские агенты действовали особенно активно. В последние дни перед войной наши пограничники нередко задерживали здесь шпионов. 21 июня вечером в городе и даже в крепости появились немецкие диверсанты, переодетые в форму советских бойцов и командиров и хорошо говорившие по-русски. Часть из них была **якобы** (выделено мной. — *М.Т.*) переброшена через границу в товарном поезде с грузами, который немцы подали накануне войны на станцию Брест с расчет поставок Германии по торговому договору с Советским Союзом. Под покровом ночи эти диверсанты выводили из строя линии электрического освещения, обрезали телефонные и телеграфные провода в городе и крепости, а с первыми залпами войны принялись действовать в нашем тылу...»¹

...Несколько лет назад за границей вышла книга воспоминаний известного гитлеровского диверсанта подпол-

¹ Цит. по: Смирнов С.С. Брестская крепость. — М.: Изд. «Раритет», 2000. — С. 27–28.

ковника Отто Скорцени, военного преступника, который после разгрома фашистской Германии нашел себе безопасное убежище во франкистской Испании. Это тот самый Скорцени, что в годы войны со своей шайкой отборных головорезов выполнял самые ответственные поручения Гитлера и его генералов: похитил у союзников арестованного Муссолини в 1943 году, а зимой 1945 года, переодевшись в американскую военную форму, во главе своих диверсантов сеял панику в тылах войск Эйзенхауэра в дни их поражения в Арденнах. Книга его, весьма саморекламная, так и называется «Легион Скорцени». На одной из ее страниц есть любопытное упоминание о Брестской крепости.

Оказывается, Скорцени побывал в Бресте в первые дни войны и, видимо, имел самое прямое отношение к действиям гитлеровских диверсантов в нашей пограничной полосе. **Впрочем, об этом он не обмолвился ни одним словом** (выделено мной. — *М.Т.*). Зато не лишена для нас интереса та оценка упорства защитников крепости, которая дана здесь.

«Русский гарнизон цитадели, — пишет автор, — в буквальном смысле слова вел борьбу до последнего патрона, до последнего человека». Скорцени рассказывает, как он однажды под огнем выполз на гребень крепостного вала и видел усеянный трупами гитлеровских солдат двор цитадели.

Несколько ниже этого упоминания о крепости я наткнулся на строки, в которых описывалось событие, тогда еще неизвестное мне.

«То же самое было в районе Брестского вокзала, — писал Скорцени. — Там войска противника сосредоточились в глубоких вокзальных подвалах и отказывались сдаваться. Как я узнал позже, пришлось затопить подвалы, так как оказались неудачными все другие попытки взять вокзал...»¹

¹ Там же, с. 192—193.

Как уже было сказано выше, 22 июня 1941 года и в последующие дни Отто Скорцени находился в составе дивизии СС «Райх», двигавшейся в стороне от Бреста. Хотя в последующие дни и недели войны, когда сопротивление защитников крепости было подавлено, младший офицер войск СС Скорцени вполне мог быть послан в Брест с каким-либо поручением и побывать на развалинах крепости. Но уж никак не «под огнем» и не среди не убранных со двора цитадели трупов гитлеровских солдат. И если Скорцени и бывал в Бресте, то вне всякой связи с действиями диверсантов «Бранденбурга».

Несмотря на упомянутые выше несоответствия с реальной историей, миф о «бранденбуржцах» в советской военной форме, проникавших на территорию СССР в грузовых поездах, был так ярко проиллюстрирован в фильме «Битва за Москву», что получил дальнейшее развитие в творчестве известнейшего советского военно-исторического беллетриста Валентина Пикуля. В его последнем романе «Площадь павших борцов», который так и остался неоконченным из-за кончины Пикуля в 1990 году, имеется примечательный пассаж, который явно восходит к кинофантазиям Юрия Озерова:

«...Товарные вагоны, следующие из Германии с поставками закупленного оборудования, имели хитрое «двойное дно», в котором скрывались головорезы и диверсанты из полка «Бранденбург-300», знающие русский или украинский языки; миновав границу, они моментально растворялись в нашей жизни, а их фальшивые документы были безукоризненны. Их подготовка была идеальной. Случалось, этих агентов через военкоматы даже призывали в ряды Красной Армии, некоторые устроились при штабах наших западных округов. Они были хорошо подкованы «идейно» и на собраниях бурно аплодировали при имени товарища Сталина, мудрейшего и гениального друга и учителя, отца всех народов. Это было

очень трудное и сложнейшее время аплодисментов, «переходящих в бурные овации...»¹

Добавлю, что цитируемый отрывок из Пикуля относится не к маю — июню 1941-го, а к лету — осени 1940 года: Когда на территорию СССР действительно в больших количествах забрасывали действительно неплохо владевших русским и украинским языками агентов абвера из числа уроженцев свежеприсоединенных западных регионов Советского Союза. Но это была именно массовая агентура, которую немецкие инструктора готовили наскоро и начерно — в отличие от малочисленных тогда соотечественников из «Бранденбурга», которых в 1940 году в СССР не засылали и засылать не могли ни по военно-политическим соображениям, связанным со статусом «брандербуржцев» как полноправных граждан рейха и кадровых военнослужащих Вооруженных сил Германии, ни потому, что большинство штатных военнослужащих «Бранденбурга», в отличие от приписанных к полку националистов, не знали русского языка и не имело даже минимальной подготовки к ведению конспиративной работы «на длительном оседании и инфильтрации», о которой шла речь в романе Пикуля...

Что же на самом деле происходило в районе Бреста 21—22 июня 1941 года? Правдоподобную версию тех событий можно выработать, опираясь на имеющиеся факты и простую логику.

Прежде всего, ни один доступный автору этих строк документальный источник о «Бранденбурге» на русском и иностранных языках не содержит упоминаний о том, что военнослужащие полка особого назначения «Бранденбург» накануне 22 июня 1941 года были посланы в Брест и Брестскую крепость с диверсионными целями. Что вполне согласуется с боевой специализацией и тактикой действий «брандербуржцев», отшлифованной в

¹ Цит. по: *Пикуль В.С. Площадь павших борцов.* — М.: Изд. «Голос», 1996. — С. 80.

многочисленных операциях 1939—1941 годов. В Бресте их целью вряд ли мог быть захват и удержание опорных пунктов крепости, многотысячный гарнизон которой, находясь в ее стенах, не мог контролировать стратегически важную для гитлеровцев железнодорожную магистраль Минск — Брест — Варшава, хотя был способен держать под огнем несколько ближайших дорог с мостами через пограничную реку Буг. А тогдашнее немецкое командование всех уровней — от ОКХ до штурмовавшей крепость 45-й пехотной дивизии, укомплектованной австрийскими земляками фюрера — вряд ли решилось бы использовать штучных диверсантов «Бранденбурга» как пушечное мясо для одной-единственной операции по захвату фортеции.

Между тем в воспоминаниях выживших защитников Брестской крепости упомянуто несколько реальных случаев, когда ее защитники успешно противостояли «немецким диверсантам в советской военной форме».

Так, заместитель командира роты связи 84-го стрелкового полка лейтенант Леонид Кочин следующим образом описывал события первого утра войны:

«...Трем командирам, в том числе и мне, поручили произвести разведку в разных направлениях от казармы. Не успели мы выбраться и пройти метров 150, как наткнулись на немецкого сигнальщика. Взять живьем его не удалось, и при перестрелке он был убит. При нем мы обнаружили опознавательное полотно для самолетов. Нам стало ясно, что в крепости уже много врагов...»¹

А вот что писал выпускник Калинковичского пехотного училища Александр Махнач, прибывший в Брестскую крепость 19-летним лейтенантом и принявший командование взводом 455-го стрелкового полка за четыре дня до начала войны — 18 июня 1941 года:

«...На рассвете 23 июня началась ружейно-пулеметная

¹ Цит. по: Героическая оборона. Сборник воспоминаний участников обороны Брестской крепости. — Минск: Государственное издательство БССР, 1963. — С. 57.

перестрелка. Я вылез на площадь и начал пристреливать новый ППД (пистолет-пулемет Дегтярева. — *М.Т.*), взятый вечером бойцами из склада. Вдруг почувствовал, что словно электротоком пронзило мне левую ногу. Превозмогая сильную боль, оглянулся. За мной с пистолетом в руках лежал какой-то боец. Только я хотел спросить у него, кто мог со стороны наших казарм стрелять, как он опять открыл по мне огонь. Не целясь, я выпустил по нему целый диск. Выяснилось, что это был переодетый в красноармейскую форму немецкий унтер-офицер. У него в кармане мы нашли документы. Под гимнастеркой оказался мундир с погонами, обшитыми по краям серебряной лентой. Из трех ранений, которые я получил от этого фашиста, первое оказалось самым тяжелым... Я вынужден был поползти в гараж, где располагалась санчасть. Там военфельдшер извлек одну из пуль и перевязал ногу...»¹

Подтверждения и интересные комментарии к воспоминаниям Махнача дал его сослуживец, в 1941 году начальник химической службы 455-го полка лейтенант Анатолий Виноградов:

«...Начиная со второго дня фашисты прибегли к тактике изнурения. Блокировав крепость, они держали под неослабным контролем всю систему каналов и рек, увеличивали продолжительность бомбежки, артиллерийского обстрела, атак, широко использовали агитационные средства.

Утром мы обнаружили фашистских диверсантов, переодетых в наше обмундирование. Очевидно, они имели задание вывести из строя командиров и политработников. Выстрелом в спину был убит старшина Попов, тяжело ранен в ногу лейтенант Махнач. В этот же день рукой переодетого врага была брошена нам под ноги граната, но она не успела взорваться благодаря находчивости заместителя политрука Александра Смирнова, которому удалось вовремя отбросить ее...»²

¹ Там же, с. 64.

² Там же, с. 72.

Похожие воспоминания оставил младший сержант пограничных войск НКВД СССР Сергей Бобренок, служивший перед войной на уже упомянутой мною 9-й погранза-ставе 17-го Брестского погранотряда, размещавшейся прямо в Брестской крепости и участвовавшей в ее обороне:

«...В ночь с 23 на 24 июня 1941 года погиб пограничник Харченко. С вечера он с прикрывавшим его напарником занял снайперскую позицию перед руинами заставы недалеко от Тереспольских ворот. Дело шло к рассвету, когда напарник Харченко почувал в развалинах движение и подполз к товарищу:

— Кто-то подбирается к нам...

Заслышав, как в завалах заставы посыпалась щебенка, Харченко поставил на боевой взвод гранату и подал голос:

— Стой! Кто идет?

— Свои, — после небольшой паузы донеслось с развалин.

Увидев в рассветном сумраке пилотку с красноармейской звездочкой, бойцы расслабились — и тут прогремел выстрел. Напарник упал, а на Харченко навалилось сразу несколько человек, сшибли его на землю ударом приклада в спину. Из-под груды вражеских тел взметнулась рука Харченко с гранатой, ударила о камень:

— Прощайте, товарищи!

Раздался взрыв...

Подоспевшие пограничники соседнего наряда, бойцы из подвалов уничтожили еще троих диверсантов. Забрали раненого напарника. В руинах остались трупы переодетых диверсантов: красноармейские брюки, гимнастерки, пилотки, но белье и тяжелые кованые сапоги — немецкие...

С этой ночи среди защитников крепости были введены пароль и отзыв.

С переодетыми диверсантами приходилось сталкиваться ещё не раз. Они подло, в спину, убивали бойцов,

охотились за нашими командирами, провокационно сдавались первыми в плен...»¹

Представляется, что ответ на вопрос о происхождении пресловутых «переодетых диверсантов», действовавших с 22 июня 1941 года в самой Брестской крепости, может быть связан с личностью командира разведывательного батальона штурмовавшей крепость 45-й пехотной дивизии вермахта. Звали этого человека Гельмут фон Паннвиц. В историю Второй мировой войны он вошел как создатель «казачьих частей» из русскоязычных эмигрантов и советских коллаборационистов, воевавших (главным образом против партизан и поддерживавшего их мирного населения) в качестве «1-й казачьей кавалерийской дивизии» вермахта, преобразованной в декабре 1944 года в 15-й казачий корпус СС. На момент капитуляции гитлеровской Германии в мае 1945 года Паннвиц имел чин группенфюрера СС. Что, вероятно, предопределило его последующую выдачу из занятой британской и американской армиями оккупационной зоны Австрии в СССР, где Паннвиц был казнен в 1947 году как военный преступник по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР вместе с такими личностями, как казачьи генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, Клыч Хан-Гирей и т.п.

После того, как решением Главной военной прокуратуры (ГВП) Российской Федерации в соответствии со статьей 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» Гельмут фон Паннвиц был посмертно реабилитирован в 1996 году, а в 2001 году та же ГВП отменила свое предыдущие решение в его отношении, в русскоязычных СМИ и Интернете не утихают споры по поводу юридических и исторических оценок деяний Паннвица в бытность его командиром казачьих частей, воевавших на стороне Гитлера. Но ни среди апологетов, ни среди ненавистников Паннвица до на-

¹Цит. по: *Бобренок С.Т.* У стен Брестской крепости. Записки участника обороны. — Минск: Изд. «Мастацкая літаратура», 1981. — С. 88—90.

стоящего времени не замечено исследователей действий Паннвица летом — осенью 1941 года.

Единственную попытку разобраться в этом вопросе предпринял участник известного большинству русскоязычных любителей военной истории военно-исторического форума www.vif2NE.ru под псевдонимом-ником Konsnantin175:

«...Город Пирятин был взят передовым отрядом 45-й пехотной дивизии вермахта. Так значится на немецких картах за 18 сентября 1941 года — V.A. 45.

Неделей ранее командарм-21 сообщал о бое с немецким полком, переодетым в красноармейскую форму...

Согласно военным мемуарам «На киевском направлении», автор которых А.В. Владимирский в июне — сентябре 1941 года был заместителем начальника оперативного отдела 5-й армии Юго-Западного фронта, 8 сентября 1941 года «группа Паннвиц» в составе разведывательного батальона 45-й пехотной дивизии и «передового отряда» 17-й пехотной дивизии успешно действовала под Черниговом, где способствовала окружению на правом берегу реки Десна основных частей 31-го стрелкового корпуса РККА.

Сама 45-я пехотная дивизия в этих трех случаях находилась далеко от мест боев.

Почему V.A. 45 действовал в отрыве от своей дивизии? Почему в самые критические дни этот батальон появлялся в районе деснянских переправ, сперва 31-го стрелкового корпуса 5-й армии, а затем и 21-й армии? Что это был за бой с переодетыми в красноармейцев немцами в районе нахождения 45-го разведбата у переправ 21-й армии? Почему первыми в штабе Юго-Западного фронта в Пирятине появились люди Паннвица? В чьей форме они появились? Почему после киевского котла Паннвиц превратился в русско-казацкого Батьку? Может, он был им с начала войны?

Вывод-предположение: Паннвиц, еще будучи командиром разведбата-45, сформировал группу из предателей

(или белоэмигрантов), передел своих немецких воинов в советскую форму и «сеял панику в тылах РККА, захватывал мосты и штабы, распространял слухи» и пр.»¹.

Наряду с переодетыми в советскую военную форму военнотружущими разведбатальона 45-й пехотной дивизии, в последней декаде июня 1941 года в окрестностях Бреста могли действовать и другие ряженные гитлеровские диверсанты. Прежде всего речь идет о белорусских и польских националистах, подготовленных и брошенных на территорию СССР абвером накануне войны. Вот что сказано о них в недавней монографии исследователя истории белорусского коллаборационизма Олега Романько:

«Молодой врач Николай Щорс, активный деятель виленского Белорусского студенческого союза, начал сотрудничать с абвером и СД во второй половине 1940 года. Это сотрудничество было направлено на вербовку и подготовку агентов с целью их дальнейшей засылки в СССР. Центром такой подготовки должна была стать школа абвера в местечке Ламсдорф (Германия). А главным вербовочным бюро — филиал варшавского Белорусского комитета в Бялой Подляске. Не позднее весны 1941 года группа Щорса начала набор добровольцев для диверсионных подразделений абвера среди военнопленных-белорусов бывшей Польской армии. Первой была сформирована группа в количестве 52 человек (командир — хорунжий Владимир Кочан), которая прошла специальную подготовку и была перебросена через советскую границу. Переброска происходила в два этапа: 15 июня и в ночь с 21 на 22 июня 1941 года. Перед личным составом обеих групп была поставлена сходная задача: совершение диверсий в районе Столбцы — Барановичи и западнее Минска.

Помимо этого варшавский Белорусский комитет сформировал при помощи СД несколько групп (по 20 — 30 человек в каждой), которые должны были стать основой аппарата будущей оккупационной администрации.

¹ См. <http://vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/1521858>.

Из них наибольшую известность получила группа бывшего капитана Польской армии Юрия Вежана, которая в июне 1941 года была высажена в районе Сувалок с целью проведения диверсий.

...После нападения Германии на СССР и быстрого продвижения немецких войск на восток боевое применение этих групп в качестве разведывательно-диверсионных подразделений стало нецелесообразным. В связи с этим белорусские диверсанты были привлечены немцами для выполнения охранно-полицейских функций на оккупированных территориях...»¹

Возможно, именно об этих диверсантах упоминалось в воспоминаниях генерал-полковника КГБ Сергея Бельченко, который в июне 1941 года был начальником Управления НКГБ по Белостокской области:

«...В ночь на 17 июня мне позвонил начальник войск Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант Богданов И.А. и сообщил, что в районе Ломжи пограничники задержали восемь вооруженных диверсантов. Я попросил доставить эту группу в Белосток. Диверсанты были одеты в форму чекистов, командиров и политработников Красной Армии, имели хорошо оформленные фиктивные документы. На допросах они показали, что им дано задание скрытно выйти в район города Барановичи и, как только начнется война, приступить к активным действиям: портить телефонную связь; ракетами и другими способами указывать немецким самолетам сосредоточения наших войск, военной техники, а также аэродромы; сеять панику среди советских людей, убивать чекистов, работников милиции, командиров Красной Армии, распространять ложные, клеветнические слухи и т.д...»²

¹ Цит. по: *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945. — М.: Изд. «Вече», 2008. — С. 76—77, 413.

² Цит. по: *Сечкин Г.П.* Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М.: Изд. «Граница», 1993. — С. 46.

Наконец, на рассвете 22 июня 1941 года на железнодорожной станции Бреста, а затем и в государственных и советских учреждениях города действительно могли оказаться диверсанты абвера, проникшие на территорию СССР в запломбированном грузовом эшелоне. Упоминания об этом приведены в мемуарах заведующего оргинструкторским отделом Брестского облисполкома, а затем одного из руководителей Брестского антифашистского подполья Анатолия Ивановича Боровского:

«...Из-за беспечности наших железнодорожных органов немецкое командование сумело перебросить из-за Буга в 2 часа утра 22 июня 1941 года на Брест-Западный эшелон с запломбированными вагонами. В них были вооруженные солдаты и офицеры, которые и заняли станцию, оказавшись в тылу наших пограничников и воинских частей крепости»¹.

Возможно, именно эти передовые подразделения были главной ударной силой в типовой операции по захвату архивов советских и государственных учреждений Бреста, упомянутой в послевоенных мемуарах Оскара Райле — бывшего помощника руководителя абвера адмирала Канариса:

«...Немецкие дивизии стремительно продвигались вперед, группы фронтовой разведки — вместе с ними. В то время как части фронтовой разведки I с танковыми и другими моторизованными подразделениями пытались пробиться в Ковель, Лемберг (Львов. — *М.Т.*), Вильно и другие города, в которых располагались вышестоящие штабы русских или дислоцировались до начала наступления, группы фронтовой разведки III старались как можно быстрее добраться до учреждений секретных служб противника. В некоторых случаях это удалось сразу в первые часы кампании, поскольку НКВД, главная ветвь советской секретной службы, выдвинул свои органы вплотную

¹ См. *Боровский А.И.* О них молчали сводки. — Минск: Изд. «Мастацкая літаратура», 1970. — С. 12.

к германо-советской демаркационной линии, проходящей по Польше.

Так, например, было в Брест-Литовске. Непосредственно после воздушного налета сотрудники командо III фронтовой разведки под командованием майора Г. вошли в город в передовых порядках наступающих войск и заняли здание НКВД. Капитан Д., участвовавший при этом, так описывает этот эпизод:

«...Когда мы вошли в здание НКВД и произвели осмотр, то нашли все так, как если бы служащие учреждения только что покинули свою контору. Письменные столы, сейфы, стулья — все стояло на своих местах. Я установил, что междугородная телефонная связь через коммутатор, расположенный в подвале, была не отключена. Телефонные штекеры еще воткнуты в коммутационные гнезда, и коммутаторные лампочки продолжали гореть. Служащие учреждения, видимо, бежали сломя голову.

Поэтому в сейфах, вскрытых автогенами, мы, сверх ожидания, обнаружили множество секретного материала. Наше командо работало почти неделю, чтобы изъять и просмотреть все документы, найденные в НКВД. Подавляющее большинство материалов для анализа было отправлено в главное управление «Восток III» по фронтовой разведке, в так называемый «Штаб Валли». Но уже на месте мы смогли выудить много информации из советских секретных документов.

Например, мы обнаружили красный список телефонных адресатов размером со спичечный коробок, в котором перечислялись все без исключения служебные в Кремле и домашние телефоны членов Советского правительства.

Затем из изъятых секретной документации выяснились имена и адреса ведомых брест-литовским органом НКВД информаторов и агентов. Разумеется, мы сразу же стали их разыскивать, ибо из дел было также ясно, какие шпионские задания против Германии они выполняли и

какие им еще предстояло выполнять. В некоторых случаях розыск привел к успеху.

...Впрочем, не только органы НКВД, но и весь советский гарнизон Брест-Литовска был полностью захвачен врасплох германским наступлением. Многие офицеры гарнизона вечером 21 июня 1941 года, в субботу, были на балу и еще крепко спали, когда в воскресные предраусветные часы началась бомбардировка города и затем наступление. Так получилось, что некоторые советские офицеры даже не смогли добраться до своих частей. Уже в первый день войны они попали в плен»¹.

Воспоминания Оскара Райле также интересны тем, что в них четко сформулированы различия целей и задач деятельности фронтовых спецгрупп III отдела абвера, ведавшего военной контрразведкой — и подразделений полка «Бранденбург», подчиненного II отделу абвера (диверсии и саботажи):

«...Подразделениями фронтовой разведки I командовали офицеры I отдела абвера. Они в первую очередь решали задачи, нацеленные на разведку войск противника. Их главная задача — прояснить настоящие стратегические замыслы и находящиеся на стадии разработки оперативные намерения противника. К выполнению этой главной задачи должны стремиться и подразделения III фронтовой разведки. Но они в основном боролись со шпионами и диверсантами, а также террористическими группами в собственной прифронтовой полосе. Главная профессиональная задача этих частей, которыми командовали офицеры контршпионажа, — разведка направленных против Германии замыслов и мероприятий секретных служб противника.

Строчные подразделения, сформированные I и III отделами абвера, должны были именоваться группами фронтовой разведки. В качестве частей предусматрива-

¹ Цит. по: *Райле Оскар*. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). — М.: Изд. «Центрполиграф», 2002. — С. 159—161.

лись коммандо фронтовой разведки, которым подчинялось не точно определенное количество групп. В кадровом отношении части фронтовой разведки оставались по-прежнему малочисленными. В среднем коммандо насчитывало 25 — 40 человек, включая офицеров, переводчиков, радистов и других специалистов.

Обозначение «фронтовая разведка» проистекало от важнейших задач этих подразделений. Группами же они назывались потому, что в случае войны должны были двигаться в передовых порядках наступающих армий, чтобы изымать и анализировать секретные документы противника, далее, используя информаторов, допрашивая военнопленных и любыми другими доступными средствами, добывать информацию о численности войск и боевых порядках на фронте противника для собственного войскового командования. Группами они еще назывались оттого, что при необходимости должны были перебрасываться наземно или по воздуху через линию фронта для ведения разведывательных операций на территории противника (выделено мною. — *М.Т.*).

Наконец, группами они назывались, поскольку были обязаны в собственной прифронтовой полосе осуществлять меры прикрытия строевых частей и военных объектов от шпионажа и диверсий.

Таким образом, подразделения I и III фронтовой разведки были новым родом войск с разведывательными задачами в прифронтовой полосе, тогда как части II отдела абвера и полк, а затем дивизия «Бранденбург» решали преимущественно особые войсковые задачи. В период наступления германских армий к ним в особенности относились скрытные операции за фронтом в тылу противника, в ходе которых следовало сохранить все важные для собственного командования мосты, железнодорожные узлы и промышленные объекты от разрушения их отступающим противником. Если же, напротив, наступал противник, части II отдела абвера получали задание уничто-

жить мосты и другие объекты, которые способствовали бы его дальнейшему продвижению...»¹

Особенности деятельности фронтовых абвергрупп и абверкоманд (Abwehrkommando — именуемые «коммандо» в русском переводе книги Оскара Райле) на советско-германском фронте в первый год Великой Отечественной войны были показаны в книге еще одного ветерана «Абвера», благополучно пережившего войну и своего шефа Канариса. Речь идет о Герде Бухгайте и его работе «Абвер — щит и меч III рейха».

«Уже весной 1941 года, — писал Бухгайт, — абвер приступил к формированию фронтовых разведывательных центров I, II и III под кодовыми наименованиями соответственно — «Штаб Валли-I», «Штаб Валли-II» и «Штаб Валли-III». Эти центры, в свою очередь, создавали свои фронтовые разведывательные подразделения I и III в рамках операции «Барбаросса». Эти центры являлись, по сути, передовыми отделами абвера, подчинялись Центру в кадровом и профессиональном отношении, а точнее — непосредственно отделам I, II и III. Фронтовые разведкоманды и «айнзатцгруппы» предназначались для использования на фронтах групп армий.

...Для того чтобы ускорить прохождение разведдонесений к штабам армий и групп армий, были созданы особые фронтовые разведывательные центры «Абвера-I» и «Абвера-III» «Ост» («Восток»). Штабы «Валли-I», «Валли-II» и «Валли-III» фронтового центра абвера «Ост» располагались в местечке Сулеювек близ Варшавы. Начальником «Валли-I» был майор (впоследствии полковник) Баум. Выросший под Одессой в семье давно осевших там немцев, Баум прекрасно владел русским языком. Начальником «Валли-II» был майор Зелигер, но летом 1943 года его поймали и расстреляли партизаны. На этом посту его сменил майор Маркс. Руководителем «Валли-III» был

¹ Цит. по: *Райле Оскар*. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке, с. 151—152.

подполковник (впоследствии — полковник) Шмальшлегер.

...Задачей оперативного штаба II («Валли-II») был прежде всего подрыв боевого духа вражеских войск. Кроме того, ему поручалось ослаблять экономический потенциал противника, особенно в области транспорта, а также не допускать разрушения противником своих промышленных объектов. При выполнении этих задач «Валли-II» опирался преимущественно на поддержку тех слоев населения, которые были недовольны местной властью. ...Многие военные успехи сражающихся войск можно было отнести не в последнюю очередь к работе «Абвера-II», в особенности это касалось Прибалтики, Украины и позднее — Кавказа...¹

Из всего вышеизложенного следует, что в первые дни и недели войны на прифронтовых территориях СССР в ближних тылах отступавшей Красной Армии наряду с подразделениями «Бранденбурга» могли действовать и действовали группы армейской разведки «Абвер-I» и контрразведки «Абвер-III», подчинявшиеся развернутому в Сулеюевке (Сувалках) под Варшавой штабу абвера «Валли». Плюс обученные на базах абвера (в том числе инструкторами «Бранденбурга») группы националистов из западных регионов Украины, Белоруссии и стран Балтии. Плюс разведподразделения дивизий вермахта из первого эшелона вторжения — вроде упомянутого разведывательного батальона 45-й пехотной дивизии под командованием майора Гейнца фон Паннвица.

Накануне 22 июня 1941 года все вышеназванные штатные и нештатные разведывательно-диверсионные подразделения могли без особого труда перейти тогдашние государственные границы СССР, которые в большинстве были установлены в 1939 — 1940 годах. Причины подобных безнаказанных прорывов через советско-германскую границу на территорию СССР накануне войны нашли объяснение во впервые опубликованном лишь в 1990-х гг. исследова-

¹ Цит. по: *Бухгайт Карл*. Абвер — шит и меч III рейха. — М.: Изд. «Яуза-ЭКСМО», 2003. — С. 290—292, 298—299.

нии ветерана и историка советских пограничных войск Георгия Петровича Сечкина:

«...Наряду с недостатками в организационной работе командования, штабов и политорганов, слабым инженерным оборудованием границы и неудовлетворительным состоянием пограничного режима в 7,5-километровой пограничной полосе, по нашему мнению, следует назвать и такие причины, как отсутствие должной согласованности оперативных мероприятий и войсковых действий погранвойск, недостаточная их численность и плохое взаимодействие с войсками прикрытия границы приграничных военных округов.

...Недостаточная численность пограничных войск вынуждала пограничных начальников строить охрану границы линейно, без должной глубины. В результате группы вооруженных нарушителей границы, в том числе и банды численностью 30 — 50 и более человек, прорывали полосу расположения пограничных нарядов, глубина которой не превышала 1,5 — 2 км.

...После ряда безнаказанных прорывов через границу крупных вооруженных групп в апреле — мае 1941 года на участках 105, 106 и 107-го пограничных отрядов, охранявших границу между Литовской ССР и Германией, 21 июня 1941 года для усиления охраны было выделено 1200 человек из состава оперативных полков, дислоцировавшихся в Литве. ...Но все эти несовершенные и запоздалые попытки ни в какой мере не могли повлиять на охрану западной границы в сложной предвоенной обстановке...»¹

Как видно из процитированного исследования, перебрасываемым на территорию СССР накануне начала войны гитлеровским диверсантам не было необходимости прибегать к технически сложной и опасной процедуре с тайниками в грузовых железнодорожных вагонах. Вероятно, пресловутый эшелон с диверсантами, захвативший за два часа до начала войны на железнодорожную станцию Брест, был

¹ Цит. по: *Сечкин Г.П.* Граница и война, с. 48—49.

(если он действительно существовал) единственным транспортным средством такого рода. Представляется, что единственный характер до 22 июня 1941 года имели и заброски диверсантов на территорию СССР воздушным путем — будь то парашютные или посадочные десанты, поскольку, в отличие от прорывов сухопутной границы по «зеленым тропам», любое пересечение предвоенных воздушных границ СССР летательными аппаратами с диверсантами было заведомо более рискованным предприятием.

Что касается «Бранденбурга», то до последнего времени исследования реального масштаба участия его подразделений в разведывательно-диверсионной работе абвера на советско-германском фронте в первые месяцы войны были затруднены соображениями секретности, связанными с инфраструктурой приграничных коммуникаций СССР, на захват и удержание которых и была нацелена тогдашняя деятельность «бранденбуржцев». Примечательно, что отечественные историки до сих пор публикуют текст приказа начальника штаба групп армий «Б» («Центр». — *М.Т.*) генерал-майора Ганса фон Грейфенберга от 20 мая 1941 года о боевом применении диверсантов «Бранденбурга» для захвата советских объектов в полосе действий 4-й армии, опуская конкретные названия и географическое расположение этих объектов.

Подсказку содержит контекст приказа, где упомянуты «девять объектов», для захвата которых командованию 4-й армии, наступавшей совместно со 2-й танковой группой на южный фланг так называемого «Белостокского выступления» на линии Белосток — Брест, придавалась «одна рота 800-го учебного полка особого назначения, имевшая около 220 человек личного состава — из расчета на каждый объект по 30 — 60 человек при полной маскировке, т.е. в форме русских солдат»¹. Анализ обобщенных сведений о

¹ См. *Ямпольский В.П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. — М.: Изд. «Кучково поле», 2008. — С. 640—641.

боевом применении подразделений «Бранденбурга» в первые дни войны дает основания полагать, что в приказе фон Грейфенберга речь шла о 10-й роте III батальона полка «Бранденбург», которая в ночь на 22 июня 1941 года была послана на захват восьми мостов в районе Августов — Липск (нынешний Сувалкский повят Подляского воеводства Республики Польша)¹.

Приступая к рассмотрению деятельности подразделений «Бранденбурга» в первые дни и недели Великой Отечественной войны, следует обратить особое внимание на следующие эпизоды.

I батальон полка (командир батальона майор Фридрих-Вильгельм Хайнц) в мае 1941 года был передан в оперативное подчинение группе армий «Юг» и расквартирован на западном склоне гор Высокие Татры в польском городке Закопане на базе развернутого там с декабря 1939 года учебного центра по подготовке чинов вспомогательной полиции из лояльного гитлеровцам населения оккупированных территорий. Именно в Закопане к «бранденбуржцам» присоединилось около 330 украинских националистов-добровольцев из сформированного в начале 1941 года батальона «Нахтигаль» («Соловей»), получившего это название благодаря по-соловьиному голосистому батальонному хору.

К середине июня 1941 года штаб I батальона «Бранденбурга», его 2-я и 4-я роты были приданы вошедшей в состав группы армий «Юг» 17-й армии, а 3-я рота — III моторизованному армейскому корпусу 1-й танковой группы вермахта. Зоной действий 2-й роты батальона, которой в тот момент командовал капитан Хартманн, был определен район стоявшего прямо на пограничной реке Сан города Перемышль. То обстоятельство, что западная часть этого города, прежде принадлежавшего Польше, в 1939 —

¹ См. *Eric Lefevre. Brandenburg Division, p. 306.*

1941 годах была оккупирована гитлеровской Германией, облегчала заброску в восточную «советскую часть» Перемышля разведчиков и диверсантов из числа украинских националистов. В свою очередь, оставшееся на западной поднемецкой стороне города польское патриотическое подполье установило тогда контакты с советскими «органами».

Имеются свидетельства, что накануне 22 июня 1941 года на советскую сторону Перемышля перешел имевший псевдоним Бойко эмиссар польской антигитлеровской организации под названием «Союз вооруженной борьбы — СЕМП», действовавшей в Засанье с 1939 года. С 1940 года «СЕМП» поставлял информацию в разведотдел развернутого вдоль границы 91-го Перемышльского погранотряда НКВД СССР. За считанные дни до начала войны Бойко сообщил в погранотряд о планируемом участии подразделений «Бранденбурга» в действиях 228-й пехотной дивизии по захвату находившегося в самом центре Перемышля железнодорожного моста через реку Сан, по которому шло основное движение по магистрали Львов — Краков¹.

Согласно ряду документальных источников на рассвете 22 июня 1941 года одновременно с предпринятыми тогда лобовыми атаками немецких строевых частей прямо по мосту, обороняемому пограничниками 14-й погранзаставы 91-го погранотряда, группа вооруженных мужчин в гражданской одежде переправилась на лодках через реку Сан и пыталась укрыться в Перемышльском городском парке. Часть этой группы была разгромлена посланными в парк пограничниками под началом начальника штаба Перемышльской погранкомендатуры старшего лейтенанта Бакаева.

К 14 часам дня 22 июня пограничники 92-го погранотряда были вынуждены отойти из города, который их сводному отряду при поддержке подошедших к Перемышлю

¹ См. *Ивановский О. Г.* Записки офицера СМЕРШа. — М.: Изд. «Центрполиграф», 2006. — С. 49—51.

частей 99-й стрелковой дивизии удалось почти целиком отбить у гитлеровцев утром 23 июня. Тогда же кавалерийский эскадрон, сформированный из пограничников 92-го погранотряда по приказу его начальника майора Я.И. Тарутина, настиг и уничтожил в районе села Нижанковичи вторую группу диверсантов, предположительно относившихся к «Бранденбургу». Что касается пресловутого городского железнодорожного моста, то саперы Красной Армии взорвали его перед вторым отступлением из Перемышля утром 27 июня 1941 года, так что гитлеровцам удалось восстановить движение по мосту лишь к концу года¹.

Возможно, подразделения 2-й роты I батальона «Бранденбурга» приняли участие и в захвате пограничного моста через реку Сан в районе Радымно в 18 км к северу от Перемышля. Известно, что на рассвете 22 июня 1941 года ударный отряд противника атаковал пограничные наряды охранявшей мост с советской стороны 9-й погранзаставы 92-го погранотряда и, захватив мост, окружил пограничников. Личный состав заставы в количестве 40 человек под командованием лейтенанта Н.С. Слюсарева в результате рукопашной схватки отбросил врага с советской территории и занял мост. Затем мост вновь был атакован разведывательным отрядом при поддержке 10 танков 52-го армейского корпуса 17-й немецкой армии. Пограничная застава отразила первую атаку пехоты, но была целиком уничтожена прорвавшимися через мост танками².

Тем временем приписанный к I батальону «Бранденбурга» личный состав украинского батальона «Нахтигаль» в ночь с 22 на 23 июня без боя перешел советскую границу на реке Сан возле Перемышля, являясь резервом подразделений I батальона «Бранденбурга», предназначенных для

¹ См. «Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941. Сборник документов и материалов. — М.: Изд. «Наука», 1976. — С. 300; *Беляев Владимир*. Первый контрудар на Сане. // Сборник «Пограничная застава». — М.: «Политиздат», 1980. — С. 121; *Скрылев М.* «Шел бой на границе» // Газета «Правда», 22 июня 1981 года.

² См. *Ивановский О.Г.* Записки офицера СМЕРШа, с. 56—57.

атаки укреплений к северу от Львова. По дороге к Львову «Нахтигаль» поддерживал 2-ю и 4-ю роты I батальона «Бранденбурга», действовавшие в качестве разведотряда и передового охранения 1-й горнострелковой дивизии. Вступив во Львов утром 30 июня, группы «бранденбуржцев» устремились на захват зданий обкома ВКП(б) и управлений НКВД и НКГБ по Львовской области, тогда как «Нахтигаль» занял городскую радиостанцию. Именно тогда его украинский командир Роман Шухевич приказал передать в эфир вечером 30 июня и утром 1 июля сообщение о провозглашении «независимой Украинской Державы». После этого немцы отстранили от командования украинских офицеров батальона «Нахтигаль», передав их полномочия прикомандированному к батальону представителю «Абвера-II» обер-лейтенанту Гансу-Альбрехту Герцнеру¹. Командование четырьмя ротами (сотнями) батальона было также передано их немецким инструкторам — графу фон Туну, Гогенштайну, Миддельгауве и Шиллеру.

Следующая неделя пребывания «Нахтигалья» во Львове была отмечена беспрецедентной по масштабам и жестокости резней, жертвами которой стали сотни населявших город поляков, евреев и не успевших эвакуироваться семей партийно-советского актива. 7 июля батальон «Нахтигаль» убыл из Львова через Тернополь в оставленный Красной Армией Проскуров (ныне Хмельницкий), куда прибыл 14 июля. Оттуда в составе немецких частей «Соловей» продолжил движение на Восток — в Браилов, Винницу и небольшое подольское местечко Юзвин. Именно там «соло-

¹ Это был тот самый Герцнер, который в августе 1939 года в чине обер-лейтенанта руководил брошенной в Польшу группой диверсантов абвера. Не зная об отмене приказа об открытии боевых действий против Польши, которые изначально планировалось начать 26 августа 1939 года, т.е. за пять дней до фактического начала войны, Герцнер со своими людьми самовольно захватил и несколько часов удерживал стратегически важный Яблунковский перевал. Его действия вызвали большой резонанс, но никак не повлияли на логику событий, неумолимо приближавших 1 1939 года — начало Второй мировой войны.

вьи» узнали о произошедшем 9 июля во Львове аресте самопровозглашенного там «временного украинского правительства» во главе с премьером Ярославом Стецко. 13 августа весь личный состав батальона был отправлен на его базу в Нойхаммер (Силезия). Война на Восточном фронте для «Нахтигалья» была закончена...

В отличие от приданного «Нахтигалья», 2-я рота I батальона «Бранденбурга» под командованием капитана Вольфа-Юстина Хартманна всю первую половину июля 1941 года вела активные боевые действия в качестве передовой группы наступавшей на Винницу 4-й горнопехотной дивизии вермахта. Вероятно, 2-я рота сыграла важную роль в произведенной 14 — 15 июля 1941 года разведке Летичевского укрепрайона в полосе обороны советской 12-й армии Юго-Западного фронта. К 17 июля эта оборона была прорвана, что создало предпосылки для состоявшегося затем прорыва гитлеровцев к Киеву¹.

Тем не менее 12-я армия под командованием генерал-майора П.Г. Понеделина сумела сорвать планы противника, рассчитывавшего на полное окружение армии западнее реки Буг. Центральным пунктом, за который шла борьба в течение двух суток 18 — 19 июля 1941 года, стал тогда город Винница. В те дни нашим войскам удалось сдержать натиск 4-й горнострелковой дивизии, стремившейся гнать наши войска с запада к обстреливаемым артиллерией мостам в Виннице. Срочно переброшенная к городу с Южного фронта свежая 60-я горнострелковая дивизия Красной Армии на протяжении трех дней перемалывала огнем своей артиллерии и контратаками части 4-й горнопехотной дивизии вермахта².

Один из таких «боев местного значения» произошел 18 июля 1941 года у деревни Людовка, где диверсанты «Бранденбурга» едва ли не в первый раз с 22 июня были вынуж-

¹ См. *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова. — М.: Изд. «АСТ», 2004. — С. 322 — 323.

² Там же, с. 366.

дены атаковать советские траншеи как обычное пехотное подразделение. В итоге этого боя 2-я рота заняла-таки деревню, потеряв при этом 28 человек убитыми (включая самого командира роты капитана Хартманна и еще 4 из 6 офицеров), а также 50 человек ранеными. Лишившись разом более 30 процентов личного состава, рота была тут же отправлена в Германию на переформирование¹.

Вероятно, эти неоправданные потери вынудили штатных историографов вермахта сочинить легенду о том, что 2-я рота якобы была разгромлена «при нападении на штаб крупной воинской части». Эта легенда приведена в переведенном на русский язык исследовании Юлиуса Мадера в разделе «Хронологии разведывательно-диверсионных действий абвера»:

«15 — 17 июля 1941 года:

Переодетые в красноармейскую форму командос батальона «Соловей» и 1-го батальона «Бранденбург-800» совершают нападение на штаб одной из частей РККА в лесу под Винницей. Атака с ходу захлебнулась — диверсанты понесли тяжелые потери. Остатки батальона «Соловей» были расформированы...»²

Примечательно, что специально интересовавшиеся этим эпизодом участники «Военно-исторического форума» не нашли в документах Юго-Западного фронта за вторую декаду июля 1941 года ни одного упоминания о нападении вражеских диверсантов на сколько-нибудь серьезный военный штаб уровня дивизии и выше³.

Что касается 4-й роты I батальона «Бранденбурга», то самой громкой акцией, осуществленной этим подразделением в первые дни вторжения в СССР, считается за-

¹ См. *Eric Lefevre*. Brandenburg Division., p. 306. Прижизненное фото командира роты Хартманна и фото места захоронения «бранденбуржцев» под Винницей см. на интернет-сайте <http://www.friedrich-wilhelm-heinz.de/index2.html>.

² См. *Мадер Ю.* Абвер — щит и меч Третьего рейха. — Ростов-на-Дону: Изд. «Феникс», 1999. — С. 247.

³ См. <http://vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/3757>.

хват объектов в Белоруссии на железной дороге Лида — Молодечно, осуществленный 25 июня 1941 года бойцами приписанного к 4-й роте парашютного взвода. Вот как описал эту операцию Юлиус Мадер:

«...25 июня 1941 года усиленный взвод «Бранденбург-800» под командованием лейтенанта Лекса был выброшен на парашютах в полосе наступления группы армий «Центр» между Лидой и Первомайским (Белоруссия) с заданием перерезать железнодорожную линию Лида — Молодечно, захватить и удержать до подхода главных сил переправы через Березину. Это был один из первых опытов ночного десантирования со сверхмалой высоты (50 м). При подлете к точке высадки транспортные самолеты люфтваффе были встречены сильным огнем русских зенитных батарей, так что первые потери группа понесла еще в воздухе. 35 командос соединились после успешного приземления в районе станции Богданов и вышли к реке. Охрана была уничтожена в ходе внезапной атаки, а подготовленные к взрыву мосты разминированы.

Бойцы Лекса заняли круговую оборону в ожидании танков вермахта, но те ввязались в затяжные бои на подходе к Березине и не смогли выйти к месту высадки диверсионной группы в контрольные сроки. Уже на рассвете русские начали отбивать захваченные мосты силами танковой и пехотной рот. Свыше суток десантники сдерживали яростные атаки превосходящих сил противника. Лекс и четверо парашютистов погибли, еще 16 бойцов получили ранения разной степени тяжести. Когда к вечеру 26 июня танковый авангард вермахта пробился к переправам, в строю оставалось только 14 командос, но задание было выполнено...»¹

Достоверность вышеописанного боевого эпизода подтверждается западными исследователями «Бранденбурга» — в частности, уже не раз цитированным в моей работе Эриком Лефевром. Правда, в зарубежных работах приводится

¹ Цит. по: Мадер Ю. Абвер — щит и меч Третьего рейха, с. 10.

иная фамилия командира десантников — не «Лекс», а «второй лейтенант Лютке». Кроме того, в зарубежных работах речь идет о захвате парашютистами из взвода Лютке двух железнодорожных мостов. Что касается реки Березины, то, как хорошо видно на карте района Лиды — Молодечно, в указанном районе Березина не протекает. А действительно протекающие там река Неман и его приток Щара находятся на значительном удалении от станции Богданов. Так что железнодорожный мост через Неман расположен весьма далеко от Богданова и гораздо ближе к городу и станции Волковыск и в силу этого вряд ли мог быть объектом атаки парашютистов «Бранденбурга»¹.

Как уже говорилось выше, в июне 1941 года 3-я рота I батальона «Бранденбурга» под командованием лейтенанта Вернера Джона действовала на значительном удалении от 2-й и 4-й рот, будучи придана III моторизованному армейскому корпусу 1-й танковой группы вермахта. В состав III армейского корпуса под командованием генерал-полковника Эберхарда фон Макензена накануне 22 июня 1941 года входили 14-я танковая, 44-я и 298-я пехотные дивизии, развернутые у приграничной реки Буг и изготовившиеся для удара по Владимир-Волынскому укрепленному району (УР), занятому 87-й стрелковой дивизией Красной Армии.

По замыслу гитлеровцев, главной магистралью для форсированного прорыва механизированных частей III армейского корпуса в глубь Украины должна была стать «танковая дорога» Грубешов — Владимир-Волынский — Луцк — Ровно — Новоград-Волынский — Житомир — Киев. В свою очередь, кратчайший путь к этой крупнейшей магистрали региона шел через приграничный населенный пункт Устилуг. Именно поэтому приданная III армейскому корпусу 3-я рота «Бранденбурга», будучи разделена на два диверсионных отряда в форме красноармей-

¹См. *Eric Lefevre*. Brandenburg Division, p. 150. Схема железнодорожной сети в районе Лида — Молодечно находится по адресу: <http://clubbm.narod.ru/Galereya/Voksaly/001.jpg>.

цев, в разгар корпусной артподготовки в промежутке между 3.30 и 4 часами утра 22 июня 1941 года захватила автодорожный мост в Устилуге и железнодорожный мост у Выгоданки в 13 км юго-западнее Устилуга.

Сразу после того как «бранденбуржцам» удалось без потерь взять мост в Устилуге, по нему пытались с ходу переправиться части 298-й пехотной дивизии вермахта. Но, встреченные огнем 1-го батальона 16-го стрелкового полка, 4-й погранзаставы 90-го погранотряда и 29-го пулеметного батальона Владимир-Волынского УРа, поддержанных огнем артдивизиона 212-го гаубичного арtpолка, гитлеровцы были отброшены с большими потерями. Лишь после того, как противник подтянул бронемашину и танки 14-й танковой дивизии, передовым частям 298-й пехотной дивизии удалось прорваться через Устилуг и к 9 часам утра выйти к юго-западной окраине Владимира-Волынского (См. *Владимирский А.В.* На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 г. — М.: «Воениздат», 1989. — С. 68.)

Дальнейший боевой путь, проделанный 3-й ротой «Бранденбурга» летом 1941 года, источники по теме освещают крайне скупо. Известно, что диверсанты 3-й роты участвовали в захвате переправ через реку Стырь в районе Сокаля, где приграничные сражения продолжались до конца июня. В августе 1941-го, незадолго до возвращения роты в Германию, ее подразделения участвовали в захвате неких мостов через Днепр ближе к Киеву. Возможно, хотя и неочевидно, что речь идет о мосте близ райцентра Горностайполь в 60 км к северу от Киева, упомянутому в работе А. Исаева:

«...23 августа 1941 года 98-я, 111-я, 113-я пехотные дивизии вермахта легко прорвали слабую арьергардную завесу на стыке 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса РККА. В образовавшийся прорыв устремилась передовая боевая группа 11-й танковой дивизии. Танки и мотопехота дивизии устремились по дороге через Кухары прямо на Окуниново. Мост через Днепр в районе Горностайполя

охранялся сводными подразделениями стрелков, понтонеров в составе 182 человек и 18 зенитными пушками...

Обычно в таких случаях немцы прибегали к услугам спецназа из «Учебного полка 800», известного больше как «Бранденбург». Спецназовцы переодевались в советскую форму, имитировали отход разрозненных частей и использовали другие приемы для обмана охраны важных объектов. В результате мост был захвачен, и мотопехота 11-й танковой дивизии образовала сильную предмостную позицию... В бою за переправу был ранен командир 11-й танковой дивизии Гюнтер Ангерн, сменивший 15 августа убитого в Африку Людвиг Крювеля.

...Тем временем передовой отряд 11-й танковой дивизии попытался развить успех далее. От Окуниново на восток, на переправу через Десну и Остер была выдвинута разведгруппа. Но здесь немцам удача не улыбнулась. Мост охранялся только ротой НКВД с двумя станковыми пулеметами и зенитной батареей, но в район Остера был направлен отряд Пинской флотилии под командованием майора В.Н. Добжинского в составе канонерской лодки «Смольный» и сторожевого корабля «Пушкин». Огнем кораблей флотилии немецкая разведка была отбита, и мост через Десну успели взорвать. В дальнейшем оборону района Остера взяли на себя 212-я воздушно-десантная бригада, 205-й артиллерийский полк и бойцы запасного полка и частей НКВД...»¹

II батальон полка «Бранденбург» (командир батальона майор Пауль Якоби) накануне 22 июня 1941 года был разделен на несколько подразделений, действовавших в удаленных друг от друга районах. 6-я рота батальона под командованием лейтенанта Мейсснера была придана 22-й пехотной дивизии 11-й армии генерал-полковника Эриха фон Манштейна, входившей в группу армий «Юг». Вероятно, первое боевое применение 6-й роты состоялось в районе города Могилев-Подольский Винницкой области Украины

¹ Цит. по: *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова, с. 485—486.

в первой декаде июля 1941 года. Общий обзор произошедших там и тогда событий содержит уже цитирувавшаяся книга А. Исаева:

«...К 7 июля 11-я армия прошла уже свыше 100 км и ее XI армейский корпус вышел передовым отрядом к Днестру. В этот день в дневнике Ф. Гальдера появилась следующая запись:

«11-я армия форсировала Днестр в районе Могилев-Подольского (железнодорожный мост приспособлен для переправы людей и техники)».

Это был бы большой успех, крупных мостов через Днестр в полосе немецкого наступления было не так много. Но командование Южного фронта немедленно отреагировало на эту угрозу выделением командиру 130-й стрелковой дивизии подвижного резерва в виде 47-го мотострелкового полка 47-й танковой дивизии 18-го механизированного корпуса. В результате решительной контратаки мотострелкам 47-го полка удалось ликвидировать немецкий плацдарм. Немецкая сторона позднее предпочла задрапировать эту частную неудачу. История 22-й пехотной дивизии утверждает, что плацдарм передовым отрядом даже не захватывался:

«22-й разведывательный батальон и 1-я рота противотанкового дивизиона прорвались к Днестру, но не смогли преодолеть взорванный мост в Могилеве (Могилев-Подольском. — А. И.)»¹.

К слову, в цитированном у Исаева дневнике Гальдера за 7 июля 1941 года имеется примечательная запись:

«19.00 — ...Противник выбил наши войска с плацдарма на Днестре, захваченного 11-й армией (там находилась лишь часть полка «Бранденбург»)»²

¹ Цит. по: *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова, с. 260—261.

² Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Том III. — М.: «Воениздат», 1971. — С. 98.

После боев на Днестре поредевшая 6-я рота II батальона полка «Бранденбург» продолжала движение на юг в качестве передового отряда 22-й пехотной дивизии вермахта. Вместе с этой дивизией диверсанты-«бранденбуржцы» дошли до Крыма и приняли активное участие в штурме Севастополя в конце 1941 года:

«...Главный удар командование 11-й армии решило нанести в полосе обороны 8-й бригады морской пехоты (БрМП) на Северной стороне Севастополя. При этом для достижения эффекта внезапности было решено обойтись без предварительной артподготовки и пустить впереди основных сил взвод полка «Бранденбург-800» для бесшумного уничтожения передового охранения 8-й БрМП, после чего немецкая пехота должна была ворваться в первые траншеи. Владевшие русским языком диверсанты выдавали себя за возвращавшуюся разведывательную группу. Этот замысел немецкого командования был успешно осуществлен на рассвете 17 декабря 1941 года, позволив противнику в первые сутки наступления глубоко вклиниться в оборону на Северной стороне на стыке 8-й БрМП и 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии, а затем и окружить этот полк»¹.

7-я рота II батальона полка «Бранденбург» накануне начала вторжения в СССР была придана I армейскому корпусу 18-й армии генерал-полковника Кюхлера из группы армий «Север», развернутой вдоль границы Восточной Пруссии с тогдашней Литовской ССР. Перед 22 июня 1941 года перед подразделениями роты, которой командовал лейтенант Котешке, была поставлена задача: захватить ряд мостов через реку Юра в окрестностях ближайшего к тогдашней советско-германской границе литовского райцентра Таураге. Однако эти планы были сорваны благодаря загодя изготовившимся к обороне час-

¹Цит. по: *Колонтаев К.* Морская пехота Черноморского флота в отражении второго штурма Севастополя в декабре 1941 года. Интернет-версия: <http://www.grafskaya.com/article.php?id=892>.

тям прикрывшей район Таураге 125-й стрелковой дивизии Красной Армии под командованием генерал-майора П.П. Богайчука. В промежутке между 7 и 12 часами дня 22 июня саперы 125-й дивизии сумели взорвать большинство загодя заминированных ими мостов через Юру, так что противнику из I армейского корпуса вермахта пришлось искать речные броды, снижая темпы своего наступления на Шяуляй.

Неудачные попытки захвата мостов через Юру не обескуражили «бранденбуржцев» из 7-й роты, которые отличились уже на следующий день, 23 июня 1941 года, действуя как передовой отряд «боевой группы Вестхофена» из 1-й танковой дивизии I армейского корпуса:

«...Для снабжения боевой группы Вестхофена решающее значение имел железнодорожный мост при Лидувенной. Сразу по получении дивизией приказа «повернуть на восток» полковник Вестхофен, чтобы захватить при Лидувенной переправу через Дубису, распорядился образовать усиленную диверсионную группу под командой старшего лейтенанта Вихмана (Wichmann). Ей ставилась задача — внезапно захватить мосты у Лидувенной и удерживать их до подхода остальных частей. Группу составили 2 броневика, 4 бронетранспортера и при них подразделение Вернера (Werner) из полка особого назначения 800 («Бранденбург»). О железнодорожной переправе имелся лишь один плохой аэрофотоснимок. Он показывал наличие с обеих сторон моста укрепленных полевых позиций. Сам мост был около 45 метров высотой и 270 метров длиной. К 18.00 группа Вихмана прибыла на место и расположилась неподалеку от моста, охранявшегося слабым противником. В то время как здесь броневики и бронетранспортеры под командой Вернера обеспечивали огневую защиту стрелков и саперов, Вихман, подавшись севернее, перешел с небольшим числом людей Дубису вброд выше по течению. В 18.20 обе группы встретились на железнодорожном мосту, защитники которого в панике бежали, не взорвав

его, так как все запальные провода удалось своевременно перерезать. В неповрежденном состоянии мост удерживался до подхода 3-й роты 1-го стрелкового полка...»¹

28 июня 1941 года подразделение 7-й роты II батальона полка «Бранденбург» под командованием фельдфебеля Вернера — 15 человек, считая командира, — продолжало выполнять приказ руководства 1-й танковой дивизии по ведению разведки и захвату укреплений в районе Шяуляя. Где как раз в тот день в окружение попал штаб 12-го стрелкового корпуса Красной Армии. Будучи воодушевлены этими успехами, бойцы Вернера катили на восток на трофейном грузовике, в кабине которого сидели одетые в красноармейскую форму водитель и помощник Вернера — фельдфебель Пурвин из прибалтийских немцев, прекрасно владевший русским языком. Сзади впритык к грузовику на немецком мотоцикле с коляской, где был установлен 81-мм миномет, ехал один из членов группы Вернера.

Вероятно, красноармейское подразделение охраны моста, усиленное как минимум одним орудием и станковыми пулеметами, заподозрило неладное в дорожных маневрах одиночного грузовика, сопровождаемого немецким мотоциклом. Сразу после того, как грузовик «бранденбуржец» остановился у самодельного завала на въезде на мост, вспыхнула перестрелка. Вся группа диверсантов, за исключением ее командира фельдфебеля Вернера, была уничтожена на месте. Вернеру удалось спрятаться в открытую у въезда на мост щель — укрытие от авиации. Оттуда он наблюдал взрыв моста и отход охранявшего его подразделения. Вечером к руинам моста подошли головные танки 1-й танковой дивизии вермахта².

Через два дня после описанных событий, т.е. 30 июня

¹ Цит. по: *Хаеш Анатолий*. «Пять дней до оккупации Жеймялиса: 22—26 июня 1941 года» // Интернет-журнал «Заметки по еврейской истории», № 2 (63), февраль 2006 года, <http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer2/Haesh1.htm>.

² См. *Eric Lefevre*. *Brandenburg Division*, p. 151—152.

1941 года, военнослужащие 7-й роты II батальона полка «Бранденбург» вступили в авангарде 1-й танковой дивизии в столицу Латвии Ригу. Однако решительной контратакой X стрелкового корпуса генерала И.И. Фадеева противник был выбит, что обеспечило планомерный отход нашей 8-й армии через город. 1 июля немцы вновь овладели Ригой, но это достижение отнюдь не привело к общему перелому ситуации на Северо-Западном фронте. В следующие недели войны 7-я рота «Бранденбурга» была использована как обычная пехотная часть, неся существенные потери, так что в августе 1941 года ее направили на переформирование.

Наконец, 8-я рота II батальона полка «Бранденбург» накануне 22 июня 1941 года была придана так называемой «танковой группе Гёпнера», состоявшей из 1-й и 8-й танковых дивизий и также действовавшей в составе группы армий «Север». Перед самым началом войны предыдущий командир 8-й роты лейтенант Зигфрид Граберт передал командование обер-лейтенанту Гансу-Вольфраму Кнаку, с именем которого оказалась связана одна из самых успешных операций «Бранденбурга» на Восточном фронте. Вот как описал ее автор недавно изданной на русском языке книги «План Барбаросса. Блицкриг на Востоке. 7 первых дней операции» британец Уилл Фаулер:

«...26 июня в действие вступила часть специального назначения «Бранденбург». Бойцы 8-й роты засекреченного 800-го учебного батальона «Бранденбург», переодетые ранеными советскими солдатами, действующие под командованием лейтенанта Вольфрама Кнака, захватили два стратегических важных моста через Даугаву в Даугавпилсе, оба протяженностью 300 метров. По одному пролегало шоссе Каунас — Ленинград, а по другому, расположенному на 1,5 км выше по течению, шла железная дорога. Оружие, форму и каски диверсанты получили от

финнов, которым все это досталось в качестве трофеев в 1940 году.

На двух захваченных советских грузовиках рота «бранденбуржцев», в состав которой входили не только немецкие, но и литовские солдаты, подошла к объектам, пользуясь хаосом и замешательством в тылу советских войск. Проезжая через советские позиции, водители с улыбками доверительно сообщили на аванпостах: «Немцы еще очень далеко!»

У Варпаса, расположенного в 3 км к югу от села, они разделились для атаки на два моста. Советская охрана, которой было поручено взорвать мосты в случае опасности и захвата, выставила для прикрытия позиций бронемашину ГАЗ БА-10, однако в разгоревшемся бою на мостах экипажи бронемашин не могли отличить в свалке своих от чужих и не решались стрелять. Посреди схватки в обстановке неразберихи фельдфебель Крукеберг сумел взобраться на арматуру автодорожного моста и перерубить все шнуры, которые, как он считал, могли тянуться к зарядам от детонационного устройства. В 8.00, примерно через час после атаки, генерал фон Манштейн получил сообщение: «Внезапность под Даугавпилсом оказалась удачной — город и мост обеспечены. Автодорожный мост цел. Железнодорожный мост слегка поврежден подрывными зарядами, но проходим».

После войны фон Манштейн вспоминал: «Прежде чем началось наступление, меня спросили, сколько времени, по нашему мнению, потребовалось бы для того, чтобы достигнуть Двинска, принимая во внимание, что это вообще возможно. Я ответил, что, если не удастся сделать это в течение четырех суток, нам вряд ли стоит рассчитывать найти переправы целыми. И вот спустя четверо суток и пять часов с начала операции мы завершили безостановочный бросок длиной в 350 км по вражеской территории. Нам удалось справиться с задачей только потому, что название «Двинск» стало главным словом для

солдат и офицеров. И потому, что мы были готовы пойти на большой риск для того, чтобы достигнуть поставленной перед нами цели».

На железнодорожном мосту Кнак и еще пятеро его бойцов погибли от танкового снаряда, угодившего в их грузовик. Когда танки 10-го танкового полка из состава 8-й танковой дивизии приблизились к мосту, перед их экипажами встала та же проблема, что совсем недавно стояла перед советскими солдатами, — как отличить своих от чужих. Однако они переправились на другую сторону и помогли роте «бранденбуржцев» закрепиться на правом берегу реки. До конца дня советская бронетехника, пехота и самолеты несколько раз безуспешно рвались в бой, чтобы разрушить мосты. К вечеру было подбито 20 советских легких танков, а также 20 полевых и 17 противотанковых орудий. Бои выдались жаркие, советские пехотинцы бросались на танки с гранатами в попытках проникнуть на мосты и привести в действие взрыватели. Командир отряда советских саперов, которым было поручено заложить заряды под мост и охранять его, признался на допросе: «Я не получил приказа взорвать мост. Без такого приказа я не мог взять ответственность на себя. Но вокруг не было никого, к кому можно было бы обратиться...»¹

К рассказу Фаулера следует добавить лишь то, что Кнак и четверо погибших вместе с ним подчиненных (унтер-офицер Ганс Реслер, ефрейтор Карл Иннхофер, ефрейтор Антон Штаудер и старший стрелок Маттиас Платтнер) были похоронены на немецком военном кладбище в Дубровинском парке в центре Даугавпилса. После войны их останки были перезахоронены на специально отведенной площадке воинского кладбища в Стропах, где в 2004 году на средства, поступившие из ФРГ, был возведен мемориал. Посмертно Кнаак был произведен в оче-

¹ Цит. по: Фаулер У. «План Барбаросса». Блицкриг на Востоке. 7 первых дней операции». — М.: Изд. «Эксмо», 2007. — С. 168 — 169.

редной чин капитана и награжден Рыцарским Крестом (3 ноября 1942 года).

...В апреле 2007 года в Даугавпилсе при установке опор освещения на дамбе Гривского моста, где в июне 1941 года произошли вышеописанные события, были обнаружены останки двух красноармейцев, захороненных прямо в окопе вместе с оружием — винтовкой и пулеметом. Судя по расположению окопа, бойцы принадлежали к охранявшим мост тыловым подразделениям 23-й стрелковой дивизии РККА. И погибли, защищая мост, утром 26 июня 1941 года в бою с диверсантами из 8-й роты полка «Бранденбург». Через 66 лет их останки со всеми подобающими почестями похоронили на том же кладбище в Стропах, где покоятся их бывшие противники.

После гибели Кнака командиром 8-й роты вновь стал обер-лейтенант Зигфрид Граберт. Он командовал ротой до июля 1942 года, когда со своими людьми поступил в распоряжение 13-й танковой дивизии и был направлен для захвата железнодорожных мостов на линии между Батайском и Ростовом-на-Дону. В ходе этой операции погиб сам Граберт и большинство подчиненных ему ветеранов роты, годом раньше уцелевших в Прибалтике.

III батальон полка «Бранденбург» (командир батальона майор Франц Якоби — родной брат комбата-II Пауля Якоби) весной 1941 года находился в районе постоянной дислокации в Дюрене (Северный Рейн-Вестфалия). Оттуда в начале июня 1941 года 10-я рота батальона под командованием лейтенанта Аретца была направлена непосредственно в распоряжение передового штаба II (разведывательно-диверсионного) отдела абвера «Валли-II», размещенного в Сувалках под Варшавой. Как уже было сказано выше, в соответствии с приказом начальника штаба группы армий «Б» («Центр». — *М.Т.*) генерал-майора

Ганса фон Грейфенберга от 20 мая 1941 года, 10-я рота была придана командованию 4-й армии, наступавшей совместно со 2-й танковой группой на южный фланг так называемого «Белостокского выступа» на линии Белосток — Брест.

Главными целями для диверсантов 10-й роты «Бранденбурга» накануне 22 июня 1941 года были определены восемь шоссеиных и железнодорожных мостов вокруг ближайшего к тогдашней советско-германской границе транспортного узла и райцентра Августов, окруженного с трех сторон озерами Бяле, Сайно и Августовским каналом. Перейдя границу в ночь с 21 на 22 июня, диверсанты «Бранденбурга» сумели захватить без боя пять из восьми предназначенных им мостов. Подразделению лейтенанта Кенига (под его началом было 12 бойцов) удалось захватить шоссеиный и железнодорожный мосты к северу от Августова в сторону Джебры, но сам лейтенант тогда погиб. На глазах у лейтенанта Реннкампа советские саперы успели взорвать мост у Новинки.

После действий под Августовом 10-я рота «Бранденбурга» была переброшена под Минск, затем под Борисов и сопровождала 2-ю танковую группу под командованием Гудериана до октября 1941 года, действуя в качестве ее передового разведывательного подразделения.

В авангарде ударных танковых частей Гудериана с 22 июня 1941 года действовала и 12-я рота III батальона полка «Бранденбург» под командованием лейтенанта Шадера. С большой долей уверенности можно предположить, что именно это подразделение за несколько минут до начавшейся в 3.15 утра 22 июня 1941 года артподготовки захватило располагавшийся к югу от Бреста Коденьский мост через приграничную реку Буг, уничтожив охранявших его советских часовых. О захвате этого стратегически важного моста сразу же доложили лично Гудериану. Установление контроля над Коденьским мостом позволило уже утром первого дня войны перебросить по

нему входившие в состав группы Гудериана части 3-й танковой дивизии генерал-майора Моделя и развернуть их наступление в северо-восточном направлении, имея первоочередную задачу перерезать Варшавское шоссе между Брестом и Кобрином¹. В августе 1941 года 12-я рота вернулась к месту постоянной дислокации в германский Дюрэн (Северный Рейн-Вестфалия).

...Составленный мною обзор действий подразделений «Бранденбурга» на территории СССР в самые первые месяцы Отечественной войны, т.е. летом 1941 года, не может претендовать на всеохватность и 100-процентную достоверность. Хотя бы потому, что ряд документов Третьего рейха, относящихся к теме данного исследования, до сих пор недоступны либо малодоступны отечественным авторам. Прежде всего речь идет о материалах упомянутого в настоящей работе фронтового разведывательного центра абвера «Ост», подчиненных ему штабов «Валли-I», «Валли-II» и «Валли-III» и групп армейской разведки «Абвер-I» и контрразведки «Абвер-III», к которым летом 1941 года могли прикомандировываться «бранденбуржцы».

Нельзя не отметить, что к настоящему времени более-менее изучены датированные летом 1941 года действия на территории СССР лишь самых крупных национальных подразделений коллаборационистов, сотрудничавших тогда с абвером и имевших руководителей и инструкторов из «Бранденбурга» — вроде украинского батальона «Нахтигаль» и эстонской группы «Эрна». Что отнюдь не исключает возможности аналогичного взаимодействия «бранденбуржцев» с диверсионными и повстанческими формированиями, созданными представителями

¹ См. *Кароль Пауль*. Восточный фронт. Книга I. Гитлер идет на Восток. От «Барбароссы» до Сталинграда. 1941—1943. — М.: Изд. «Эксмо», 2008. — С. 10. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. — Смоленск: Изд. «Русич», 1999. — С. 203, 210.

других национальностей, которые также проживали в западных регионах СССР и имели весомые основания к недовольству Советской властью, пришедшей на их землю в 1939 — 1940 годах. В качестве примера можно привести неких «литовцев», сопровождавших подразделение 8-й роты «Бранденбурга» при захвате мостов у Даугавпилса 26 июня 1941 года.

Наконец, даже изучение документов «Бранденбурга», воспоминаний его ветеранов и написанных на их основе зарубежных исследований не дает 100-процентной гарантии того, что все приведенные там примеры боевой и диверсионной деятельности диверсантов «Абвера», приданных в помощь строевым частям Восточного фронта, точно отражают реальные события 1941 года, особенно первых месяцев войны, когда по обе стороны фронта, и прежде всего с советской стороны, хватало «шумихи, неразберихи, поисков виновных, наказаний невиновных и награждений непричастных», а также вполне объяснимых и весьма распространенных как в мирное, так и в военное время, докладов «наверх» с преувеличением собственных достижений и вражеских поражений и намеренным замалчиванием своих неудач и успехов противника.

Как бы там ни было, обзор действий подразделений «Бранденбурга» летом 1941 года в СССР позволяет сделать следующие выводы по всей теме данной работы.

1. После 22 июня 1941 года на Восточном фронте в составе ударных войсковых группировок всех трех атаковавших СССР групп армий вермахта — «Север», «Центр» и «Юг» — действовало 8 рот «Бранденбурга», т.е. 1600 — 1800 человек. Специфика их боевого применения, нацеленного на первом этапе войны на захват и удержание стратегически важных дорожных объектов, делает сомнительными истории о якобы широком использовании «бранденбуржцев» в советских тылах для

выведения из строя линий связи, совершения терактов против должностных лиц РККА, НКВД и НКГБ, региональных партийных и хозяйственных руководителей, провоцирования саботажа и паники на прифронтовых магистралях и т.п.

2. Анализ реальных диверсионных операций с участием «бранденбуржцев» дает основания полагать, что, нередко используя советскую военную униформу и соответствовавшие документы, преобладавшие среди «бранденбуржцев» этнические немцы в большинстве своем не были знатоками русского языка и не проводили в советском тылу сколько-нибудь массовых и действенных разведывательных акций, действуя в составе штатных подразделений «Бранденбурга». Это не исключает вероятности того, что в первые месяцы войны «бранденбуржцы» прикомандировывались для силовой поддержки разведкоманд и «айнзатцгрупп», подчинявшихся фронтовым разведывательным и контрразведывательным штабам абвера «Валли-I» и «Валли-III».

3. История украинского батальона «Нахтигаль» и эстонской группы «Эрна» свидетельствует о том, что в первый период войны «бранденбуржцы» использовались как инструкторы и офицеры связи не только в ходе подготовки, но и боевого применения национальных коллаборационистских формирований, которые и тогда, и впоследствии выполняли с учетом своих реальных возможностей широкий спектр задач (от разведывательно-диверсионных до карательных), прямо поставленных немецким командованием либо санкционированных им. Представляется, что именно эти национальные формирования совершали летом 1941 года большинство несложных по исполнению и локальных по масштабам диверсионных акций в тылах Красной Армии, упоминаниями о которых изобилуют как мемуары военачальников и рядовых солдат, так и опубликованные документы советских органов НКВД — НКГБ, пограничных и внутренних войск.

...Следуя древней мудрости, согласно которой «все кошки ночью серы», диверсантов «Бранденбурга» образца лета 1941 года можно уподобить «черным кошкам», неотличимым в темноте от своих собратьев иных окрасов, которых, уже по другой пословице, очень трудно искать в темной комнате. Особенно если их там никогда и не было...

ВЗРЫВЫ В ХАРЬКОВЕ

Наступало бабье лето. И под осенним солнцем вяземские поля и перелески впрямь пестрели женскими косыночками и кофтами. Можно было в обеденный или предвечерний час и песню девичью услышать. Но редко. Очень редко. Не до песен было собранным на рытье окопов, эскарпов и контрэскарпов девчатам и солдатским женам.

Я провел под Вязьмой три дня. И оглянуться некогда было. Вдруг вызывают в штаб фронта: «Немедленно выезжайте в Москву». Приказ есть приказ. Я не мог даже попрощаться с товарищами-минерами. Вскоре пикап Шлегера уже вырвался на московское шоссе. «Зачем вызывают? — думал я. — Нагоняй или новое задание?» Ничего радостного я не ждал. Осень сорок первого года не принесла радостей.

К исходу 27 сентября мы были в столице. Промелькнули Бородинский мост, тесная Смоленская площадь, Арбат, зазеленела листва Гоголевского бульвара. Вот и знакомые желтые стены второго дома Наркомата обороны. Смахнув пыль с сапог, одернув измятую гимнастерку, поднимаюсь прохладными лестничными маршами в привычно темноватый коридор. До чего же прочно и неизменно все в этом здании!

Генерал-майор Л.З. Котляр уже ждал меня. Невысокий, коротко стриженный, торопливо шагнул из-за большого дубового стола:

— Очень рад, что поспешили! Прошу!

Я полагал, что Котляр станет расспрашивать о действиях минеров, и уже прикидывал, что и как сказать ему. Но генерал-майор ни о чем расспрашивать не стал. Озабоченно потирая седеющий ежик волос, заговорил сам:

— Ваш вызов связан с некоторыми событиями и новыми планами Ставки... Обстановка на Юго-Западном вам известна?

Из сводок Совинформбюро я знал, что войска противника вплотную подошли к наспех восстановленному киевскому укрепрайону. Наши войска упорно, в кровопролитных боях отстаивают нашу святыню — мать городов русских...

Котляр вздохнул, догадавшись, о чем я думаю.

— Киев оставлен 19 сентября, — угрюмо сказал он. — Враг угрожает харьковскому промышленному району и Донбассу.

Огромная тяжесть придавила плечи. Киев оставлен?!

Голос генерал-майора Котляра звучал как из-за стены, услышанное не укладывалось в сознании:

— Четыре армии попали в тяжелое положение. Они с боями выходят из окружения. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение содействовать войскам Юго-Западного фронта в обороне харьковского района массовыми минно-взрывными заграждениями¹.

¹ Катастрофа, случившаяся на Юго-Западном фронте, была огромна. 25 августа немецкие 2-я полевая армия и 2-я танковая группа начали наступление на юг (собственно поворот в южном направлении обозначился уже действиями под Рославлем и Гомелем). 14 сентября танкисты Гудериана достигли г. Ромны. В это время войска 1-й танковой группы начали наступление навстречу Гудериану с плацдарма у Кременчуга. 16 октября кольцо окружения было замкнуто у Лоховиц. 19 сентября войска 6-й полевой армии форсировали Днепр севернее и южнее Киева, сформировав еще одно кольцо окружения. Юго-Западный фронт рухнул; в окружения попали войска почти пяти советских армий. Новая линия обороны фронта, образованная много восточнее, носила почти импровизационный характер. Войск было мало, резервы отсутствовали, приходилось отступать. Рисковать было уже нельзя, и врагу было решено оставить Харьков, Белгород и Донецкий промышленный район — тяжелая, но необходимая плата. «Тогда мы получим возможность вывести в резерв большое количество сил, — объяснял начальник штаба фронта Бодин, — восстановим локтевую связь с соседними фронтами, сможем больше помочь войскам, сражающимся на подступах к Москве...» (Прим. ред.)

Котляр сделал паузу и повторил:

— Ставка приняла решение содействовать войскам Юго-Западного фронта в обороне харьковского района массовыми минно-взрывными заграждениями. В случае продвижения противника надлежит заминировать и разрушить все объекты, имеющие военное значение...

«Все объекты»... И Котляр, и я — мы оба понимали, очень хорошо понимали, что это значит.

И генерал-майор почти ожесточенно закончил:

— Для этой цели создается специальная оперативно-инженерная группа. Ее начальником назначены вы, товарищ полковник.

Я встал со стула.

— Сидите! — остановил Котляр. — Берите бумагу и составляйте заявку на технику.

Придвинул бумагу, снова провел ладонью по волосам:

— Учтите, в вашем распоряжении всего одни сутки. Замахивайтесь только на то, что успеете получить...

Устало опустил в кресло, положил руку на телефон:

— А я сейчас доложу о вашем прибытии. Поедем в Ставку.

Я стал составлять заявку. Решил во что бы то ни стало добиться получения управляемых по радио мин, а также самых новых электрохимических взрывателей и замыкателей замедленного действия.

И вот мы едем по безлюдным улицам затемненной Москвы на прием в Ставку. В Ставке Верховного Главнокомандования нас принимал начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников.

Я не видел Шапошникова пять лет, с 1936 года. Уезжая в Испанию, я запомнил его подвижным, энергичным, жизнерадостным. На сей раз в глаза бросалась какая-то подавленность и крайняя усталость: маршал сутулился. Под покрасневшими глазами его лежали

темно-синие тени. Пальцы часто, нервно постукивали по столу.

Понять состояние Шапошникова было нетрудно. Враг смыкал кольцо блокады вокруг Ленинграда, рвался к Одессе и Москве, только что захватил Киев, фашистские полчища наводнили Белоруссию. Положение на всех фронтах оставалось неимоверно трудным, а после того, что я услышал от Котляра, представилось еще более угрожающим.

Обрисовав обстановку, сложившуюся на Юго-Западном фронте, маршал поглядел мне в глаза:

— Операцию «Альберих» помните?

Конечно, я хорошо помнил эту операцию: в марте 1917 года, совершая вынужденный отход из Франции за так называемую «линию Зигфрида», кайзеровские войска в течение пяти недель проводили массовые разрушения и массовые минирования на площади около четырех тысяч квадратных километров. Военные историки считали операцию «Альберих» самой значительной по массовому разрушению и минированию.

— Так вот, — не отводя взгляда, продолжал Шапошников, — разрушать и минировать в районе Харькова придется на гораздо большей площади, а пяти недель для работы я гарантировать не могу. Действовать придется быстро, товарищ полковник. С собой вы возьмете группу командиров для укомплектования штаба оперативно-инженерной группы и в качестве инструкторов, а также необходимые минно-подрывные средства. Саперные части вам будут выделены командующим Юго-Западным фронтом.

И повернулся к генералу Котляру:

— Заявку подготовили?

— Заявка готова, — сказал Котляр, кивая на меня.

Я протянул исписанные листы. Шапошников взял их, умолк, углубившись в чтение. Я видел, как пальцы маршала берут карандаш.

— С запасом, голубчик, просите, — заметил маршал. — Вы же знаете, со средствами и силами плоховато!

Карандаш уже черкал по заявке.

— Ну ладно, утвердим в таком виде, — сказал Шапошников, ставя свою подпись.

Времени, чтобы рассмотреть поправки маршала, не оставалось: Шапошников уже встал.

— Собирайте людей, получайте мины, взрывчатку и немедленно выезжайте, — сказал он на прощание. — Вам теперь дорог каждый час. И помните: одного несчастного случая...

— При таких темпах и таких масштабах минирования, товарищ маршал...

— Вы отвечаете за полную безопасность мин для наших войск! — с нажимом повторил Шапошников.

И, помедлив, мягче добавил:

— Желаю успеха.

До своей опустевшей квартиры (жена с детьми эвакуировалась) я добрался в четвертом часу утра. Мы с водителем вскипятили чай, перекусили и вытянулись на голых кроватях. У нас было целых три часа для сна! Мы могли спать до семи! В семь надо было подняться, чтобы успеть во множество мест.

День 28 сентября 1941 года запомнился крепко. Восстановить последовательность событий того дня и воспроизвести разговоры не берусь. Но все-таки к ночи я каким-то чудом сумел освободиться от всех дел. Попрощался с Нагорным. Отобрал людей, получил несколько радиомин, взрывателей и замыкателей замедленного действия, тол. Правда, нам требовалось всего этого значительно больше, но что поделаешь — не было в наличии. Выделили для нас и транспорт.

Со мной выезжали в Харьков пятнадцать командиров инженерных войск, несколько инструкторов из ОУЦ и спецподразделение военинженера 2-го ранга Владимира Петровича Ястребова, имеющее на вооружении радиомин-

ны¹. Правда, радиомин выдали только тридцать штук, взрывателей и замыкателей замедленного действия менее трех тысяч, замыкателей, реагирующих на сотрясение, — лишь пятьсот штук, но начинать с этим можно было.

Следовало, пожалуй, заехать в Нахабино, поговорить с молодыми командирами, выделенными в нашу группу, предупредить их об особой секретности задания. Но не смог. В полночь я успел добраться только до конструктора электрохимических взрывателей Михаила Максимовича Файнберга.

Электрохимические взрыватели были новинкой. Я не знал еще, насколько они надежны и какие у них бывают «капризы». А ведь я вез в Харьков большую партию таких взрывателей! Файнберг вместе с семьей жил в здании института, где находилась его лаборатория. Он еще не спал. Сидел и что-то записывал. Узнав о цели моего приезда, Файнберг и обрадовался, и заволновался. Шепотом, чтобы не разбудить прикорнувшую на кушетке жену и посапывающего в кроватке маленького сынишку, инженер стал рассказывать о взрывателях. Он предупреждал, что некоторые дают отклонения в сроках замедления.

— Видите! — он обвел рукой стены. — В лаборатории сутки не просидишь. Испытываю взрыватели здесь. Поочередно с женой бодрствуем, записываем данные...

Раздался треск, хлопок, на стене расплылось очередное пятно. Файнберг засек время, склонился над блокнотом.

¹ К началу войны в Красной Армии существовали подразделения специального минирования, на вооружении которых состояла «техника особой секретности» (ТОС). Это были радиоуправляемые фугасы Ф-10: масса вместе с аккумулятором 28 кг, сохранение боеспособности в течение 40—60 суток, возможность подрыва на расстоянии до 150 км. ТОС была огромной редкостью и предназначалась для минирования особо важных объектов. В других армиях мира, в том числе и в вермахте, подобных радиоуправляемых мин на вооружении не состояло. (Прим. ред.)

Разговор с ним помог найти правильное решение, подсказал, как использовать в наших целях даже «капризы» техники.

Файнберг на цыпочках проводил меня к двери. В этой комнатке привыкли к взрывам, но другие шумы были нежелательны...

Утро двадцать девятого сентября сорок первого года начиналось в Москве уныло, нехотя. Ночью сыпал нудный, сиротский дождичек, рассвет никак не мог пробиться сквозь низкие, разбухшие облака, разогнать влажный сумрак. Зашторенные окна не пропускали свет, казались слепыми. Глухо стучали сапоги патрулей, в подъездах сутулились фигуры жильцов — дежурных по ПВО, с бульваров и набережных тянулись к угрюмому небу тросы аэростатов заграждения, по Садовому кольцу с лязгом двигалась танковая рота. Наша автоколонна выбралась, наконец, на Харьковское шоссе. Разговаривать не хотелось.

Во второй половине дня мы благополучно прибыли в Орел.

— Заколдованный круг! — прокомментировал это событие Шлегер. — К нашим, что ли, товарищ полковник?

Под «нашими» он подразумевал «школу пожарных». Действительно, удобнее всего было бы остановиться на отдых в школе. И мы заявили к партизанам.

Начальник школы Ларичев обрадовался:

— К нам? Вот хорошо!

Пришлось огорчить его: едем дальше, по новому адресу.

— Ну, что ж? Ничего не поделаешь... А мы, Илья Григорьевич, литые гранат без вас наладили! Ох, и гранаты!

— Поможете теперь мне? — спросил я.

— Чем?

— Нужны кое-какие образцы мин.

— Да ради бога!

— А горючим снабдите?

— И это есть! Но неужели вы вот так — на часок?

— К сожалению, на часок. Надо...

Никто не спрашивал, почему и куда я спешу. Понимали, если бы мог сказать — сам сказал бы. Догадывались: что-то важное, срочное.

Ларичев и инструктор Мария Белова долго стояли у ворот и махали вслед нашим машинам...

Ястребов с небольшим спецподразделением и радиоминами должен был выехать из Москвы лишь утром 30 сентября, и за него я не беспокоился. Гораздо больше волновала меня судьба инструкторов и минеров спецподразделений, отправленных в Харьков поездом. Доберутся ли вовремя и без потерь?

На полпути к Курску нас застала ночь. Непроглядная, тоже дождливая. Включать фары нельзя, ехать с затемненными — опасно. Стали искать место для ночлега. Выбрали укромную лощинку, решили устраиваться, но поблизости не оказалось воды, и пришлось двинуться дальше. Так и ползли на малой скорости до самого Курска. Но какое же счастье, что возле лощинки не нашлось воды: той же самой ночью фашистские войска перерезали шоссе в том районе, где мы чуть не заночевали!

В Курске автоколонна не задержалась: враг яростно бомбил, его артиллерия была совсем близко, подвергать риску людей и технику мы не имели права. И вот первое октября, около полудня, в степной дали появились тучи дыма над темным силуэтом города. Харьков. Наконец!

Начальник инженерного управления фронта генерал-майор Георгий Георгиевич Невский, автор объемистых трудов по фортификации, пользовался среди военных инженеров широкой известностью. Однако я до сих пор знал его только понаслышке. Генерал-майор оказался высоким, сухощавым человеком, тщательно выбритым и еще более тщательно одетым: новая гимнастерка безупречно отутюжена, воротничок белее снега, пряжка поясного ремня блестит, сапоги излучают черное сияние.

Невский выслушал мой доклад стоя и лишь затем, усадив меня, опустился в кресло сам:

— Признаться, мы волновались за вас. На орловском направлении обстановка весьма тяжелая... Впрочем, проехали, и отлично. Вас теперь другое интересует, конечно? Хотите знать, какие силы и средства может выделить фронт вашей оперативной группе?

— Конечно.

Невский помедлил:

— Думаю, что не очень-то вас обрадую. Мы дадим только пять батальонов для устройства минно-взрывных заграждений и одну роту для устройства электрозаграждений.

— Но...

Невский поднял ладонь:

— При условии, что ваша группа будет не только производить заграждения на дорогах, аэродромах и других военных объектах, но и минировать оборонительные рубежи.

Я смотрел на сухую ладонь генерала и лихорадочно придумывал, как убедительнее возразить.

— Я буду просить маршала Тимошенко, — продолжал Невский, — сосредоточить в ваших руках руководство всеми минно-взрывными работами.

Тут я буквально «возопил».

— Помилуйте, товарищ генерал! У меня же только одно подразделение военинженера Ястребова. К тому же оно имеет опыт по минированию только крупных объектов! Только одно подразделение! Да и нет его еще, и неизвестно, когда это подразделение прибудет.

Невский лукаво улыбался:

— Но, но, но! Ведь я же сказал, кажется, с самого начала: счастлив ваш бог!.. Успокойтесь. Подразделение Ястребова прибыло. Его лейтенанты уже приехали и размещены в школе полковника Кочегарова.

Я обрадовался:

— Проскочили! И Ястребов здесь?!

— Самого Ястребова нет, но его лейтенанты приехали... Значит, договорились, полковник. Я прошу маршала Тимошенко сосредоточить руководство взрывными работами в ваших руках.

Из моей реплики по поводу прибытия минеров вовсе не следовало, что мы о чем-то договорились, но Георгий Георгиевич умел, когда ему хотелось, слушать только самого себя.

— Договорились, договорились! — повторил он. — Параллелизм в подобной работе недопустим: на минах станут подрываться собственные войска. — Он поднялся. — Идите отдыхать, товарищ полковник, а вечером прошу быть у меня. Поедем в Военный совет фронта.

У меня было достаточно времени, чтобы обдумать доводы и убедить командующего фронтом маршала Тимошенко в необходимости выделить больше частей для оперативной группы. Когда я в назначенный час прибыл к Невскому, то во взгляде генерал-майора, скользящем по моему обмундированию, мелькнуло что-то вроде удовлетворения. «Посмотрим, будете ли вы довольны, Георгий Георгиевич, после приема у маршала!» — не без ехидства подумал я.

Маршал Тимошенко на этот раз выглядел именно таким, каким был в довоенные годы. Не успел я представиться, как услышал прежний, с уверенными интонациями голос:

— Чему вы учите своих командиров?! Я спрашиваю, чему вы учите своих командиров?!

Подобные вопросы задают вовсе не для того, чтобы получить на них ответ, а, так сказать, «для разгона».

Минуты три пришлось стоять навытяжку, слушать гром, прежде чем выяснилось: меня подвели молодые лейтенанты, которых я не успел навестить перед отправкой в Харьков. Приехав, они не явились, как полагалось, в инженерное управление фронта, а принялись искать полковника Старикова.

Придя в управление военного коменданта города, молодые лейтенанты так и доложили, что прибыли в распоряжение полковника Старина. Их спросили:

— Кто такой полковник Старин?

Кто-то из командиров и сказал, что полковник Старин назначен начальником оперативно-инженерной группы, в задачу которой входит минирование различных объектов, имеющих военное значение. Этот разговор стал известен командующему войсками фронта. Маршал Тимошенко был возмущен легкомыслием молодых командиров, а так как командовал этой молодежью я, то не дал спуску и мне.

Да, маршал был прав. Я по собственному опыту знал, к чему может привести малейшая промашка, а допустил ее...

Я был настолько удручен, что промолчал, когда маршал согласился с мнением Невского о необходимости сосредоточить руководство всеми минно-взрывными работами в моих руках. И даже не рискнул просить об увеличении количества инженерных частей, выделяемых фронтом для операции. По настроению Тимошенко чувствовалось: заикнись я о чем-нибудь сейчас — только испорчу дело...

Вышли из кабинета командующего фронтом.

— Ну, вот и решили все вопросы, — сказал Невский.

— Это называется «решили»? — вырвалось у меня.

Невский взглянул с удивлением:

— Э! Полноте, Илья Григорьевич! Маршал только пожурил вас, если хотите знать. Все забудется, если вы успешно выполните поставленную задачу. Теперь пойдете к товарищу Хрущеву — он уделяет большое внимание заграждениям, и я уже доложил ему о прибытии вашей группы.

Когда мы вошли в кабинет, Никита Сергеевич отложил в сторону бумаги и встал из-за стола. Невский представился и доложил о цели нашего прихода. Помнится, меня поразило самообладание члена Военного совета. В отличие от иных высокопоставленных работников, Хрущев в это тяжелое время не выглядел мрачным и

нервным, наоборот, держался бодро, действовал быстро и энергично.

Я рассказал о задачах нашей группы, ее составе, вооружении и о происшествии в харьковской комендатуре. Оказывается, и Никита Сергеевич уже знал историю с молодыми командирами. Он сказал:

— Люди у вас хорошие, но вы не учли, что командиры на фронт поехали впервые и должным образом их не проинструктировали. Вот они и наделали такого шума, что могли услышать и те, кому этого знать не надо.

— Замечательная у вас и техника, — продолжал Хрущев. — Поможем вам ее наиболее рационально использовать и даже несколько улучшить. В Харькове для этого еще есть возможности.

Видя, что член Военного совета глубоко вникает в дела нашей группы, я пожаловался, что начальник инженерных войск выделяет мне только пять батальонов.

— Маловато, — сказал Никита Сергеевич, — тем более что заграждений нужно сделать даже больше, чем вы предполагаете. Выход я вижу в том, чтобы работы вести комплексно. В районе Харькова нужно устроить такие заграждения, чтобы оккупанты кровью обливались, чтобы они всегда и всюду боялись мин.

Во время нашей беседы Хрущев спросил:

— Вот вы рассказали о минах, а как вы их будете ставить — на глубину одного метра или глубже? А чем глубокие скважины рыть будете?

Я ответил, что рыть будем лопатами. Других инструментов у нас нет. На полигонах применяли буры, но дальше испытаний дело не пошло. Никита Сергеевич сказал, что лопатами тяжело и долго рыть глубокие скважины, а главное — их трудно замаскировать. Он порекомендовал нам подумать, что еще добавить к плану и приложить заявку, а сам обещал позвонить секретарю Харьковского обкома А.А. Епишеву. При этом он сказал:

— Харьковские рабочие сделают для вас буры, и не только буры.

Мы распрошались. На душе у меня стало как будто легче.

Работая с генералом Невским над планом заграждений в районе Харькова и над заявкой на материальные средства, я не мог отделаться от ощущения, что некоторые пункты плана «повисают в воздухе». По моим расчетам, военинженер 2-го ранга В.П. Ястребов и автоколонна с радиоминами и специалистами радиоминного дела должна была прибыть в Харьков еще первого октября. Но прошло второе, а они не появились.

К полудню третьего октября план заграждений и заявка на технику были уточнены.

Ястребов и его люди отсутствовали.

В третьем часу дня план и заявку окончательно уточнили.

Ни Ястребова, ни его автоколонны.

Владимир Петрович появился лишь около восемнадцати часов. Усталый, без привычной доброжелательной улыбки на лице.

— Что случилось, Владимир Петрович?!

— Чуть не попал в лапы к немцам. Еле вывел из-под удара колонну с техникой...

Ястребов выехал из Москвы, как условились, 30 сентября. До Орла все шло спокойно. Однако въехать в город оказалось нелегко: навстречу ломился поток отходящих войск и населения, противник непрерывно бомбил. Автоколонна Ястребова все же пробилась в город, но из-за угрозы окружения пришлось тут же возвращаться в Мценск. Оттуда Владимир Петрович повел машины на Харьков кружным путем: через Елец, Воронеж и Купянск. По дорогам, забитым войсками, беженцами, гуртами скота, кое-как протолкались в Воронеж. Тут шоссе стало свободнее. Понимая, как волнуемся мы в Харькове, как ждем вестей, Ястребов поручил колонну лейте-

нанту Хомнюку и сержанту Сергееву, а сам помчался вперед.

— Где колонна?

Ястребов искал глазами графин с водой. Залпом выпил два стакана, вытер губы тыльной стороной загорелой руки.

— Через сутки колонна прибует! — заверил он. — Я лично буду следить за ее движением через контрольно-пропускные пункты.

— Лейтенант Хомнюк, он что — кадровый или из молодых? — осторожно, со слабой надеждой на удачный исход поинтересовался я.

— Молодой! — бодро ответил Ястребов.

— Немедленно звоните в Купянск, товарищ военинженер второго ранга!

Владимир Петрович позвонил. Ему ответили, что колонна, о которой идет речь, в город не прибывала.

Ястребов побледнел.

В ночь на четвертое октября план минирования Харькова и заявка на технику были окончательно согласованы. Применение радиомин план предусматривал.

— Слышно что-нибудь о Хомнюке? — спросил я, прежде чем идти с планом к генералу Невскому.

— Нет... — ответил осунувшийся Ястребов.

Говорить было не о чем.

Генерал-майор Невский план завизировал. Предстояло показать его командующему фронтом.

— Товарищ генерал! — попросил я Невского. — Поедемте к командующему вместе. Мало ли какие вопросы могут возникнуть. И вдобавок... с вами как-то спокойней.

Невский испытующе посмотрел на меня, улыбнулся:

— Что с вами поделаешь? Придется поехать!

Пока дежурный согласовывал время приема, мы решили выпить чаю. Я смотрел на Георгия Георгиевича и

думал о нем. Это был общительный, обладающий чувством юмора, образованный военный инженер. Он пользовался заслуженным авторитетом среди работников инженерного управления фронта и подчиненных ему войск. В самой трудной обстановке Невский не терялся, и его спокойствие передавалось окружающим. Несмотря на то что ему было под шестьдесят, он обладал большой работоспособностью.

На этот раз маршал принял нас спокойно, внимательно рассмотрел план. Пожалуй, этот план мог показаться дерзким. Предусмотренный нами объем работ в пять раз превышал то, что проделали во время операции «Альберих» хваленые немецкие саперы во Франции. А проделать это предстояло вдвое быстрее. Иными словами, каждые сутки саперам следовало делать вдесятеро больше, чем делали в свое время немецкие саперы. Но мы рассчитывали на выносливость, выдержку, мужество и патриотизм советского солдата¹.

Тимошенко изучал план внимательно и долго. Наконец поднял глаза от бумаг — все же не удержался:

— Что-то вы сильно размахнулись! Смотрите, как бы самим на воздух не взлететь.

— Меры предосторожности предусмотрены, товарищ маршал!

— А успеете все это выполнить?

— Рассчитываем на сознательность и патриотизм людей.

— Хорошо, действуйте. Но согласуйте план с членом Военного совета. И заявку на материальные средства, которые будут изготавливать заводы, рассмотрит Никита Сергеевич, — у него свои ресурсы.

К Хрущеву я пошел уже один. Внимательно изучив

¹Дата оставления Харькова к этому времени была уже точно известна: 25 октября. Следовательно, на минирование огромного города оставалось всего три недели. (*Прим. ред.*)

заявку, Никита Сергеевич, подняв усталые, воспаленные от постоянного недосыпания глаза, спросил:

— Почему мы заказываем корпусов мин больше, чем предполагаем установить мин?

Я объяснил, что намереваюсь использовать часть корпусов, чтобы ввести в заблуждение гитлеровских минеров. Никита Сергеевич усмехнулся и снова взял ручку. Я подумал: «Неужели откажет?» Но он зачеркнул цифру «2000» и написал сверху «6000». Размашистая подпись Хрущева легла в левом верхнем углу плана. Затем он рассказал о том, как вводили в заблуждение белогвардейцев во время Гражданской войны.

— Надо мост на пути белых вывести из строя, а динамита нет и сжечь нельзя — время дождливое. Вот и придумали: сваи чуть ниже уровня воды подпиливать. Белогвардейская пушка только въехала на мост — и в воду. Ни моста, ни пушки! А как шахты спасли? Маленький пожар сообразим, кое-чем поплатимся, а большую шахту от сильного разрушения спасем. И дороги перекапывали, и волчьи ямы устраивали. На такие хитрости шли, что и дороги-ловушки делали, чтобы заманить противника в западню. Подумайте, может быть, что-нибудь и теперь пригодится?¹

Зазвенел телефон, Никита Сергеевич снял трубку.

Окончив краткий разговор, он продолжал:

— Все, что поддается эвакуации, мы перебазировем на восток. Но не все можно вывезти. Наша задача — не дать врагу воспользоваться тем, что останется. Харьков противнику долго не удержать. Поэтому мы должны привести заводы и фабрики в такое состояние, чтобы оккупанты не могли ими воспользоваться, а при отходе не могли бы

¹ Старинов, будучи профессионалом, совершенно очевидно недолюбливал подобные нравоучения, слишком часто звучавшие из уст штатских партийных работников. Какие пожары, какие подпиливания мостов! Ему нужны мины, взрывчатка, солдаты, и еще раз взрывчатка! А в военных хитростях он понимает гораздо больше Хрущева... (Прим. ред.)

уничтожить. Подумайте, как сделать, чтобы ваши мины не только разрушали. Но и помогли бы сохранить для советского народа наиболее важное из того, что мы не успеем или не сможем эвакуировать. Зайдите к секретарю обкома товарищу Епишеву и согласуйте с ним вопрос об установке специальных мин на предприятиях, чтобы затруднить противнику использование помещений и оборудования.

Вернувшись из штаба фронта, я первым делом спросил у Ястребова, где лейтенант Хомнюк. О лейтенанте не было ни слуху ни духу. Следы колонны с радиоминами и взрывчаткой мы потеряли.

Штаб инженерно-оперативной группы разместился неподалеку от штаба фронта, в здании химико-технологического института, где проходили учебные сборы командиры приданных нам инженерных частей. Заперев план и заявку в сейф, я отправился в Харьковский обком партии, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, решить вопросы производства техники и установки мин на предприятиях города. Именно так советовали поступить в Военном совете фронта.

Ночь, глубокая, осенняя ночь длилась бесконечно... Но жизнь в Харькове не замирала. Где-то там, на западе, еще за десятки километров от города, шел бой: 38-я армия под командованием генерал-майора В.В. Цыганова сдерживала противника, цепляясь за каждый бугорок родной земли, за каждую канавку.

Харьков не спал. По улицам непрерывным потоком ползли машины с затемненными фарами, на железнодорожных путях перекликались паровозы: на фронт подвозили пополнение и боеприпасы, на восток — в тыл — эвакуировали ценнейшее оборудование заводов и институтов, семьи рабочих, инженеров и служащих.

Глыба Дома проектов и Госпрома в непроглядной тьме едва угадывалась. Широкие двери нужного мне подъезда

то отворялись, обнажая прямоугольник синеватого призрачного света, то захлопывались, сливаясь с окружающим мраком.

В приемной секретаря Харьковского обкома и горкома партии А.А. Епишева, несмотря на поздний час, немало народу. Кто в плащах, кто в пальто со следами мазута и глины, кто в ватнике, кто на армейский лад, в шинелях.

В обкоме кипит напряженная работа; он напоминает штаб многочисленной армии.

В трудных условиях отступления наших войск под натиском противника Харьковский обком сумел мобилизовать население на строительство оборонительных сооружений, формировал и готовил партизанские отряды и диверсионные группы, заблаговременно создавал подпольные организации, руководил эвакуацией, подбирал кадры не только для фронта, но и для тыла, с тем, чтобы эвакуированные предприятия возможно быстрее начали работу на новом месте, решал десятки других сложных вопросов. И все это делалось в считанные дни и часы.

Пригласив в кабинет четырех человек сразу, помощник Епишева предупреждает:

— Не отлучайтесь, вас примут сразу за этими товарищами.

Долго ждать не пришлось. Четверть часа спустя я представился и, кратко изложив утвержденный Военным советом фронта план заграждений, сказал, что выполнение его в большой степени зависит от того, как быстро и полно обеспечат нас необходимой техникой. Затем передал заявку на корпуса мин замедленного действия, мины-сюрпризы, буры.

— Заявка небольшая, но и времени-то в обрез, — сказал секретарь обкома. — Промышленность в тыл перебазировается.

Его прервал телефонный звонок. По репликам Епишева я догадался, что речь идет об эвакуации какого-то

крупного предприятия. Наконец он положил трубку и спросил:

— А где вы собираетесь ставить мины?

Я развернул карту. Мы вместе склонились над ней. Епишев, отлично знавший город и его окрестности, забросал меня вопросами, а потом показал, где, по его мнению, целесообразней было бы установить те или иные мины. Я сделал необходимые пометки на плане города.

Я показал Епишеву захваченные с собой электрохимические взрыватели, а также образец переделанного взрывателя в замыкатель и сказал, что нам нужно будет сделать около 1500 таких замыкателей. Он внимательно осмотрел замыкатель и сразу же понял, в чем дело.

После оккупации, сказал он, задачи разрушения необходимых немцам объектов будут выполнять партизанские отряды, диверсионные группы и подпольные организации. Но у них мало инженерных средств, им надо помочь и выделить как можно больше мин, зажигательных снарядов, ручных гранат, научить ими пользоваться и, если можно, изготавливать их из подручных средств. Для подготовки наших партизанских отрядов очень мало времени, а их еще надо перебросить в тыл врага, чтобы они быстрее вышли в лесные районы и начали действовать.

— Поможете? — спросил Епишев.

От такого предложения я, конечно, не мог отказаться. При первой возможности я заехал в специальную партизанскую школу, созданную Харьковским обкомом. Начальником школы был мой старый знакомый по подготовке партизан по Испании Максим Константинович Кочегаров.

Порядок в партизанской школе был образцовый, как в хорошем военном училище. Кочегаров знал дело и был хорошим администратором. Я ему передал значительное количество различной минно-подрывной техники, и харьковские партизаны использовали ее в тылу врага.

На Украине массовая специальная подготовка партизанских кадров началась 1 августа 1941 года, когда по решению ЦК КП(б)У в Пущей Водице под Киевом была создана первая школа. Группой инструкторов ОУЦ во главе с вашим покорным слугой было подготовлено около 250 партизан, 22 инструктора и лаборанток с высшим или средним техническим образованием. Эти инструкторы затем обучали партизан в Киеве, Полтаве, Чернигове, Белых Берегах и Харькове. Всего на Украине было подготовлено только в спецшколах (не считая подготовленных на пунктах формирования) до 4,5 тыс. человек.

Как отмечено в пояснительной записке к альбому УШПД, «эти 4500 человек сыграли огромную роль в организации партизанского движения, так как некоторые группы имели рации».

Особенно большую работу в этом направлении провела именно Харьковская школа Кочегарова. Из воспитанников Харьковской школы вышел командир диверсионного отряда Герой Советского Союза В.М. Яремчук, командир партизанского соединения Ф.С. Кот, из Киевской школы — В.С. Ушаков. Забегая вперед, скажу, что, кроме них, огромную роль в развертывании партизанского движения на Украине сыграли А.Ф. Федоров, С.В. Руднев и С.А. Ковпак. При этом С.А. Ковпак имел партизанский опыт с Гражданской войны, С.В. Руднев в начале 30-х годов обучался в спецшколе УВО, а А.Ф. Федоров сам учился и практически осваивал технику и тактику диверсий в упоминавшейся уже Черниговской школе, учил и воспитывал своих партизан.

Партизанские отряды, разведывательные и диверсионные группы Харьковщины успешно действовали в тактическом взаимодействии с войсками Красной Армии. Показателем успешных действий харьковских партизан является захват ими крупного склада боеприпасов на станции Лозовая при отступлении противника в 1943 году.

Но это было позже, а пока, протягивая мне на прощание руку, секретарь обкома сказал:

— Оставьте заявку, завтра зайдите в промышленный отдел горкома. Понадобится помощь — прямо ко мне... Желаю успеха.

Забегая вперед, скажу, что заезжать в горком и обком в эти тревожные дни почти не приходилось. Секретарей обкома и горкома мы находили там, где чаще всего бывали сами: на предприятиях, на станционных погрузочных площадках. Здесь же, на ходу, решались и наши вопросы. Особенно большую помощь оказали нам секретари горкома партии В.М. Чураев и П.Е. Шелест.

Беда одна не ходит. Мало было исчезновения колонны с радиоминами — преподнесли сюрприз электрохимические взрыватели. На следующий день после приезда в Харьков воентехник Н.К. Леонов доложил, что обнаружил в каждой коробке со взрывателями сработавшие: не выдержали перевозки.

В отличие от часовых механизмов, проверить надежность электрохимических замедлителей во фронтовых условиях, в спешке — дело почти безнадежное. Тем более что в массовом количестве эти взрыватели применялись впервые. Но иного выхода, увы, не существовало, и мы все-таки их проверяли. Поставили сто штук для испытания со сроком замедления на месяц и более. Подведут или не подведут? Ведь даже если мы переделаем электрохимические взрыватели в замыкатели, они не должны «выкидывать фокусы». Но ответ на вопрос, подведут ли взрыватели, могло дать только время...

Второй заботой стали люди. Где их взять? Выделенных фронтом саперных батальонов не хватит. Поехал в Военный совет. Там рекомендовали объединить с работавшими в Харькове железнодорожными бригадами. Отличная мысль! У железнодорожников есть люди, а у

нас — опытные инструкторы и техника, работу же в ряде случаев придется делать общую.

Из командиров железнодорожных бригад я знал только П.А. Кабанова, но и командиры двух других бригад — Б.П. Павлов и С.А. Степанов — сразу откликнулись на предложение объединить усилия, откомандировали на организованные нашей группой курсы несколько человек. Впоследствии с их помощью мы ставили самые совершенные по тому времени мины замедленного действия. Группа лейтенанта В.И. Карлинского (ныне он полковник инженерных войск) действовала на шоссе Харьков — Богодухов.

Девятнадцатилетний офицер работал на переднем крае нашей обороны сноровисто и смело. Каждую ночь вместе со своими саперами он ставил перед позициями наших войск и в глубине обороны до пятидесяти мин замедленного действия и различных «сюрпризов».

Одновременно подразделения оперативно-инженерной группы приступили к минированию дорог и других объектов военного значения минами замедленного действия в непосредственной близости от переднего края: этого требовала ухудшающаяся обстановка.

Теперь следовало обрести уверенность в том, что мины не будут испытывать недостатка в минах.

Утром 5 октября мы с В.П. Ястребовым, воентехником Н.К. Леоновым, лейтенантом М.П. Болтовым и сержантом В.И. Лядовым, любовно прозванным бойцами «Васильком» (сержанта звали Василием, а глаза у него были и впрямь васильковыми), отправились на предприятия города.

Признаюсь, на многое не рассчитывали. Харьковчане изготавливали тогда в условиях эвакуации и винтовки, и пулеметы, и реактивные снаряды для «катюш», и авиабомбы, ремонтировали самолеты и танки, сооружали бронепоезда. Работать им приходилось при жестоких бомбардировках. Да и освоить некоторые наши мины, наладить серийное производство герметических корпусов для них, выпуск бу-

ров, замыкателей неизвлекаемости, кое-каких деталей к электрохимическим взрывателям было сложно.

Как же мы были удивлены, узнав, что конструкторы Харьковского электрохимического и паровозостроительного заводов — завода «Свет шахтера» и завода маркшейдерских инструментов — уже заканчивают разработку проектов буров и мин, а рабочие приступили к выпуску корпусов мин! Вдобавок харьковские инженеры сумели внести в предложенные нами конструкции ряд улучшений. А ведь харьковчане занимались не одними минами! Они изготавливали в то же время танки, бронепоезда и пулеметы, до 500 реактивных снарядов для «катюш» в сутки, тысячи авиабомб. Даже ликеро-водочный завод, и тот переключился на производство бутылок с зажигательной смесью.

Отдавая должное инженерным войскам, надо сказать, что саперы, минировавшие подступы к Харькову, совершили настоящий подвиг. Однако первый и решающий подвиг в проведенной операции, принесшей противнику весьма существенные потери, совершили харьковские рабочие и инженеры. Ни эвакуационная лихорадка, ни частые воздушные налеты фашистов, ни чисто технические трудности — ничто не помешало рабочему Харькову с честью выполнить задание партии и армейского командования.

Помню посещение Харьковского электромеханического. Полным ходом шла эвакуация оборудования. Цеха пустели, там, где недавно стояли станки, — только бетонные фундаменты. А сами станки демонтированы, их передвигают с помощью лаг и катков к ниточке железнодорожных путей. Работал один-единственный штамповочный станок. Двое немолодых рабочих умело, споро вставляли под пресс заготовки, аккуратно укладывали готовые корпуса мин на стоящие рядом тележки.

Мы осмотрели корпуса для мин. Ястребов, постукивая пальцем по стенке взятого в руки корпуса, вздохнул:

— Хорош, да жалко, что до войны таких не изготовили...

К рабочим подошла смена. Молодой паренек, перехватывая заготовку, сказал:

— Вам сегодня хватит, дядя Микола. Теперь мы с Петром поднажмем.

Пожилые рабочие отошли в сторону.

— Ну, Василь, — сказал «дядя Микола» напарнику, — давай подзаправимся да трошки отдохнем.

— Николай... Простите, как вас по отчеству? — осведомился я.

— Отца Егором звали.

— Вот что, Николай Егорович. Мы с товарищем военинженером должны еще зайти в цех, где монтируют мины, но через полчаса освободимся и можем довести вас домой на машине.

Старый рабочий тщательно вытирал руки ветошью:

— Спасибо... Только не ждут нас дома, товарищи военные. Сыны на фронте, жинки в ночной смене... Да и нам сподручнее тут ночевать. Мало ли какое дело. Гад вон все время бомбит... Нет. Домой ходить некогда.

В цехе, где монтировались мины, в ночной смене работали двенадцать человек. Дневная смена спала тут же, кто где. Подошел, прихрамывая, мастер. Оказалось, в ноге сидит осколок с Карельского перешейка. Вспомнили места, где воевали оба.

— Вы не тревожьтесь, — успокоил мастер. — Продукцию выдадим с опережением графика. А как же? Нам объяснили что к чему.

Взвывла сирена воздушной тревоги. В ночном небе — разрывы зенитных снарядов, слышится противный, вибрирующий гул немецких самолетов. В цехе никто даже головы не поднял, не прерывал работы.

Посещение заводов обнадежило: казалось, получим все необходимое в нужные сроки. Но по-прежнему не существовало ясности с электрохимическими взрывателями,

и по-прежнему ничего не было слышно о пропавшей колонне с радиоминами. Генерал Невский непрерывно запрашивал военные комендатуры, не появлялась ли колонна, но на все телеграммы приходил один и тот же ответ: «Сведений об интересующей вас колонне не поступало».

Взгляд генерала сделался отчужденным...

Вспоминалось почему-то, что я так и не отправил из Москвы посылку жене и детям, что четвертый день не пишу им ни строчки. Но писать рука не подымалась. Хорошо еще, дел было по горло. Прошло уже четыре дня с того момента, как оперативно-инженерная группа развернула свою деятельность в Харькове. Уже было начато производство некоторых образцов мин, велась подготовка и переподготовка минеров. А автомашины с радиоуправляемыми минами все еще не прибыли...

Приехав поздним вечером из штаба 38-й армии, я собирался поужинать, когда дежурный по группе доложил, что меня спрашивает какой-то лейтенант. Хомяк или Хомюк...

Я отбросил стул, сбежал по каменной лестнице в гулкий вестибюль химико-технологического института, где в заляпанной грязью шинели стоял по-мальчишески худощавый лейтенант с кирзовой полевой сумкой на боку; рядом в такой же шинели — сержант.

Лейтенант вытянулся, вскинул руку к пилотке:

— Товарищ полковник, разрешите доложить: спецтехника в порядке, команды потерь не имеют, готовы к выполнению боевого задания!

Оба они, и лейтенант Хомнюк, и сержант Сергеев, его помощник, едва держались на ногах от усталости.

— Спасибо, товарищи! — не по-уставному сказал я. — Молодцы! Но как вы добрались? Где были?

Они добрались потому, что понимали: медлить с доставкой спецтехники нельзя. Не стали ждать у моря погоды, а всеми правдами и неправдами дотащили машины по непролазной грязи до Купянска и навалились на воен-

ного коменданта. Тот погрузил напористых саперов в вагоны и прицепил к первому же эшелону, идущему в Харьков. Отбыли вовремя: снова гремели зенитки, отражая очередной воздушный налет.

Лейтенант Хомнюк не успел закончить рассказ, как в вестибюль вбежал Владимир Петрович Ястребов. Я не в силах описать гамму чувств, отразившихся на его измученном ожиданием лице.

Казалось, теперь, когда вся оперативная группа в сборе, можно вздохнуть посвободнее, почувствовать себя уверенней. Не тут-то было!

Сначала выяснилось, что, несмотря на все усилия харьковчан, мы не сможем получить необходимое количество мин замедленного действия и что вместо трехсот тонн взрывчатых веществ получим не более ста. Затем воентехник Леонов доложил, что один из поставленных на испытание электрохимических взрывателей-замедлителей сработал раньше срока. Мелочь? Нет! Ведь в нашем собственном тылу могли взорваться двадцать мощных мин на важнейших объектах! Этого мы допустить не могли. Но и медлить с минированием было нельзя. Времени не оставалось. Пришлось срочно заняться конструированием и изготовлением надежных предохранителей с большими сроками замедления.

Две трети электрохимических взрывателей мы переделали в замыкатели и половину из них использовали в качестве предохранителей; мины замедленного действия без предохранителей ставили там, где преждевременный взрыв не мог нанести урона нашим войскам. Это мероприятие обеспечивало безопасность, но уменьшило наши возможности по минированию: вместо 2750 мы могли установить только немногим больше 2000 мин замедленного действия. Одни из них предназначались для взрыва вражеских поездов, боевых машин на железных и шоссейных дорогах, другие — для уничтожения различных объектов; третьи (их

было немного) мы могли подорвать на расстоянии, по радио.

На заседании Военного совета нас упрекнули в нерасторопности и неподготовленности. Н.С. Хрущев сказал, что войска должны всегда иметь готовые взрывные средства заграждения. Я ответил, что много лет пытаюсь добиться этого, но безуспешно.

— Значит, нужно было обратиться прямо к товарищу Сталину!

— Я пытался, но письмо до товарища Сталина не дошло, вернулось обратно в ГВИУ для принятия мер.

— Приготовьте доклад о положении дел с минно-взрывными заграждениями, сошлитесь на опыт минирования в Харькове, мы отправим доклад в ГКО!

Требуемый доклад мы с генералом Невским подготовили и представили в Военный совет фронта быстро. Да и время не позволяло медлить: из вечерней сводки Совинформбюро за 7 октября мы узнали, что на фронтах появились Брянское и Вяземское направления.

Я не удержался: побывав в партизанской школе Кочегарова, я не мог не поговорить с Хрущевым и об этой проблеме. Потери партизан, перебрасываемых в тыл противника, были весьма значительными. Масштабы этих потерь стали известны позднее. Уже к осени 1941 года на оккупированную часть Ленинградской области было переброшено 18 тысяч партизан, в том числе 6 партизанских полков общей численностью до 8 тысяч человек. К зиме их осталось не более 4 тысяч.

На Украине к осени имелось 2 партизанских полка, 883 партизанских отряда и 1700 разведывательных и диверсионных групп общей численностью в 35 тысяч человек. К июню 1942 года осталось только 30 партизанских отрядов численностью 4043 человека.

Не лучше обстояло дело и в Белоруссии, где были исключительно благоприятные условия для ведения парти-

занской войны: обширные леса и болота, преданный своей родине народ.

1 августа 1941 года на территории Белоруссии находился 231 действующий партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек. В конце лета и осенью засылка партизанских отрядов в тыл противника продолжалась, и до конца года было создано и направлено в Белоруссию 437 партизанских отрядов и групп, насчитывающих 7254 человека. На 1 января 1942 остался 61 отряд. Таким образом, к 1 января 1942 года уцелело на Украине менее 4% партизанских отрядов, в Белоруссии — менее 10% отрядов и групп и в оккупированной Ленинградской области — около 25%.

Точных цифр, я повторю, не знал, но слишком хорошо знал, как обстоит дело.

Уже в июле 1941-го участники партизанской войны в тылу фашистских интервентов и мятежников в Испании внесли предложение прекратить переброску в тыл противника партизанских формирований, не имевших должной подготовки, перенести упор на формирование специальных частей из тщательно обученных людей для заброски их в тыл фашистским захватчикам с целью отрезать вражеские войска на фронте от источников их снабжения.

Дай Сталин такое указание, можно было бы в короткий срок вывести из строя растянутые коммуникации противника, проходящие через районы, весьма благоприятные для партизанских действий. Однако, несмотря на многочисленные предложения, этого он не сделал.

Тем не менее идеи более эффективной организации партизанской войны у меня, например, не выходили из головы. Теперь я поделился своими соображениями с Хрущевым. Как оказалось, Хрущев был готов к такому разговору: в свое время нечто подобное предлагал ему и Максим Константинович Кочегаров. Хрущев ознакомил с моими соображениями Военный совет фронта и посоветовал добавить соответствующие предложения в доклад о минно-взрывных заграждениях, подписанный мной и

генералом Невским. Со своей стороны, Хрущев написал Сталину личное письмо, в котором просил его принять меня для беседы по этому вопросу.

В те дни были обнаружены и признаки наблюдения за работой минеров со стороны вражеской агентуры. Помню, 9 октября на участке Харьков — Богодухов меня отозвал в сторонку командир группы минеров сержант П.Г. Шедов.

— Товарищ полковник! Мы тут вчерашней ночью скважины для мин делали... А нынче вечером я на этом месте зарубки обнаружил. Три зарубки на деревьях, возле самых корней... Зарубки-то на мины направлены! А на-против одной мины — ветка сломана.

— Спасибо, товарищ сержант, за бдительность. Зна-чит, за вами следят. Накажите вражеских лазутчиков. Обязательно поставьте мины-сюрпризы.

— Мы уже поставили, товарищ полковник! Пусть ищут!

— Как вы догадались осмотреть деревья?

— Привычка, товарищ полковник. Я сибиряк сам-то, с Алтая. Охотой промышлял. Привык вокруг капканов следы изучать. Бывало, не только звери, воры-браконье-ры попадались.

В темноте я не видел лица солдата, но по голосу чув-ствовал: говорил человек немолодой.

— Давно в армии? — спросил я.

— Это как считать, товарищ полковник, — ответил Шедов. — Я еще против беляков в партизанах воевал. Я — с девятьсот первого года. Мне тогда восемнадцать было... Ходил и по белогвардейским тылам с Блюхером... После Гражданской — домой подался. На шахте запаль-щиком работал. А в июле призвали по специальности...

Не заметь бывалый партизан и охотник загадочных зарубок, мы долго еще могли бы не знать, что за нашей работой кто-то внимательно следит.

Настороженный разговором с Шедовым, я на следую-щий же день поручил командирам проверить, не наблю-

дают ли за нами и на других участках. Тревожные донесения пришли сразу же. Минер-белорус А.К. Сахневич обнаружил, что неподалеку от установленной им накануне мины на булыжной мостовой вынут камень. А в стороне, за кюветом, забиты два колышка.

— Гады! — возмутился Сахневич. — Подглядывают, гады! Ну, ничего! Я им «помог»! Мы с ребятами еще десятков камней убрали, а поблизости — мины-сюрпризы поставили! Пусть теперь ищут!

О зарубках, не замеченных ранее колышках, булыжниках возле мин сообщали и другие солдаты, сержанты и офицеры. Мы тотчас приняли меры к тому, чтобы дезориентировать соглядатаев противника. Прежде всего усилили минирование «макетами»: ложные мины надежно маскируют боевые, сбивают противника с толку, вынуждают при разминировании распылять силы, притупляют бдительность чужих саперов и способствуют нанесению им урона. А кроме того, в это время уже стало ясно, что промышленность Харькова не успеет изготовить нужное количество мин замедленного действия...

Чтобы на длительное время лишить противника возможности пользоваться путями сообщений, аэродромами и другими объектами, нужно было 4 — 5 тысяч различных инженерных мин замедленного действия и управляемых мин, 250 — 300 тонн взрывчатых веществ. Но с помощью рабочих Харькова мы могли изготовить не более 2000 мин замедленного действия, в нашем распоряжении было несколько десятков управляемых мин и менее ста тонн взрывчатых веществ.

Октябрь 1941 года — месяц тяжелейших боев и трагических событий. Тот самый октябрь, когда танковые колонны гитлеровцев оказались на подступах к Москве, когда в Ставке Гитлера назначались сроки вступления в советскую столицу и определялся порядок вхождения в нее фашистских войск.

Каждый новый день страна встречала с тревогой. Люди включали радиоточки, бросались к газетам, чтобы прочитать сводки Совинформбюро. С 3 по 6 октября в них сообщалось лишь о «боях с противником» на всем фронте, о том, что попытки самолетов противника прорваться к Москве отбиты. А уже из вечерней сводки за 7 октября народ и армия узнали, что появились Брянское и Вяземское направления. Еще через день газеты сообщили о том, что наша армия оставила Орел. Потом пришла тягостная весть о сдаче Брянска и Вязьмы. Даже малосведущие в военном деле люди догадались: фашисты прорвали линию нашей обороны. А в сводках уж начали упоминаться Калининское и Тихвинское направления. Тягостно было на душе.

У нас, минеров, помимо общих были и свои собственные тревоги и волнения. Мы подготовились к минированию важнейших объектов в самом Харькове. Но действовать здесь было куда труднее, чем в поле! В те дни в городе еще находился ЦК КП(б) Украины, правительство УССР, Военный совет фронта, продолжали эвакуироваться многие предприятия.

К 12 октября мы с генералом Невским разработали «Инструкцию по приведению МЗД в боевое состояние». При разработке ее мне пришлось выдержать бой с весьма осторожным и умудренным большим жизненным опытом генералом Невским. И все-таки родился на свет документ, который обеспечивал, как говорил Невский, «полную безопасность наших войск».

Командующий 38-й армией генерал-майор В.В. Цыганов и начальник гарнизона И.И. Маршалков дали санкцию на заблаговременное минирование мостов. Минирование же других объектов генерал Маршалков предложил мне согласовать с секретарем горкома и председателем горсовета.

Товарищи Епишев и Чураев согласились с нашими предложениями и подсказали новые объекты, которые необходимо заминировать. Н.С. Хрушев, прочитав инструкцию, заметил:

— Надо смелее. Получается, что оговорки в инструкции дают возможность Старинову вообще воздержаться от установки мин на действующих объектах. Но ведь инструкцию затем только и составляли, чтобы своевременно поставить мины. Так я понимаю?

— Так, — ответили мы с Невским в один голос.

— Тогда напишите, где и какие вы считаете возможным установить мины немедленно.

Невский своей рукой сделал приписку о разрешении установить мины замедленного действия с предохранителями и со сроками замедления от 15 суток и больше на ряде объектов. Это давало возможность сразу же приступить к работе, но возлагало на нас очень большую ответственность. Командирам саперных батальонов было дано соответствующее указание, а в железнодорожные бригады и в распоряжение начальника инженерных войск 40-й армии были посланы наши инструкторы.

— Только учтите, полковник, — сказал Никита Сергеевич, — за безопасность наших войск и населения вы головой отвечаете.

На железнодорожных и автомобильных участках мы устанавливали мины двух видов. Одни — с большими зарядами, взрывающиеся в назначенное время, — на станциях, мостах и путепроводах. Другие — противотранспортные, с зарядами от 5 до 50 кг — на железнодорожном полотне и на шоссе. Эти мины взрывались только при движении поезда и автомашин и были рассчитаны на уничтожение боевой и транспортной техники. На аэродромах и в городе ставили мины замедленного действия, взрывающиеся после истечения определенного времени или по нашему радиосигналу. Там же мы устанавливали и неизвлекаемые мины, взрывающиеся при попытке извлечь их, переместить и т.п.

Установка радиомин в городе и его ближайших окрестностях началась 13 октября. Их монтировали в здании штаба военного округа, на Холодногорском и Усовском путепроводах. Эта операция проводилась скрытно. Днем мы де-

ляли вид, что оборудуем дзоты, а ночью в мешках, бутылках и в патронных ящиках завозили взрывчатые вещества и укладывали их глубоко в землю, устанавливали сложные радиоаппараты, взрыватели и замыкатели, которые должны были поднять огромные заряды по нашему сигналу:

По городу непрерывным потоком днем и ночью шли автомашины, люди, обозы и боевая техника, на железнодорожных путях формировались и проходили поезда. С запада слышался гул приближающейся артиллерийской канонады. В такой обстановке работали минеры. Они беспокоились не только за свою жизнь, в их руках были жизни тысяч советских людей.

Особенно опасны были неизвлекаемые мины. Их поручали устанавливать только тем минерам, которые хорошо знали технику, были уверены в ней и в себе, тем, для кого эта операция стала будничной, привычной. На месте установки мины я оставлял не одного, а несколько человек, хотя не все они были заняты. Дело в том, что минер, оставшись с миной один на один, чувствует себя хуже, чем когда рядом с ним продолжают работать в опасной зоне его товарищи. Кроме того, когда минируют несколько человек, надежнее соблюдается технология.

Чтобы ввести в заблуждение противника, мы устанавливали макеты мин с сюрпризами, рыли глубокие колодцы около объектов, где ставились не МЗД, а небольшие мины-сюрпризы на небольшой глубине и т.д.

Не имея возможности рассказать о своей проделанной огромной работе по устройству минных заграждений на путях движения противника в полосе Юго-Западного фронта, особенно в районе Харькова, — этого крупного узла шоссейных и железных дорог, мне бы хотелось в качестве примера остановиться на том, как происходило минирование одного из наиболее сложных объектов в Харькове — дома № 17 по улице Дзержинского.

Еще 3 октября, утверждая план работы оперативно-инженерной группы, Хрушев приказал поставить радио-

мину в доме № 17 по улице Дзержинского, да так, чтобы об этом никто не знал. На следующий день я поехал на улицу Дзержинского и увидел, что дом охраняется.

Этот дом — особняк, выстроенный в начале тридцатых годов для секретаря ЦК КП(б)У Станислава Викентьевича Косиора, был впоследствии передан детскому саду, и теперь, после эвакуации детского сада, его занимал сам Хрущев. Поскольку в доме жили и работали, я ограничился осмотром особняка с улицы и прикинул, сколько взрывчатки потребуется для полного его разрушения.

Если не ошибаюсь, 10 октября генерал Невский напомнил о приказе заминировать дом № 17 по улице Дзержинского, а 12 октября приказали поставить в особняке радиомину, и приказ категорический поступил уже от самого Н.С. Хрущева, проживавшего в этом особняке. Мало того, он наметил и место для установки в доме управляемой на расстоянии мины. Я пытался предостеречь от поспешного минирования: радиомины — новинка, город бомбят, от близкого взрыва, даже от сильного сотрясения может случиться непоправимое...

— Вы в свою технику верите? — перебил Хрущев.

— Верю.

— Выполняйте приказ! ¹

Доступ в дом № 17 для проведения необходимых ра-

¹ Возражая против минирования особняка Хрущева, Старинов руководствовался вовсе не неверием в свою технику или в свои силы, а, как признавался впоследствии, соображениями следующего рода: если в дом вселится какой-нибудь крупный немецкий офицер и взорвется, особого вреда противнику это не принесет. С этой точки зрения полезнее установить дополнительную мину где-нибудь на железной дороге или на аэродроме. Кроме того, если взрывы оставленных минерами противника мин — обычное дело, то за уничтожение генерала немцы непременно начнут расстреливать мирных жителей города (так оно и случилось впоследствии). Старинов полагал, что жизни сотен советских людей в данном случае ценнее жизни какого-нибудь немецкого генерала; будучи военным, он вообще крайне негативно относился к терроризму, считая его малоэффективным. Хрущев, однако, в соответствии со своим характером настоял на минировании здания. (*Прим. ред.*)

бот получили шесть человек: военинженер 2-го ранга Ястребов, воентехник 2-го ранга Леонов, сержанты Лядов, Лебедев, Сергеев и я.

Дом находился в центре города, стоял в глубине сада, среди могучих дубов и лип. Деревья с пышной листвой могли надежно укрыть саперов от постороннего взгляда, даже если бы наблюдатель устроился где-то выше каменного забора и высоких чугунных ворот. В здании не было предметов роскоши, но все отличалось удобством, рациональностью и говорило о хорошем вкусе человека, который построил этот дом.

Вечером 12 октября мы вошли в эти ворота. Дом стоял на высоком кирпичном фундаменте, вдоль бельэтажа тянулся балкон. В нижней части здания — подсобные помещения и маленькая, чрезвычайно нам приглянувшаяся котельная.

— Здесь? — спросил меня Ястребов.

— Да, — ответил я.

«Ограда, деревья надежно укрывают дом, — подумал я. — Его можно заминировать в полной тайне. Но пребывание в доме военнослужащих может навлечь подозрение». Напрашивалось такое решение: переодеть минеров в гражданскую одежду. Взвесив все обстоятельства, я отказался от этого варианта и решил после переезда Никиты Сергеевича поселиться в этом доме вместе с группой минеров. «Если в особняке будут жить военнослужащие, то кто может подумать, что они спят на минах?»

13 октября во двор дома № 17 въехала закрытая машина. Ворота захлопнулись, и минеры внесли в котельную закрытые зеленые продолговатые ящики. Что думала охрана особняка, впуская нас в дом, не знаю. Кажется, предполагала, что мы подготавливаем специальное убежище или монтируем радиостанцию.

Очистив от угля часть котельной возле внутренней капитальной стены дома, минеры вскрыли пол, принялись рыть глубокий, глубиной более двух метров, коло-

дец. Извлеченную землю аккуратно ссыпали в мешки. В первый мешок — первый слой грунта, во второй — второй, в третий — третий. На каждом мешке стоял порядковый номер, чтобы не ошибиться при засыпке колодца, сохранить прежнее чередование слоев земли. Это делается на тот случай, если фашистские саперы попытаются искать мину.

Вырыв колодец, минеры поочередно спускались в него, выдалбливая под фундаментом внутренней капитальной стены нишу для радиоаппаратуры и большого заряда взрывчатого вещества. Это тяжелая, трудоемкая работа. Только к полудню 14 октября в колодец стали опускать ящики с толом. Заряд ставили мощный: предстояло уничтожить всех оккупантов, какие поселятся в особняке, да заодно прихватить и внешнюю фашистскую охрану здания.

Как тщательно мины ни маскируй, часть из них враг находит. Значит, не следует ему давать возможность обнаруживать наши мины безнаказанно. Надо отбить у немецких саперов охоту к разминированию. А уж если они доберутся до этого колодца — пусть взлетают на воздух вместе с ним! И мы установили неизвлекаемую радиомину... Только после этого саперы тщательно замаскировали место установки мины и уничтожили следы своей работы.

Оставалось «успокоить» противника, подкинуть ему «грозную советскую мину»: мы прекрасно понимали, что, не обнаружив в таком прекрасном особняке никакой мины, враг насторожится и, скорее всего, не станет заселять дом. Мы установили в котельной «мину-блесну». В углу, под кучей угля, пожертвовав драгоценной взрывчаткой, смонтировали сложную мину замедленного действия, снабдив ее различными дополнительными устройствами для взрывания. На самом деле все эти устройства, вполне исправные, хитроумные и на вид крайне опасные, полностью исключали возможность взрыва «блесны» из-за то-

го, что сухие батареи были уже негодными; были и другие незаметные дефекты, которые трудно было обнаружить даже в лаборатории при длительном испытании. По всем признакам эта мина была неизвлекаемой, но в действительности это было не так.

Покончив с этим делом, минеры привели в первоначальное состояние пол котельной, а потолок подолбили, помазали свежим цементом и побелили. Войдя в котельную, чтобы проверить, в каком состоянии мы оставляем помещение, сотрудники охраны особняка, конечно же, устремили взоры на потолок: ни стены, ни пол, таивший 350-килограммовый заряд тола, ни куча угля, где пряталась «блесна», — ничто подозрений не внушило¹.

Я доложил Хрущеву о выполнении задания.

— Разрешите, чтобы ввести в заблуждение противника, разместиться в доме минерам!

— Верю, что вы, конечно, заминировали надежно, но пока продолжайте жить там, где живете.

Никита Сергеевич наотрез отказался выехать из дома. Он заявил, что его переезд вряд ли останется незамеченным — возникнут подозрения и операция будет провалена.

— Риск, — сказал он с улыбкой, — для шахтера дело привычное.

— Если узнают о том, что мы сделали в доме, где вы живете, то нам не миновать беды.

— А вы сделайте так, чтобы, кроме меня, никто не знал!

Не думали мы с Ястребовым, что так обернется дело. Как мы ни были уверены в надежности установленных мин, в том, что никакая сила раньше десяти суток не сможет заставить их сработать, — беспокойство не оставляло нас. Мы боялись не столько взрыва — возможность

¹Старинов, конечно, возражал против этой операции, но, начав свою работу, делал ее хорошо. У него даже начал появляться азарт охотника, заманивающего в ловушку свирепого зверя. (Прим. ред.)

взрыва была ничтожна, — сколько иного: узнают органы безопасности, что Хрущев живет в минированном доме и нам тогда несдобровать.

В тот день наши войска оставили Вязьму, а вечерняя сводка Совинформбюро сообщила об угрозе Донбассу, о появлении Калининского и Тихвинского направлений.

Артиллерийская канонада приблизилась к Харькову вплотную. По ночам небо над западной окраиной багровело от стрельбы и пожаров: противник атаковал ожесточенно.

Всего три недели назад казалось, что минировать этот дивный город невысказанно, недопустимо, а теперь, хотя Харьков был уже насыщен минами, хотелось ставить их больше и больше. Даже опасения, что каждая мина может стать роковой для своих, заглохли и отступили: ненависть к врагу, ожесточение овладевали душой.

Под мостами, виадуками и другими дорожными сооружениями в районе Харькова были заложены заряды взрывчатки, но движение транспорта не прекращалось.

Нужно сказать, что если в заряды взрывчатки не вставлены капсюли-детонаторы, опасность взрыва гораздо меньше, чем при установке мин замедленного действия, безопасность которых обеспечивается только замыкателями или другими приборами. Мины замедленного действия опаснее устанавливать на своей территории, чем в тылу врага. Если установленная во вражеском тылу мина взорвется, скажем, не через десять суток, как было намечено при установке, а на второй день, беды не будет. А если это произойдет на нашей территории?

И это произошло. На одной из наших автомобильных дорог внезапно взорвалась мина замедленного действия. Она была установлена со сроком замедления на 39 суток, а взорвалась на третий день. Это была первая неприятность, к счастью не повлекшая серьезных последствий.

А на другой день мне сообщили, что на станции Харьков-1 взорвалась мина под паровозом.

Через двадцать минут я был на месте взрыва. Издали увидел накренившийся на левый бок паровоз, под ним — разрушенные рельсы и шпалы, большую свежую воронку. Машинист остался жив, но оглох.

Когда я доложил о происшествии Хрущеву, он сказал, чтобы мы приняли все меры предосторожности, сделали все, чтобы подобные случаи не повторялись, но минирование продолжали. Хотя установка мин на действующих дорогах и опасна, но нам надо до последней минуты пропускать поезда. Оставить же противнику слаборазрушенные и неминированные участки — значит дать ему возможность быстро воспользоваться ими.

Я сказал, что мы вынуждены устанавливать мины замедленного действия с замыкателями, не прошедшими даже войсковых испытаний, с электрохимическими замыкателями, которые не поддаются надежному контролю. Безопасность мы увеличиваем, ставя в одной mine два последовательно соединенных замыкателя. Но минеры экономят замыкатели, хотят установить больше мин и тем самым нанести больше урона врагу. Было уже поставлено свыше двухсот мин с электрохимическими замыкателями. Резкое отклонение в сторону опережения дал пока один замыкатель и один взрыватель. Вероятность преждевременного взрыва мин замедленного действия (МЗД) с двумя последовательно соединенными замыкателями почти в сто раз меньше, чем с одним.

— Но еще безопаснее и полезнее, как вы говорите, было бы ставить мины в тылу противника, как только на автомобильных дорогах восстановится движение? — переспросил Никита Сергеевич.

— Разрешите отобрать и послать добровольцев? — спросил я.

— Посылайте. Но только, чтобы люди были хорошо

подготовлены, да и партизан для этих целей надо привлечь. Пусть тренируются.

Так начались действия минеров в тылу у немцев¹.

Несколько ночей на трех-четырёх направлениях во вражеский тыл уходили группы минеров, ставили там мины и в ту же ночь возвращались. Этот опыт вполне себя оправдал. Но вскоре начался отход наших войск, и основное внимание опять было перенесено на минирование на нашей территории.

Очень большую работу по минированию автомобильных дорог, оборонительных рубежей и других объектов проделали приданные нашей группе саперные и инженерные батальоны. Часто им приходилось работать под огнем противника.

Минеры днем спали, а с наступлением темноты выезжали на работы. Одни рыли колодцы, другие оберегали их от посторонних взглядов или проводили отвлекающие работы. Установка мин обычно начиналась во второй половине ночи и заканчивалась к утру.

Кто делал все это?

В составе нашей инженерно-оперативной группы было много замечательных командиров, много прекрасных минеров из средних и старших командиров, из сержантского и рядового состава. Случайность? Нет. Командиры, сержанты и солдаты нашей группы принадлежали к числу людей, выросших и сформировавшихся после революции. Большинство из них отличались широким кругозором, почти все закончили школы, некоторые имели и специальное техническое образование. Им не составляло особого труда овладеть сложной техникой. А самое главное — они были воспитаны убежденными бойцами революции, патриотами своей Родины.

Среди молодых командиров, кроме упоминавшегося

¹ Обращает на себя внимание виртуозность, с которой Сталинов избегал разноса, переводя разговор на нужную ему тему и добившись нужного ему решения. (Прим. ред.)

уже Карлинского, хорошо показали себя Болтов, политрук Лебедев, Блорин, Шишинов, Одинцов и другие. Большой смелостью, инициативностью, глубокими знаниями выделялся военный инженер Ястребов. Политрук Лебедев, занимаясь политической работой, выполнял многие специальные задания, обучал и снабжал техникой партизан. Если возникала необходимость поставить особенно хитрые мины-сюрпризы, первым, о ком я вспоминал, был воентехник 2-го ранга Николай Кузьмич Леонов. Заслуженной славой отличного сапера и прекрасного товарища пользовался в оперативно-инженерной группе старший сержант Василий Иванович Лядов, один из моих помощников в Харьковской операции. В шутку Лядова называли даже моим «техническим адъютантом».

С осени 1941-го до зимы 1945 года Лядов находился на фронте, выполняя важнейшие и опаснейшие минно-подрывные работы. Зимой 1945 года его «бесствольная артиллерия» нанесла удары по врагу в Будапеште. Здесь Лядова тяжело ранило: он лишился глаза, правая нога его была искалечена. Вдобавок Василия Ивановича тяжело контузило. Кстати, вытащил Лядова с поля боя его старший товарищ, участник Харьковской операции И.М. Кузнецов.

Самоотверженно работали командиры-выпускники Военно-инженерной академии. Особенно трудную, опасную и технически сложную работу выполняли неутомимые, хорошо подготовленные специалисты, которыми руководил В.П. Ястребов.

Подполковник Ястребов никогда не терялся в самых сложных положениях, часто связанных с риском для жизни. Мне с ним пришлось устанавливать мины на виадуке. У опоры был заложен огромный заряд. В нем устанавливалась сложная инженерная мина, а в это время по виадуку шли машины, а за ними — поезда. Движение было нельзя прекратить. В это время начался налет немецкой

авиации. А Ястребов спокойно устанавливал мину, точно делал это на полигоне в мирное время.

Хорошо справились с задачей приданные нашей группе 449, 531, 532, 534-й отдельные саперные батальоны и 56-й отдельный инженерный батальон. Они минировали и в тылу, и на переднем крае, часто под губительным огнем противника, когда приходится призвать на помощь всю свою выдержку и хладнокровие, чтобы пальцы, держащие мину, не дрогнули под разрывами артиллерийских снарядов, под остервенелым лаем минометов, под свистом пуль...

Жители села Утковка, захваченного гитлеровцами осенью сорок первого года, после освобождения рассказывали, что фашисты до глубокой зимы не могли использовать дорогу, заминированную саперами батальона, которым командовал И.М. Кливицкий. Этот участок тянулся по насыпи на пойме. Немцы не раз производили разминирование, но взрывы под машинами продолжались. Чтобы уменьшить потери в живой силе, оккупанты в 250 — 400 метрах от дороги сделали пешеходную дорожку. Машины останавливались перед минированным участком, офицеры и солдаты вылезали из них и вприпрыжку, сторонкой торопились миновать «проклятое место». Оставшиеся одни шоферы вели свои машины по притаившимся минам замедленного действия. Но «обмануть» их фашистам не удавалось. И они продолжали взрываться.

И это была не отдельная удача. Огромный вклад внесли военные железнодорожники бригад под командой П.А. Кабанова, Б.П. Павлова и С. Степанова.

Я назвал здесь очень немногих минеров, хотя упоминания, бесспорно, заслуживало гораздо большее число их. Но писать обо всех просто невозможно.

Но особо должен сказать еще об одной группе харьковских минеров, людей особой судьбы...

В июле 1940 года я получил письмо из Харькова от

испанцев, вместе с которыми воевал против Франко и германо-итальянских интервентов. Отвечая, сообщил, что скоро поеду в отпуск, возьму билет через Харьков, хочу повидаться.

Прохладным осенним днем на перроне харьковского вокзала к нам с Анной бросились Доминго Унгария с сыном.

— Луиза! Родольф! Олла! Омбре!

Мы шумели, как после выхода из тыла в Вильянуэва де Кордова, мы обнимались и хлопали друг друга по плечам, а пассажиры удивленно созерцали эту сцену.

— Ты только на пятнадцать минут? — вдруг очень тихо спросил Доминго, и вокруг тоже мгновенно стало тихо.

Я увидел тоскующие и жадные глаза друзей, посмотрел на Анну, прочел в ее взгляде то, что хотел прочесть, бросился в купе и успел вытащить чемоданы до отхода поезда.

Тогда мы провели в Харькове целые сутки...

Теперь, год спустя, прибыв в Харьков, я сразу разыскал Доминго. Времени для долгих бесед не нашлось. Пока пили черный, по-испански крепко заваренный кофе, я узнал, что в Харькове осталось двадцать два человека из прежних наших партизан, работают на тракторном заводе, мечтают попасть в Красную Армию.

— Помоги нам, Родольфо, — просил Доминго. — Мы не состоим на учете в военкоматах, и с нами никто не хочет разговаривать. Но ты знаешь, что мы умеем драться с фашистами!

Я знал это очень хорошо и в тот же вечер рассказал о встрече с испанцами генералу Невскому, поведал ему о прошлом воинов испанской республиканской армии. О самом Доминго — бывшем кавалеристе, командире XIV партизанского корпуса, смуглом, черноволосом, смахивающем на узбека, крайне подвижном, экспансивном, а в минуты опасности — абсолютно спокойном и хладнокровном. О тридцатидвухлетнем красавце Хуане, владев-

шем до фашистского мятежа крохотным гаражом, отдавшем республике все три свои машины, лихо водившем наши грузовики в тыл фашистских войск под Теруэлем и взрывавшем вражеские поезда под Кордовой. О бывших мадридских летчиках Бенито Устарросе и Мануеле Эррера, дравшихся в небе над испанской столицей с двумя-тремя фашистскими истребителями при каждом вылете. О не уступающих им в мужестве барселонских летчиках Кано и Эсмеральдо. О двадцатидвухлетнем командире диверсионной группы Ипполито Ногеса, мастере захвата одиночных автомашин врага и дерзких рейдов на захваченных машинах по вражеской территории. О красавце Чико Марьяно, о сдержанном барселонце Франсиско Гаспаре, о командире республиканской дивизии Мануеле Бельда, о смельчаке Франсиско Гульоне, о Рафаэле, Хосе, Луисе, Анхеле Альберке — обо всех своих друзьях по славным и горьким дням боев в Испании, о людях, с которыми бок о бок лежал в засадах или ставил мины под фашистские поезда.

Невский восхищался:

— Что за люди!

Но когда я завел речь о зачислении бойцов Доминго в один из наших батальонов, тот развел руками:

— Невозможно! Мы не имеем права брать не только испанцев, но и своих советских людей, которых не направляют из военкоматов. Батальоны особые...

— Но ведь и люди, о которых идет речь, тоже особые! Мне стыдно будет глядеть в глаза Доминго. В свое время они дали возможность нашим добровольцам драться с фашизмом, а мы, выходит, лишаем испанских товарищей этого права?..

— Но что же делать? Они и на военном учете, как вы сами говорили, не состоят. Боюсь, что в Харькове никто не решит вопроса. Надо бы в Москву обратиться, но там сейчас не до нас...

Однако вопрос решился без Москвы, в самом Харь-

кове. Военный совет фронта разрешил принять бывших воинов испанской республиканской армии.

Трудно описать радость испанцев, узнавших от меня, что их зачислили в ряды Красной Армии. Собранные в аудитории химико-технологического института бойцы Доминго, услышав об этом, обнимались, кое-кто вытирал слезы, а Доминго, не зная, как выразить чувства, хлопал и хлопал меня по плечу.

Вместе с советскими воинами-саперами испанские товарищи занимались минированием самых ответственных и сложных объектов до последнего дня обороны Харькова. И я снова низко кланяюсь им сейчас, многие годы спустя — и тем, кто жив, и тем, кто погиб, защищая свободу и справедливость.

Перед отходом советских войск от Харькова нашей группе и приданным ей частям и подразделениям пришлось участвовать в выполнении последней задачи: не позволить врагу использовать важные объекты Харькова. С этой целью в самые последние дни мы установили несколько десятков мин замедленного действия под полами в цехах фабрик и заводов, имеющих военное значение. Ставили мины в вытяжных трубах, даже в больших люстрах и так далее. Установка таких небольших мин производилась довольно быстро и совершенно незаметно для посторонних.

А в городе продолжалась напряженная работа. Каждый день сотни вагонов с промышленным оборудованием уходили на восток.

Эвакуировался в глубокий тыл страны и электромеханический завод. Некоторые тяжелые станки нельзя было вывезти. Поэтому было решено заминировать здание одного цеха. Мы установили мины у фундамента мощного пресса. Над зарядом поставили две мины-сюрприза, взрывающиеся при попытке снять с них груз. Места установки мин замедленного действия тщательно замаскировали.

Еще три мины установили в других цехах завода. Они должны были, не разрушая здания, уничтожить оборудование. Наши расчеты оправдались — во время оккупации на заводе произошло четыре взрыва.

На складе завода после эвакуации оставалось несколько десятков тонн проката, который из-за недостатка подвижного состава не был вывезен. Склад был минирован минами-сюрпризами.

После взрыва одной из мин при попытке воспользоваться запасами склада гитлеровцы поставили ряд табличек с надписями: «Внимание! Русские мины!» Эти таблички так и простояли до освобождения города нашими войсками.

В эти последние дни перед отходом на восток минеры работали с предельным напряжением сил и, я бы сказал, с ожесточением.

Трудно было разрушить харьковские аэродромы. По самым скромным подсчетам, для их минирования требовалось 180 — 200 тонн взрывчатых веществ, а нам с большим трудом вместе с различными суррогатами удалось набрать около 25 тонн. Пришлось отказаться от полного разрушения взлетно-посадочных полос, уничтожить только часть ангаров, а взрывчатые вещества израсходовать в основном на мины замедленного действия.

Значительное количество мин ставилось в местах предполагаемой стоянки самолетов и под взлетно-посадочной полосой. Вот тут-то мы вспомнили добрым словом Хрущева, помогшего нам заполучить буры. Только с помощью этих буров, изготовленных харьковскими рабочими, можно было ставить мины на глубине свыше метра и так маскировать их, что не оставалось никаких следов. Чтобы ввести противника в заблуждение, мы имитировали «неудачные» подрывы некоторых ангаров. Внутри же такого «неудачно подорванного» ангара под полом ставили мины замедленного действия, которые тщательно маскировались.

Применяли и другие хитрости, в том числе для маскировки подрывали части взлетно-посадочных полос. Оседавшая пыль надежно маскировала всю работу по минированию в радиусе десятков метров.

Все меньше и меньше людей оставалось в Харькове. По ночам небо на западе багровело: враг вел ожесточенные атаки, стремясь любой ценой не дать нам возможности эвакуировать промышленные предприятия Харькова. Гитлеровцы не предполагали, что они опоздали и что их ждет в городе гибель от двух тысяч надежно поставленных мин.

В двадцатых числах октября бои шли уже в предместьях города. Уютные особняки на улице Иванова, на Бассейной, на других улицах, в других переулках опустели. Как же сделать, чтобы фашистское начальство избрало своим местопребыванием не эти особняки, а заминированный особняк на улице Дзержинского?

Военный совет одобрил решение имитировать минирование лучших домов.

Начиная с 19 октября примелькавшийся населению пикап с минерами днем в открытую подъезжал к особнякам. Минеры осторожно выносили ящики со «взрывчаткой», подолгу возились внутри зданий, выходили, ехали дальше. В течение трех суток Ястребов, Леонов, Лядов и другие подрывники объехали более десяти домов.

Было еще темно, когда секретарь горкома партии В.М. Чураев вместе со мной и Ястребовым в последний раз подъехали к дому № 17 по улице Дзержинского. Ворота закрыты, за оградой никого. Шлегер перемахнул через забор, отворил ворота. Мы вошли в дом и молча прошли по комнатам, прислушиваясь к звуку своих шагов. Казалось, что жильцы дома только что выехали и вот-вот вернуться. Я оторвал лист настенного календаря: 24 октября. В котельной ничто не привлекло нашего внимания. Чисто выполнили свою работу минеры. А в голове дума: «Найдут или не найдут мину? Займут или не займут обре-

ченный на уничтожение дом? Взорвутся мины по сигналу или по извлечению?»

С улицы Дзержинского поехали на площадь имени Руднева. Остановились на подготовленном к разрушению мосту. Чураев вышел из машины, постоял у чугунной ограды, погладил холодные перила...

Гитлеровцы ворвались в город. У них на глазах мины, в их числе — испанские добровольцы, минировали шоссе на Белгород. На основной магистрали Харьков — Чугуев специальные группы минеров ожидали, когда пройдут последние войска, чтобы к многочисленным макетам прибавить настоящие мины.

С 22 октября все дороги к востоку от Харькова были забиты отходящими войсками и рабочими, до последнего момента трудившимися на предприятиях. Эвакуацию города и отход основных сил прикрывали войска под руководством заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. Представителем инженерного управления фронта генерал Невский назначил начальника оперативного отдела инженерного управления фронта майора А.А. Винского. Всего несколько дней назад он пробился с группой командиров и бойцов из окружения и теперь энергично руководил действиями инженерных батальонов и спецгрупп, выделенных для минирования шоссе Харьков — Чугуев, подходов к Чугуеву и чугуевскому аэродрому.

Тут, на чугуевском аэродроме, мы во второй половине 24 октября и встретились. Штаб фронта город уже покинул, на станции грузился последний эшелон, улицы словно вымело, лишь по главной медленно шли донельзя уставшие стрелковые части.

Оценив обстановку, единодушно решили с Винским отходить на Валуйки. Со станции Валуйки — прямой железнодорожный путь на Воронеж, к штабу Юго-Западного фронта.

Сформировали колонну: сто тридцать человек и два-

дцать автомашин с большим запасом горючего, минно-подрывным имуществом, продовольствием. Тронулись. Предстояло одолеть более ста двадцати километров размокших, разбитых транспортом грунтовых дорог. Невеселая это была поездка.

В семи километрах за Чугуевом, в селе Кочеток, наша колонна остановилась для устройства заграждений. Подготовив к разрушению небольшой мост, мы пропустили арьергардные подразделения и взорвали его. Затем минировали сорокаметровый мост через протоку у села Кицовка. При переправе через балку наша колонна прочно застряла. К счастью, майор Винский добыл два трактора, и машины удалось вытащить из грязи. Мы ушли буквально из-под носа противника, который находился уже километрах в трех от нас.

Ни с соседними войсками, ни со штабом фронта мы не имели связи. Пугала возможность попасть в окружение. Поэтому мы непрерывно вели разведку, используя все наши скудные средства. Но оказалось, что тревоги напрасны. Помогла и природа. Низкие осенние тучи не давали возможности бомбить наши колонны. А раскисшие дороги превратились в ловушки и для противника.

В первые сутки мы прошли тридцать с небольшим километров, а потом делали и по десять километров. В Валуйки колонна прибыла лишь на шестые сутки. Никого из своих не застали: генерал Невский выехал в Воронеж, в штаб Юго-Западного фронта, Ястребов — в Куйбышев, куда эвакуировали из Москвы аппарат Главного военнотехнического управления. В одном повезло: нас сразу погрузили в эшелон, отправляющийся в Воронеж, и ранним утром 1 ноября, стоя в дверях теплушки, мы с Винским уже смотрели, как движутся мимо нас, растворяются во влажных сумерках очертания последних пакгаузов и стрелок станции Валуйки. На душе полегчало: до Воронежа всего триста километров, менее суток езды...

Тащились мы по забитой составами дороге ровно

пять суток. И первым делом я задал генералу Невскому вопрос о харьковских минах: нет ли каких-нибудь сведений, сообщений об их действии. Георгий Георгиевич никакой информацией не располагал.

— Рановато! — успокоил он. — Но, поскольку вы уже здесь, начните-ка с расспросов товарищей, прибывших из окружения, свяжитесь с партийными органами. Там могут быть сведения от подпольщиков.

Я последовал совету. Сведения оказывались самыми противоречивыми. По одним сообщениям, немецко-фашистские войска успешно обезвреживали наши мины, по другим — они несли потери при одной попытке снять их.

В Воронеже мы подвели итоги проделанной работы. Всего за время операции по устройству заграждений только батальонами, включенными в состав нашей оперативно-инженерной группы, было поставлено свыше 30 000 противотанковых и противопехотных мин, свыше 2000 мин замедленного действия различного назначения, десятки сложных приборов, которые позволяли взрывать мины в любое время без подхода к объекту, около 1000 мин-сюрпризов, взрывающихся от различных внешних воздействий, а также несколько тысяч макетов мин.

Каждая из установленных боевых мин замедленного действия по своей эффективности равнялась снаряду или даже авиабомбе крупного калибра.

А 10 ноября оперативно-инженерной группе пришлось испить чашу горечи: разведка доставила в штаб Юго-Западного фронта копию приказа № 98/41, изданного командованием одной из немецких частей 8 ноября 1941 года. В приказе сообщалось, что при наступлении «доблестных войск фюрера» на Харьков и в самом Харькове обнаружены в большом количестве русские инженерные мины и среди них — мины замедленного действия с часовыми замыкателями и электрохимическими взрывателями. Русские, говорилось в приказе, пытались прятать мины, зарывая их на глубину до двух с полови-

ной метров и используя для корпусов мин деревянные ящики, что не позволяло применять миноискатели, которые, впрочем, не требовались, поскольку, мол, «неумелая установка мин и неумелая их маскировка позволили опытным саперам рейха обойтись без миноискателей». Кроме того, саперам-де рейха большую помощь оказывали военнопленные и население, «избавленное от коммунистического гнета»¹.

Копию названного приказа мне доставили с сопроводительной запиской, написанной незнакомым, но энергичным почерком: «Эти легко обнаруживаемые и обезвреживаемые мины устанавливались под руководством полковника И.Г. Старинова». В то время такая приписка грозила мне серьезными последствиями, вплоть до обвинения во вредительстве.

Приказ этот стоил мне не одной бессонной ночи. Я не мог отрицать, что в немецком приказе точно перечислены типы наших мин и наших взрывателей. Не мог отрицать и того, что мы ставили мины в деревянных корпусах, что зарывали их, как положено, на значительную глубину. К счастью, нашлись люди, которые критически относились к немецким приказам. Они знали действительную обстановку в тылу врага. В районе же Харькова, как выяснилось позже, врагу не удалось обнаружить и 15% наших мин, которые к тому же в большинстве случаев взрывались при одной только попытке извлечь их.

Я не успел дать объяснений Военному совету фронта, не успели немецкий приказ о легком разминировании наших мин изучить и подшить к делу или дать ему «надлежащий ход», как пришло новое важное, известие: немецкие саперы извлекли из полуподвала дома № 17 по улице Дзержинского особенно сложную мину и теперь в

¹ В этих словах была правда: немцы действительно использовали военнопленных и местных жителей для разминирования: погибли — не жалко. А гибли такие насильно привлеченные «помощники» в массовом порядке. (Прим. ред.)

доме расположился начальник фашистского гарнизона генерал Георг фон Браун.

Это было для меня волнующей новостью. Генерал фон Браун... Двоюродный братец Вернера фон Брауна, конструктора немецких управляемых снарядов... Значит, зверь зашел в западню?

— Ну, что скажете? — спросил Невский, когда я прочитал отпечатанный на машинке текст известия.

— Только одно, товарищ генерал: фашисты извлекли не радиомину, а «блесну»!

— Уверены?

— Совершенно уверен! Извините, товарищ генерал, но себе и товарищам я верю больше, чем фашистской сволочи.

— Ну-ну, не горячитесь! Не горячитесь! — подняв ладонь, проговорил Невский.

После этой беседы с Георгием Георгиевичем никаких объяснений от меня не требовали. Видимо, генерал разговаривал с командующим и членами Военного совета, которые критически относились к вражеским писанинам, а обстановку во вражеском тылу знали лучше, чем автор сопроводительной записки к провокационному приказу гитлеровцев от 8 ноября. Но нервы в ту пору у командиров оперативно-инженерной группы, да и у меня самого были напряжены: подлый вражеский приказ, сопроводительная к нему, известие о mine в доме № 17 стоили не одной бессонной ночи. Двое суток я вообще прожил так, словно сам находился на неизвлекаемой mine: ну а если гитлеровцам в самом деле удалось каким-то чудом или благодаря чистой случайности найти и обезвредить радиомину?..

Утром 13 ноября вызвал генерал Невский. Я приготовился к новому удару, но на этот раз генерал обрадовал: получен приказ Военного совета взорвать радиомины, установленные в Харькове!

Поздней ночью с 13 на 14 ноября 1941 года генерал

Невский, начальник отдела инженерного управления фронта майор Чернов и я, взяв строго засекреченные шифры, поехали на воронежскую радиостанцию широкого вещания. Там нас ждали. В предстоящей операции, кроме военных, участвовали гражданские лица: старший инженер воронежской радиостанции Аркадий Владимирович Беспамятнов и начальник радиостанции Федор Семенович Коржев. Их посвятили в отдельные детали операции.

— Надежный у вас радиопередатчик? — спросил я Беспамятнова.

— Не жалуемся, — по-штатски ответил он. — Мощность — десять киловатт. Конструкция старая, но перед войной наши рационализаторы здорово над ней потрудились. Работает надежно.

Удалив из помещения всех, кто не имел отношения к делу, мы в 3 часа 15 минут 14 ноября послали радиоминам первый сигнал. В дальнейшем на разных волнах, разными шифрами подали еще несколько сигналов. Последний — в шесть часов утра.

Контрольный прием сигналов, осуществляемый вблизи Воронежа, показал, что они сильные. Но достаточной ли оказалась их мощность для Харькова?

Успешно ли завершилась операция? Этого мы не знали.

Посланный 14 ноября на разведку самолет сфотографировал интересующие Военный совет районы Харькова. Снимки подтвердили, что по меньшей мере часть радиомин взорвалась с большим эффектом. К сожалению, район улицы Дзержинского в объектив авиационного фотоаппарата не попал. Определить, взорвалась ли радиомина в доме № 17, оказалось невозможно. Я расстроился.

— Экий вы, право, человек! — упрекнул Невский. — Вчера небось рады были бы, взорвись хоть пара мин, а нынче... Вот уж, поистине дай голому холст, а он скажет, что толст!

Возможно, начальник инженерного управления фронта рассуждал правильно. Во всяком случае, радио-

мины подорвали не только объекты в Харькове, но и доставленную в Воронеж фашистскую клевету на саперов. С души камень свалился. И все же очень хотелось знать, все ли мины сработали, нанесен ли врагу серьезный урон. Увы, дожидаться новых сведений из Харькова не удалось. Лишь два года спустя...

В разгар боевых действий украинских партизан на коммуникациях противника, в последних числах августа сорок третьего года, Строкач сообщил, что принято решение о переезде в Харьков правительства Украины и передислокации туда Украинского штаба партизанского движения.

— Поскольку вы руководили минированием объектов в Харькове, вам первому и отправляться туда, — сказал мне Строкач. — Организуйте поиски мин противника в зданиях, где можно будет разместить правительственные учреждения, и заодно позаботьтесь о помещении для нас.

Сформированная за считанные дни оперативная группа УШПД выехала в Харьков 3 сентября. Ехали на пяти грузовиках. В мое распоряжение Строкач выделил пикап.

Первые следы ожесточенных сражений появились вблизи Орла. Орел пострадал сильно. Иные уголки города нельзя было узнать. Сделали короткую остановку, чтобы покормить людей, заправить горючим и залить воду в радиаторы. Я воспользовался случаем, принялся расспрашивать местных жителей о том, как жилось в Орле оккупантам. Люди говорили, что вскоре после захвата города фашистские офицеры, расположившиеся в гостинице «Коммуналь», взлетели на воздух от взрыва какой-то большой мины. Рассказывали, что склады и гаражи оккупантов постоянно горели, эшелоны подрывались, патрули погибали от выстрелов неизвестных лиц, на стенах то и дело появлялись листовки, рассказывающие о положе-

нии на фронтах, призывавшие уничтожать захватчиков и предателей. По почерку диверсантов я узнал «орловских пожарных» — подпольщиков и партизан, подготовленных в здешней «школе пожарных» летом и осенью сорок первого года.

За Орлом открылись поля сражений на Курской дуге. Мы проезжали их к вечеру. Всюду, насколько хватал глаз, залитые, как кровью, багровым светом заката, среди зигзагов траншей, воронок, провалившихся блиндажей — навсегда застывшие «тигры», «пантеры» и «фердинанды» вперемешку с родными нашими «тридцатьчетверками»...

На следующий день прибыли в Харьков.

Еще в Москве я думал о том, что ждет меня в городе. И чем ближе подъезжали, тем сильнее становилось волнение. Переживания, связанные с минированием Харькова и его окрестностей, все прежние, давно, казалось бы, забытые тревоги ожили, овладели всем существом...

Силуэт города изменился: на фоне заката я не увидел многих фабричных труб. Первые разрушенные постройки уже появились в предместье. Разрушенные дома, напрочь выгоревшие коробки зданий попадались и в городе. На улицах зияли воронки. Фонарные столбы и столбы трамвайных линий кое-где валялись на земле, опутанные оборванными проводами. Разбитые тротуары, витрины без стекол, растоптанные скверы, сломанные или обгоревшие деревья — все говорило, что бои здесь шли совсем недавно. И все же многие здания стояли невредимыми. Это свидетельствовало о стремительном отходе врага, об отходе, на который он не рассчитывал.

Наутро я поехал в Харьковский горком, чтобы представиться, сообщить об имеющемся задании и получить помощь партийных и советских органов. Однако по пути завернул на улицу Дзержинского. Хотелось своими глазами увидеть, что стало с особняком, числившимся под номером 17.

Улица Дзержинского пострадала не сильно. Лишь на месте памятного по сорок первому году особняка зияла огромная продолговатая, наполненная водой яма. Вокруг ямы — бело-розовые выступы фундамента, нагромождения кирпичных глыб, сплюснутая глыбами легковая машина, обугленные, расплюснутые стволы умерших каштанов.

В соседнем доме (на эмалированной жестяной табличке сохранился номер 15) я нашел свидетельниц случившегося в ночь на 14 ноября сорок первого года. Это были мать и дочь — Анна Григорьевна и Валентина Федосеевна Беренда. Они рассказали, что после октябрьских праздников в доме 17 поселился фашистский генерал, вроде самый большой вражеский начальник. А неделю спустя Анна Григорьевна и Валентина Федосеевна проснулись от ужасного толчка и грома. За окном горело, стучало, словно с неба камни падали, из рухнувшего поставца раскатилась, разлетелась на куски и осколки посуда.

Женщины выскочили во двор. Особняк словно сквозь землю провалился. Над тем местом, где он стоял, и над садом, в слабом свете начинавшегося пожара, висела туча пыли. Пахло гарью и кислым. На досках забора и на соседской крыше что-то темнело. Потом уже увидели: на соседскую крышу закинуло остатки рояля, а на забор — ключья обмундирования... Взыла сирена, примчались фашистские мотоциклисты, прикатили грузовики с солдатней, гитлеровцы оцепили бывший особняк, бросились тушить пожар. Потушить-то они потушили, но никого из своих, которые в особняке находились, видно, не нашли, хотя рылись в обломках дня два...

Это были первые сведения о последствиях взрыва установленной в доме № 17 радиомины.

С улицы Дзержинского я добрался до горкома, обо всем там договорился и выехал в штаб Степного фронта: в ЦК КП(б)У мне поручили найти среди пленных кого-либо из вражеских саперов, которые принимали участие в ми-

нировании города. Во фронтовом управлении СМЕРШа имелось немало интересных документов, захваченных при бегстве гитлеровцев из Харькова. Тут я заручился и обещанием помочь в поисках саперов среди пленных.

Прошло три или четыре дня. Разместившись в двух домах, оперативная группа работала, обследуя здания, предназначенные для правительственных учреждений Украины, и другие объекты. Мин мы не обнаружили. Сначала это настораживало, а потом даже удивлять перестало: враг явно не предпринял усилий, чтобы ответить на удар, полученный от советских минеров в сорок первом году. Не до минирования было фашистским «сверхчеловекам», думали только о том, как шкуру спасти!

На третий или на четвертый день разыскал посланный из горкома партии товарищ: звонили из штаба фронта, просили приехать, у них для меня сюрприз: встреча с немецким «коллегой». «Сюрпризом» оказался немецкий капитан Карл Гейден, служивший в саперных частях, прибывший в Харьков с 68-й пехотной дивизией генерал-майора Георга фон Брауна и непосредственно занимавшийся разминированием дома № 17 по улице Дзержинского.

В комнату, где я ожидал пленного, ввели долговязого, сухопарого человека в измятом кителе без погон и нарукавных нашивок, в растоптанных сапогах с широкими голенищами. Усталое лицо, рыжеватые, с проседью волосы, рыжеватая щетина на впалых щеках.

Я предложил пленному сесть. Он опустился на указанный табурет, скользнул по мне взглядом и опустил глаза на сцепленные руки. Он не знал, конечно, с кем предстоит разговаривать, а может быть, ему уже безразлично было, с кем.

Я разглядывал вражеского офицера, который два года назад стал волею судьбы моим соперником в искусстве минно-подрывного дела и от которого два года назад в очень большой степени зависели не только моя репута-

ция, но и мое будущее. Вид, что и говорить, унылый. А ведь два года назад Карл Гейден наверняка не опускал глаз перед русскими! Два года назад такие, как он, входили в Харьков фертами, им сам черт был не брат!

Победителем подъехал к Харькову и пятидесятичетыре-рехлетний генерал-майор фон Браун, назначенный начальником гарнизона «второй столицы Украины».

Наверное, счастлив был. Еще бы! Фортуна сначала ему долго не улыбалась: в Первую мировую войну карьеры не сделал, до тысяча девятьсот тридцать четвертого года, до сорока семи лет, тянул служебную лямку в чине майора, и лишь с приходом к власти нацистов впереди что-то забрезжило: сначала сделали подполковником, а в 1939-м, за участие в интервенции в Испании полковником.

И вот теперь, 1 ноября, фюрер присвоил ему звание генерал-лейтенанта, сделал хозяином советского города! Ко-лоссаль! Война вот-вот завершится полной победой, он, Георг фон Браун, останется жив-здоров и сможет наконец насладиться плодами триумфа! Надо полагать, в Харькове он останется надолго: в России дел хватит!

Необходимо пояснить: не отличаясь полководческими талантами, Георг фон Браун обладал талантом, который ценился гитлеровской кликой особенно высоко: талантом палача. Никто из немецко-фашистских генералов, служивших в 6-й полевой армии, не исполнял так ревностно приказ командующего армией фон Рейтенау от 10 октября, как Браун. А в приказе Рейтенау говорилось: «Борьба против противника в прифронтовом тылу ведется еще недостаточно серьезно. Вероломных и жестоких партизан и дегенеративных женщин все еще продолжают брать в плен. С фанатиками и бродягами, одетыми в полувоенную форму или полностью в гражданском платье, возятся, как с порядочными солдатами... Если в тылу армии будут обнаружены партизаны, взявшиеся за оружие, против них будут применены жестокие меры. Они будут

применяться также по отношению к той части мужского населения, которая могла бы предотвратить предполагавшиеся налеты или вовремя сообщить о них».

Выполняя процитированный приказ, фон Браун сначала создал в 68-й пехотной дивизии специальное подразделение для «борьбы с партизанами», а потом и пехотные полки превратил в карательные. Захват Харькова генерал ознаменовал тем, что на балконах домов главных улиц повесил мужчин и женщин, заподозренных в принадлежности к Коммунистической партии.

Днем 28 октября в Харькове подорвался на mine замедленного действия фашистский генерал-лейтенант артиллерии Вернекер. Мины взрывались и на дорогах, и на железнодорожных станциях, и на аэродромах, и в зданиях. Браун неистовствовал, но мины взрывались.

Палач побоялся въехать в город, поселился в плохоньком домишке на окраине, где туалета не было, приходилось в непогодь бегать под охраной в дощатый щелястый нужник. Честь и самолюбие «их превосходительства» подвергались унижению и осмеянию, и фон Браун требовал без промедления найти хороший дом, разминировать, устроить там его резиденцию.

Немецкие саперы из кожи лезли, разыскивая что-нибудь подходящее и безопасное. Увы! Куда бы они ни сунулись, везде обнаруживались следы работы советских минеров: и в доме, где жил когда-то Г.И. Петровский, и в других «привлекательных» зданиях. Вот только мин не видно было. И это пугало: сообщишь, что особняк разминирован, Браун в него въедет, а там «русские иваны» какую-нибудь пакость и учинят!

Поначалу не обнаружили гитлеровцы никаких мин и в доме № 17 на улице Дзержинского. Но хотя они знали, что в этом доме до самого последнего дня обороны Харькова жили члены украинского правительства и Политбюро ЦК КП(б)У, хотя понимали, что в короткие сроки после выезда правительства и Политбюро установить и на-

дежно замаскировать мощную мину практически было невозможно, осваивать особняк побаивались.

Повезло капитану Гейдену. Он разыскал предателя, который поведал, что в доме № 17 перед оставлением Харькова появлялись военные и что-то делали.

Гейден приказал подчиненным методично обследовать дом, разыскать возможную мину. В конце концов саперы добрались до подвала, до котельной и до груды угля в углу. И... разглядели еле приметный загадочный проводок!

Гейден был достаточно опытен и осторожен. Он понимал, что если в куче угля заложена мина, то взорваться она может и при ничтожном сотрясении пола, и при обрыве проводочка, и при малейшем его натяжении. Словом, одно неосторожнее движение, и конец...

Для начала капитан приказал обследовать кучу угля миноискателем. Никакого результата. Тогда нашелся смельчак, предложивший выяснить, куда тянется проводочка. Гейден принял предложение. В помощь смельчаку он выделил еще двух солдат и того самого доносчика, который навел его на дом. Всех остальных солдат капитан из особняка удалил и выставил у ворот часовых. Фашистские саперы работали медленно. Видимо, их «смельчак» сообразил наконец, чем может кончиться начатая авантюра. Во всяком случае, в первый день гитлеровцы не докопались. Гейден, решив, что солдаты устали, приказал отложить работу до утра. С утра саперы снова полезли в котельную. И через три часа действительно добрались до мины! Ее извлекли к вечеру. Огромную, сложнейшую, с уймой различных дублирующих и подстраховывающих друг друга взрывателей и замыкателей!

Торжествующий капитан немедленно поехал на окраину города, в домишко фон Брауна. Начальник харьковского гарнизона выслушал взволнованный рапорт сапера, с чувством поблагодарил за службу и распорядился готовиться к переезду.

На следующий день фашистский палач проследовал в бронированном «хорьхе» на улицу Дзержинского. Кроме него, в особняке разместились под надежной охраной и старшие штабные офицеры 68-й пехотной дивизии. Видимо, все они считали, что теперь получили жилище, полностью отвечающее их положению в рейхе и боевым заслугам.

Вечером 13 ноября капитан Гейден вновь прибыл с докладом к фон Брауну. На этот раз он доложил, что сработал электрохимический замыкатель «русской мины», за которой велось наблюдение.

Браун, конечно, знал, что в городе взрываются главным образом мины замедленного действия, его наверняка не удивило, что в подвале особняка находилась мина замедленного действия, и он снова похвалил Гейдена. Обитатели улицы Дзержинского рассказывали, что по вечерам генерал Георг фон Браун обязательно прогуливался по саду. Потом возвращался в особняк, и вскоре окна на втором этаже, где он спал, гасли. Так происходило и вечером 13 ноября. Только проснуться фашистскому палачу было не суждено...

— Нас сбила с толку мина в куче угля, — признался капитан Гейден. — Разве можно было предположить, что под ней находится еще одна, куда более опасная?

— А то, что эта вторая, куда более опасная мина управлялась по радио, вы могли представить?

— Нет, господин полковник. Даже немецкая армия таких мин не имела!

— Вы что же, по-прежнему убеждены, что немецко-фашистская армия была во всех отношениях оснащенной лучше советской? — усмехнулся я.

Гейден мигнул, сообразил, что выразился крайне неудачно, глухо выговорил:

— Извините, господин полковник. Привычка...

Я вспомнил о приказе № 98/41 от 8 ноября 1941 года по 516-му пехотному полку 68-й пехотной дивизии гитле-

ровцев и спросил, руководствуясь какой привычкой немецкое командование лгало и своим собственным солдатам, и населению Харькова.

— Неужели вы, капитан, и ваше начальство не знали, что легко снимаемые мины были не чем иным, как корпуса мин с балластом? Неужели не знали, что мины замедленного действия, как правило, остаются необнаруженными, а обнаруженные не могут быть обезврежены и подлежат уничтожению?

— Нет, конечно, мы очень скоро поняли, что находим не настоящие мины, а деревянные чурбаки и корпуса с сюрпризами, — нехотя признал капитан. — Но версия о небрежном минировании считалась... как бы лучше выразиться... наиболее удобной...

— В чем это удобство выразилось для вас? — сыронизировал я.

Гейден глянул исподлобья:

— Для меня, господин полковник? Понижением в звании, отправкой на передовую и — вот!

Он коснулся рукой поседевших раньше времени волос...

Среди харьковчан долгое время ходила легенда о таинственном уничтожении фон Брауна то ли подпольщиками, то ли партизанами. Легенды из ничего не рождаются: партизаны и подпольщики действовали в городе с первого до последнего дня оккупации, и действовали героически. Украинский штаб партизанского движения поддерживал с ними тесные контакты.

Но правда есть правда. И сама заслуживает того, чтобы стать легендой. Легендой о советских ученых и минерах, создавших первые в истории радиомины. Из показаний Гейдена и других пленных, из захваченных вражеских документов, из писем и дневников фашистских солдат и офицеров вырисовывалась достаточно ясная картина действия наших мин в Харькове и Харьковской области.

В городе и его окрестностях погибло много автомашин и несколько поездов, наскочивших на мины.

Из 315 МЗД, установленных подразделениями 5-й и 27-й железнодорожных бригад, противник обнаружил лишь 37, обезвредил 14, а 23 вынужден был подорвать, смирившись с неизбежным в таких случаях разрушением пути.

На третьем километре железной дороги Белгород — Волчанок мина замедленного действия взорвалась под эшелон с войсками. Убитых и раненых вывозили автомобилями на станции Белгород, Микояновка и Казачья Лопань.

На станции Прохоровка двухсоткилограммовый заряд с МЗД взорвался под стоящим поездом. Снова жертвы.

Вблизи станции Томаровка, на участке Готня — Белгород, очередная МЗД взорвалась под воинским поездом, проходившим по мосту двойной тягой. Мост рухнул, сорок два вагона и оба паровоза — за ним.

Участок железной дороги вышел из строя на очень длительный срок. Перечислить все мины, взорвавшиеся на железных дорогах и мостах, не хватит страниц...

Не смог враг использовать и шоссе Чугуев — Харьков, где были поставлены МЗД. Пришлось гитлеровцам строить параллельно шоссе грейдерную дорогу.

Надежды гитлеровцев сразу после захвата города использовать харьковские аэродромы, имевшие самые совершенные по тем временам взлетно-посадочные полосы из бетона, увяли, не успев расцвести. Взрывы МЗД на стоянках самолетов, мощных осколочных МЗД на летном поле и в ангарах не позволили оккупантам пользоваться харьковскими аэродромами вплоть до поздней весны сорок второго года.

Узнавая это, я с волнением и благодарностью вспоминал создателей замечательных радиомин — инженеров В.И. Бекаури и Миткевича, генерала Невского, военинженера Ястребова, воентехника Леонова, молодых харь-

ковских лейтенантов, командиров железнодорожных бригад Кабанова, Павлова и Степанова, сержантов Лядова и Шедова, Лебедева и Сергеева, минеров Сахневича и Кузнецова — всех, кто готовил грозное минное оружие и смело, самоотверженно работал в Харькове тяжелой осенью сорок первого, превращая город в ловушку для заклятого врага. Их ратный труд не пропал даром.

ПАРАШЮТИСТЫ СОВЕТСКОГО ФЛОТА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПАРАШЮТНО-ДЕСАНТНЫХ ЧАСТЕЙ ВМФ СССР. 1941 — 1944 ГОДЫ

В истории войск специального назначения есть множество, так сказать, «пока не написанных страниц». Такова специфика жанра! Спецоперации чаще всего разрабатываются в условиях соблюдения самых строгих норм секретности как одного из неотъемлемых элементов военного искусства вообще и «стратегии непрямых действий» в частности. Нередко сказывается также импровизационный характер этих самых действий, когда операции разрабатываются с целью решения неожиданных и неординарных задач. В таких случаях в архивы попадает (если вообще попадает) весьма ограниченное количество документов, связанных с разработкой и проведением специальных операций. Тем не менее следы остаются, что позволяет исследователю, вооружившемуся терпением и настойчивостью, находить весьма интересные материалы для заполнения неизвестных ранее страниц истории создания и применения войск специального назначения. Так было и с автором данного текста, когда он обнаружил в архиве свидетельства существования довольно любопытного явления в военной истории России — парашютистов советского флота.

Любопытное название, не правда ли? Парашютисты флота. Звучит примерно, как «конная авиация» или «подводная лодка в степях У.». Но это — только на первый взгляд. Сам термин уже известен российским любителям военно-морской истории. Еще в 1959 году Издательство иностранной литературы выпустило перевод опубликованной в 1956 году книги капитан-лейтенанта императорского

флота Японии Масао Ямабэ «Парашютисты японского флота», в которой рассказывалось о создании и боевом применении во время Второй мировой войны парашютно-десантных подразделений японского ВМФ, подробно описывались методика подготовки, снаряжение и вооружение их личного состава. Предисловие-аннотацию к этой книге написал авторитетнейший эксперт в области истории воздушно-десантных войск генерал-майор И.И. Лисов. Но, что примечательно, в своем довольно обстоятельном анализе достоинств и недостатков работы японского коллеги отечественный военный историк ни слова не упомянул об опыте создания и применения парашютно-десантных подразделений в советском флоте (забавно, но спустя десять лет ему довелось побывать на месте высадки отечественных моряков-парашютистов и беседовать с одним из них)! Более того, если обратиться к различным официальным летописям, повествующим об истории советских ВДВ, то можно обнаружить довольно занятую картину. Операции парашютистов советского флота упоминаются, но безотносительно к их принадлежности к определенному виду вооруженных сил. Просто написано, например, что *«одной из примечательных черт высадки в районе дер. Григорьевка явилась выброска в районе дер. Шицли с самолета ТБ-3 парашютного десанта — одного из первых советских воздушных десантов в Великой Отечественной войне»*. В одних случаях парашютистов называют морскими пехотинцами (например, при упоминании десанта в районе Мерекюля или высадки на азовском побережье Керченского полуострова, имевших место в начале 1944 года), в других... просто «парашютистами-десантниками» (десанты под Одессой, Майкопом и Новороссийском). Вероятно, тому факту, что сформированы эти подразделения были в составе флота, а не армии, просто не придавалось значения, если вообще данное обстоятельство было известно историографам. Можно также предположить, что сказалась специфи-

ка той роли, которую играл флот в Вооруженных силах СССР 30 — 40-х годов.

Действительно, если даже схематически попытаться сопоставить значение военно-морского флота в жизни Японии и СССР того времени, то различия становятся весьма очевидны. Насколько японские военные моряки были самостоятельны и обособлены в своих действиях от влияния со стороны руководства сухопутных войск, настолько же их советские коллеги были поставлены в зависимость от требований и нужд армии. Соответственно различались доктрины применения, строительства и развития флотов этих стран. Разумеется, это не могло не проявиться в обстоятельствах появления в структурах обоих ВМФ столь нетрадиционного для них средства борьбы, как парашютно-десантные подразделения.

Японские флотские парашютисты были сформированы еще до начала крупномасштабных операций в Тихом океане, но в рамках подготовки к такого рода действиям. Решение принималось на уровне военно-морского министра.

Напротив, первое подразделение парашютистов советского флота было создано для обеспечения успеха срочной совместной операции морских и наземных сил во время обороны Одессы в сентябре 1941 года, когда возникла неожиданная угроза со стороны артиллерии противника, сумевшей занять выгодные позиции недалеко от города. Инициатором применения воздушного десанта в столь необычных условиях оказался военком ВВС Черноморского флота бригадный комиссар М.Г. Степаненко.

Чтобы понять специфику обстоятельств, в которых возникла идея создания и применения воздушного десанта моряков, необходимо иметь хотя бы самое общее представление о ходе обороны Одессы до проведения морской десантной операции 22 сентября 1941 года.

В июле — августе 1941 года под давлением немецко-румынских войск соединения советского Южного фронта

отходили все дальше на восток. Левофланговые дивизии 9-й армии, отрезанные от главных сил фронта, были объединены в Приморскую группу войск, преобразованную 19 июля в Приморскую армию. Под ударами неприятеля армия отходила к Одессе.

Приморская армия (командующий — генерал-лейтенант Г.П. Софронов, члены Военного совета дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин и бригадный комиссар М.Г. Кузнецов) получила задачу прикрыть Одесское направление, обеспечить прочную сухопутную и противодесантную оборону города.

В выполнении этой задачи большую роль сыграла оперативно подчиненная армии Одесская военно-морская база (командир — контр-адмирал Г.В. Жуков, военком — полковой комиссар С.И. Дитятковский). Она располагала тремя отдельными артдивизионами, значительным отрядом кораблей, авиагруппой и другими частями и подразделениями.

Военный совет Черноморского флота еще 27 июня дал указание командованию Одесской военно-морской базы начать подготовку к обороне, привести в полную боевую готовность береговую артиллерию, корабли, подразделения противовоздушной обороны и различные тыловые службы. Важность и актуальность этой задачи подчеркивал нарком Военно-Морского флота Н.Г. Кузнецов, потребовавший в своем приказе: «В случае окружения Одессы организовать поддержку и питание с моря. Для обороны базы, поддержки сухопутных войск по обстановке использовать корабли и авиацию основного ядра Черноморского флота»¹.

5 августа Ставка Верховного Главнокомандования направила директиву командованию Юго-Западного направления, в которой указывалось: «...Одессу не сдавать и

¹ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1970. — Кн. 1. — Т. 5. — С. 211.

оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот»¹.

Черноморский флот принимал необходимые меры по отражению ударов морских и воздушных сил противника, но наибольшая угроза городу исходила со стороны суши, так как на море господствовал советский ВМФ. Поэтому еще в конце июня командование базы, партийные структуры и администрация Одессы организовали строительство оборонительных сооружений на подступах к ней. Особенно большой размах работы приняли в первых числах августа.

Одновременно флот вел подготовку к содействию войскам Приморской армии с суши. Береговые батареи 40-го подвижного артдивизиона были переведены на позиции у Люстдорфа, Дофиновки, Крыжановки и других пунктов. Стационарные береговые батареи готовились к отражению наступления противника с сухопутного направления. Находившиеся в Одессе корабли также отрабатывали задачи артиллерийской поддержки сухопутных войск.

Для захвата Одессы немецко-румынское командование выделило 4-ю румынскую армию, состав которой непрерывно увеличивался. Действия наземных вражеских войск поддерживались крупными силами авиации.

Приморская армия уступала противнику по численности. Поэтому формирование частей для пополнения ее войск за счет ресурсов Черноморского флота и людских резервов города стало обычной практикой. В начале августа таким образом были сформированы два полка морской пехоты — 1-й полк (командир — майор И.А. Морозов, военком — старший политрук В.А. Митраков) и 2-й полк (командир — полковник Я.И. Осипов, военком — старший политрук В.А. Тарабарин). В дальнейшем для защиты Одессы было создано еще несколько отрядов моряков.

¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945. — Т. 2. — С. 113.

Тем не менее противнику удалось создать необходимое превосходство в силах, рассчитывая овладеть Одессой с ходу. 13 августа ему удалось выйти к берегу моря в районе Сычавки и полностью изолировать город с суши. Но большего добиться тогда он не смог. Все последующие атаки румынских войск были отбиты.

В целях улучшения управления силами и организации тесного взаимодействия сухопутных войск с кораблями и береговой артиллерией приказом командующего Приморской армией одесский плацдарм 13 августа был разделен на три сектора обороны.

Оборона Южного сектора (от берега моря юго-западнее Одессы до линии Одесса, Вакаржаны, Секретаревка) была возложена на два полка 25-й стрелковой Чапаевской дивизии (командир дивизии — полковник А.С. Захарченко, затем — генерал-майор И.Е. Петров) и приданные ей подразделения, Западного (от разграничительной линии до Хаджибейского лимана) — на 95-ю стрелковую дивизию (командир — генерал-майор В.Ф. Воробьев) и Восточного (от разграничительной линии слева до берега моря восточнее Одессы) — на группу войск под командованием комбрига С. Ф. Монахова, в состав которой входили 54-й полк Чапаевской дивизии, 1-й полк морской пехоты, 26-й полк НКВД, батальон 136-го запасного полка и два истребительных батальона. Позднее из различных частей Восточного сектора обороны была сформирована 421-я Одесская стрелковая дивизия (командир — полковник Г.И. Коченов).

Обстановка под Одессой осложнилась, когда противник, не добившись успеха в наступлении по всему фронту, сосредоточил свои усилия на флангах обороны города.

В упорных боях 15 — 18 августа румынским частям удалось прорвать фронт Южного сектора на участке Кагарлык, Белаявка и несколько потеснить войска Восточного сектора. Однако и на этот раз прорваться к Одессе не удалось, но с вынужденным отходом защитников го-

рода на его ближние подступы еще более увеличился отрыв Приморской армии от основных сил Южного фронта. В результате возросли трудности в управлении оборонной, в снабжении войск и организации их взаимодействия с флотом. Поэтому командующий войсками Юго-Западного направления обратился в Ставку с ходатайством о переподчинении Приморской армии Черноморскому флоту. С 20 августа она была выведена из состава Южного фронта и стала именоваться Отдельной Приморской армией.

19 августа решением Ставки был образован Одесский оборонительный район (ООР) с подчинением его Военному совету Черноморского флота, на который целиком возлагалась ответственность за дальнейшую оборону Одессы. В состав ООРа вошли войска Отдельной Приморской армии и Одесской военно-морской базы с приданным ей корабельным составом. Командующим ООРа был назначен контр-адмирал Г.В. Жуков, его заместителем по сухопутной обороне — генерал-лейтенант Г.П. Софронов (к концу обороны он заболел и был смещен генерал-майором И.Е. Петровым), членами Военного совета — бригадный комиссар И.И. Азаров, дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин и несколько позднее — первый секретарь Одесского обкома партии А.Г. Колыбанов¹.

Тем временем румынским войскам удалось в Восточном секторе подойти к окраине города, 25 августа овладев Чебанкой и Новой Дофиновкой. Здесь они установили батарею дальнобойной артиллерии и начали обстреливать акваторию Одесского порта, подходы к нему и район временных пристаней у Аркадии и Золотого пляжа.

К середине сентября обстановка под Одессой стала особенно напряженной. Противник, подтянув свежие войска, усилил давление на левый фланг обороны. Левофланговые части Южного сектора вынуждены были

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945. — Т. 2. — С. 114.

отойти на восточный берег Сухого лимана. Неприятельские артиллеристы получили возможность обстреливать город не только с северо-востока, но и с юго-запада.

В ночь на 14 сентября Военный совет ООР направил в адрес Ставки Верховного Главнокомандования, наркома Военно-Морского флота и Военного совета Черноморского флота телеграмму, в которой информировал о дальнейшем обострении положения и просил оказать помощь оборонительному району. 15 сентября поступил ответ из Москвы: «Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6 — 7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения... И. Сталин»¹. Эта телеграмма Ставки сыграла огромную роль в дальнейшей обороне Одессы. «Каждый из нас, — вспоминал позднее командующий ООР Г.В. Жуков, — готов был буквально на все, чтобы с честью выполнить просьбу Ставки — приказ Родины»².

Чтобы отбросить румынские войска за Аджалыкский лиман и выбить их с позиций в районе Чебанки, Военный совет Черноморского флота решил нанести контрудар силами 421-й и 157-й стрелковых дивизий с одновременной высадкой во вражеский фланг и тыл 3-го полка морской пехоты (командир — капитан К.М. Корень, военком батальонный комиссар И.А. Слесарев) в районе села Григорьевка и небольшого парашютного десанта — у Шицли.

Так развивались события, предшествовавшие созданию первого в советском флоте парашютно-десантного подразделения. На подготовку парашютистов было выделено всего... трое суток. За это время успели произвести необходимую экипировку и вооружение, а также элементарную наземную подготовку к прыжку с парашютом, который многие из моряков должны были сделать впервые

¹ Цит. по: *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе, с. 105.

² Цит. по: *Карев Г. А.* Одесса — город-герой. — М., 1978. — С. 98.

в жизни. Инструктаж проводил сам начальник парашютно-десантной службы ВВС Черноморского флота майор Шорин и старший лейтенант Захожий, опытный парашютист. Каждый моряк-парашютист был вооружен пистолетом-пулеметом ППШ (ППД) или самозарядной винтовкой, а также шестью гранатами, не считая десантного ножа. Для совершения диверсий дополнительно был выдан необходимый мелкий инструмент (кусачки, ножи, «кошки»).

Ночью 22 сентября 1941 года на самолете ТБ-3 в непосредственном тылу румынских частей, против которых был направлен основной удар морского десанта, была выброшена группа парашютистов численностью 23 человека во главе со старшиной флота Анатолием Кузнецовым. Целью их действий стало нарушение управления частями противника и отвлечение внимания от основных сил, высаживавшихся с моря. Несмотря на то что морякам-парашютистам пришлось в основном вести бои разрозненно, в целом их применение можно считать довольно удачным, если учесть обстоятельства их подготовки. С боевого задания смогли вернуться здоровыми 11 человек, ранеными — двое. 9 человек погибло. Сам автор идеи использования воздушного десанта для обеспечения действий морских пехотинцев так оценил результаты этой операции: «...1. Парашютно-десантная группа задачу выполнила и свое назначение оправдала. 2. Группу парашютистов в 13 человек используем как основной костяк в создании парашютно-десантных отрядов. 3. На ближайший период ставим задачу о создании более крупной и наиболее подготовленной группы. 4. Наиболее эффективным оружием оказалась не винтовка, а граната и автоматический пистолет. 5. Белый купол парашюта себя демаскирует; необходима покраска парашютов в маскирующий цвет. 6. Каждому бойцу необходимы перевязочные материалы для оказания первой медицинской помощи. 7. Крайне необходимо иметь парашютисту кусачки, «кошки», нож и

другие мелкие инструменты...»¹ Новый отряд моряков-парашютистов был вскоре создан, но тут же расформирован по причине «изменения оперативной обстановки».

Немецкая армия прорвала советскую оборону в Крыму, и началась эвакуация войск из Одессы на полуостров для усиления находившихся там соединений. Оставшиеся в живых десантники составили основу роты охраны командования и штаба ВВС ЧФ в Крыму, а непосредственно сформировавший первую группу моряков-парашютистов капитан М.А. Орлов, еще до войны имевший звание «мастер парашютного спорта СССР» и сделавший около тысячи прыжков с парашютом, был отправлен на Кавказ с указанием приступить к созданию нового парашютного подразделения флота. Сам энтузиаст воздушно-десантных операций, бригадный комиссар М.Г. Степаненко, погиб 21 ноября 1941 года, получив смертельные ранения во время артиллерийского обстрела флагманского КП в Севастополе.

Тем не менее на этом история парашютистов советского флота не закончилась. Напротив. Опытном удачного применения воздушного десанта для обеспечения действий других соединений заинтересовалось уже непосредственно... командование ВВС Черноморского флота. И тому были свои причины...

После катастрофы советских войск в Крыму в мае 1942 года у вновь созданного Северо-Кавказского фронта возник ряд проблем, справиться с которыми было ему весьма и весьма не просто... Именно в этот момент начинает формироваться парашютно-десантная рота ВВС Черноморского флота в составе 160 человек. Начавшееся в мае формирование этого небольшого подразделения завершилось применением его в качестве основной ударной силы в операции по уничтожению самолетов противника на его авиабазе в Майкопе 23 октября 1942 года. Оперативная

¹ ЦВМА. Ф. 141. Д. 39933. Л. 13—16.

обстановка в регионе в данный промежуток времени складывалась весьма не простая.

Как и предусматривалось советской военно-морской доктриной, Черноморский флот в этот период решал задачи, которые определялись прежде всего положением сухопутных сил. Он должен был содействовать войскам Северо-Кавказского и Закавказского фронтов на побережье Черного моря, оборонять приморские города и военно-морские базы, не допускать высадки противником десантов, а также наносить удары по его коммуникациям и местам базирования.

Особенно напряженный характер противостояние приняло в июле, когда советские войска вынуждены были отходить на юг под давлением немецко-румынских сил, успех которых прежде всего был обеспечен активными действиями подвижных соединений и авиации. Подвергаясь непрерывным ударам с воздуха, войска Южного фронта были вынуждены переправить свои части и боевую технику на левый берег Дона.

В середине августа 17-я немецкая армия, овладев Краснодаром, развернула стремительное наступление на Новороссийском и Туапсинском направлениях. К Новороссийску продвигались 2 пехотные и 3 кавалерийские дивизии, а на Туапсинском направлении — 5 пехотных и 2 моторизованные дивизии.

В наступлении на Новороссийск немецкое командование основную ставку также сделало на успех взаимодействия мотомеханизированных частей и авиации. Это позволило ему, удерживая инициативу за собой все это время, захватить перевал Волчьи Ворота, Абрау-Дюрсо и Южную Озерейку, а с рассветом 6 сентября выйти на дорогу Неберджаевская — Мефодиевский и к северо-западным окраинам Новороссийска. 7 сентября, прорвав здесь оборону, немецко-румынские войска захватили железнодорожный вокзал, а затем элеватор и порт. Советские части (главным образом морская пехота), отрезанные от

основных сил 47-й армии, в течение трех дней вели упорные бои в западных и южных районах Новороссийска и в предместье Станички, дрались за каждую улицу, за каждый дом, но были прижаты к морю и 10 сентября вынуждены эвакуироваться на кораблях на восточный берег Цемесской бухты.

Немецкое командование приняло решение не тратить время и скудные резервы на борьбу за овладение этими позициями и начало готовить основные силы 17-й армии к наступлению на Туапсе с целью отрезать группировку советских войск в районе Новороссийска.

Удивительно, но такое развитие событий не оказалось для советского командования неожиданным! Еще 23 августа Военный совет Закавказского фронта принял решение создать так называемый «Туапсинский оборонительный район» (ТОР) в границах Джубга, Лазаревская, Георгиевская. Возглавил оборону района командир Туапсинской военно-морской базы контр-адмирал Г.В. Жуков. К моменту начала немецкого наступления на Туапсинском направлении прикрытие ТОР с суши осуществляли войска 18-й армии (командующий — генерал-лейтенант Ф.В. Калмыков, с 19 октября — генерал-майор А.А. Гречко). Подходы с моря были защищены кораблями и береговой артиллерией военно-морской базы.

Немецкое наступление началось 25 сентября. Перед этим в течение двух дней боевые порядки советских войск подвергались массированным авиационным ударам, и в результате пятидневных ожесточенных боев, немецко-румынским частям удалось на отдельных участках продвинуться на 5 — 10 км, после чего им пришлось сделать двухнедельную паузу. Проявили себя трудности ведения наступательных действий в гористо-лесистой местности, а также дефицит резервов. 14 октября наступление возобновилось, и на этот раз оно велось одновременно через Шаумян и из района Фанагорийского на Садовое с целью окружить основную группировку войск 18-й армии

и выйти к Туапсе. Наступающие войска активно поддерживала авиация. Она ежедневно производила по 500 — 600 самолетовылетов для нанесения бомбовых ударов по боевым порядкам советских войск. 16 октября подразделения вермахта вышли к станции Навагинская, а на следующий день овладели районом Шаумян.

Одиннадцать дней и ночей не прекращались бои на подступах к Туапсе, но прорвать советскую оборону так и не удалось. 31 октября из-за недопустимого уровня потерь немецкое командование приняло решение перейти к обороне и стало закрепляться на достигнутых рубежах. Последний раз оно попытается достичь своей цели в середине ноября, но и эта попытка окажется неудачной.

Такова вкратце ситуация, в которой происходило формирование первого штатного парашютно-десантного подразделения ВМФ СССР, а также проведение им боевой операции, имеющей по меньшей мере оперативное значение. Целью операции являлось лишение немецкого командования основного и наиболее значимого на тот момент преимущества в ожесточенной схватке с советскими войсками — господства в воздухе. Для этого предполагалось уничтожить материальную часть наиболее боеспособных подразделений люфтваффе, базировавшихся в то время на аэродроме города Майкопа. По всей видимости, иными путями лишить наступающие немецко-румынские войска эффективной поддержки с воздуха не удавалось.

Вот как охарактеризовал эту ситуацию сам командующий ВВС Черноморского флота генерал-майор авиации В.В. Ермаченков: «...Фашистская авиация злобствует на всех направлениях Закавказского фронта и Черноморской группы войск. Она сковала действия наземных частей, кораблей ЧФ и нашей авиации, базирующейся на аэродромах Геленджика, Туапсе, Лазаревской, Адлера...»

Таким образом, можно констатировать, что вновь сформированное спецподразделение флота сразу же оказалось в эпицентре битвы за Кавказ. Не будет преувели-

чением утверждать, что на момент начала операции по уничтожению самолетов противника на аэродроме Майкопа моряки-парашютисты оказались той силой, которая была способна решающим образом повлиять на исход этого драматического сражения, лишив немецкие войска их основного козыря — авиационного превосходства. По оценке советского командования, для этого требовалось всего три дня решительного ослабления люфтваффе на направлении главного удара. По данным разведки, на аэродроме одновременно могло находиться до 50 — 70 самолетов различного типа, представлявших на тот момент весьма внушительную силу, если учесть, что им противостояло со стороны ВВС ЧФ (по официальным данным) не более 92 исправных самолетов... Весьма примечательно, что именно в это время на авиабазе Майкопа постоянно присутствовали представители элитных частей ВВС Германии, таких как III/JG52. Даже знаменитый впоследствии Эрих Хартманн побывал тогда на этом аэродроме несколько раз...

В связи с изложенными выше обстоятельствами, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о подготовке личного состава ПДР ВВС ЧФ к выполнению столь ответственного задания. Что представляло собой это спецподразделение, внезапно оказавшееся в эпицентре битвы за Кавказ?

С момента появления приказа о формировании отдельной парашютно-десантной роты в составе ВВС Черноморского флота в мае 1942 года подготовке ее личного состава уделялось большое внимание. Командиром роты был назначен капитан М.А. Орлов, а его заместителем по политической части стал старший политрук Д.И. Дерябин, который не имел до этого отношения к парашютному делу, но быстро его освоил вместе со своими подчиненными.

Помощником Орлова по парашютно-десантной подготовке был назначен бывший начальник ПДС 40-го авиа-

полка капитан А.П. Десятников, один из ветеранов советского парашютизма, мастер парашютного спорта СССР, имевший на тот момент около 1000 прыжков на своем счету. Примечательно, что помимо общего руководства воздушно-десантной подготовкой моряков-парашютистов и организации учений и прыжков днем и ночью в условиях, максимально приближенных к боевым, в его обязанности входила также разработка замысла боевой операции подразделения, что являлось характерной особенностью советских ВДВ того времени. Непосредственно парашютно-десантной подготовкой личного состава роты занимался другой ветеран парашютного движения в СССР (более 1000 прыжков), получивший звание мастера парашютного спорта еще в 1936 году, бывший начальник ПДС 5-го гвардейского авиаполка старший лейтенант А.А. Тарутин. Это имя было впоследствии хорошо известно каждому спортсмену-парашютисту Советского Союза. Один из моряков-десантников охарактеризовал его как «самого интеллигентного, хорошо воспитанного, тактичного и вежливого офицера» в подразделении, «пользовавшегося исключительно высоким авторитетом» у его личного состава.

За строевую, огневую и тактическую подготовку роты отвечал общевойсковой офицер старший лейтенант Г.И. Марущак, характеризовавшийся как «всесторонне подготовленный командир, прекрасный строевик, отлично стрелявший из всех видов стрелкового оружия и быстро ориентировавшийся в любой ситуации общевойскового боя».

Подготовка проводилась основательно, без спешки. В течение июня — сентября 1942 года моряки изучили материальную часть парашютов и произвели наземную отработку элементов прыжка. После этого каждый из них совершил по 10 — 12 ночных и дневных прыжков с парашютом в полной боевой выкладке. Тщательно отработывались действия в тылу противника при уничтожении различных объектов, а также длительные марш-броски по

незнакомой горной местности, преодоление различных преград. Так как основным транспортным средством советских ВДВ того времени являлся бомбардировщик ТБ-3, то большое внимание уделялось изучению специфики выброски с него, производившейся как через бомболюки, так и непосредственно с крыла самолета. И особенно отрабатывались методы сбора парашютистов непосредственно после приземления, в момент наибольшей уязвимости любого воздушного десанта.

Разработка десантной операции против майкопской авиабазы люфтваффе началась в конце сентября, а в октябре были отобраны 40 человек для непосредственной подготовки к высадке и уничтожению неприятельских самолетов на летном поле. Днем и ночью парашютисты совершали прыжки на местность, максимально похожую на ту, на которой предстояло выполнять поставленную боевую задачу. Отрабатывались прыжки на точность приземления с малых высот, а также действия по сбору приземлившихся и организации боя с силами охраны аэродрома противника.

За несколько дней до начала операции в ее замысел было внесено одно принципиальное изменение. Высадка десантников должна была производиться непосредственно вслед за нанесением авиацией флота бомбоштурмового удара по наземным средствам ПВО противника, а также по расположенным неподалеку другим военным объектам. Вероятно, таким способом предполагалось ввести немецкую оборону авиабазы в заблуждение относительно замысла операции и облегчить действия парашютного десанта. На деле вышло все с точностью до наоборот.

Общий замысел операции предусматривал взлет с аэродрома в Сухуми одного самолета ПС-84 и одного ТБ-3. На борту первого находилась группа управления, включавшая помимо 5 человек комсостава и двух проводников из числа местных жителей-партизан, а также группа прикрытия из 15 человек, чьей задачей являлось сковывание

боем охраны аэродрома и обеспечения действий диверсионной группы по уничтожению неприятельских самолетов на летном поле. На борту ТБ-3 находились 20 десантников группы, предназначенной непосредственно для проведения диверсии на авиабазе.

Самолеты должны были на маршруте следования к району выброски набрать высоту 2000 метров, а за несколько километров до цели перейти в режим планирования, позволявший произвести скрытное десантирование моряков-парашютистов с высоты 400 метров непосредственно на летное поле неприятельского аэродрома. Разрабатывавший этот план помощник командира ПДР капитан А.П. Десятников основную ставку делал на внезапность и скрытность десантирования, но в штабе ВВС ЧФ, вероятно, посчитали такой расчет недостаточно убедительным и решили нанести непосредственно перед высадкой бомбштурмовой удар в районе цели... После выполнения поставленной задачи парашютисты должны были оторваться от преследования, воспользовавшись особенностями близлежащей гористо-лесистой местности, после чего уйти в лес на соединение с партизанами, которые должны были помочь им пересечь линию фронта в районе Даховская и Хамышки. Сам командир ПДР хорошо знал майкопский аэродром, так как проходил на нем службу до войны. Знакомы были с местностью и некоторые десантники боевых групп.

В снаряжение каждого моряка-парашютиста входили: пистолет-пулемет (ППШ или ППД), пистолет ТТ, десантный нож, две ручные гранаты, компас, карманный фонарик и сухой паек на двое суток. Группа прикрытия была также вооружена двумя пулеметами ДП, а каждый десантник диверсионной группы имел универсальный топорик и несколько зажигательных устройств, смонтированных на основе легких зажигательных авиабомб и предназначенных для надежного уничтожения авиатехники противника непосредственно на месте ее стоянки.

Хотелось бы отметить, что непосредственно перед операцией личный состав десантной группы дал следующую клятву:

«Мы клянемся!

Идя на выполнение боевого задания, мы, моряки-черноморцы, клянемся тебе, Родина, вам, Великий Сталин, что с честью выполним порученное нам дело.

Клянемся: стойко и мужественно драться с ненавистным врагом, беспощадно уничтожать фашистских гадов и его технику.

Каждый из нас горит благородным желанием мести. Мы будем мстить за отцов, матерей, братьев, сестер, за сиротские слезы, за поруганных жен и любимых девушек, за все злодеяния, учиненные гитлеровскими палачами.

Никто из нас не дрогнет, как бы тяжело ни пришлось в бою. Будем драться до последнего, а последний до последней капли крови, но задание выполним!

Но если в наших рядах окажется трус — его уделом будет позорная смерть, всеобщая ненависть и презрение.

Наше знамя — Сталин, и с этим знаменем мы идем в бой.

За Родину! За Сталина!..»¹

Клятвенные заявления перед выполнением боевого задания являлись довольно распространенной практикой морально-психологической подготовки советских солдат к бою во время Великой Отечественной войны. Такова была характерная особенность Вооруженных сил СССР того времени.

Непосредственно перед вылетом капитану А.П. Десятникову были вручены аэрофотоснимки летного поля в Майкопе, на которых удалось идентифицировать 28 истребителей типа Ме-109, 4 бомбардировщика Ю-88, 3 транспортных и 4 связных самолета.

В 21 час 15 минут 23 октября 1942 года десантный отряд стартовал с полевого аэродрома Бабушеры в 12 км от

¹ ЦВМА. Ф. 141. Д. 10129. Л. 72.

Сухуми. Самолеты стали набирать предписанную планом высоту, следуя по заранее проложенному маршруту выхода к месту десантирования.

Примерно в 23.30 9 бомбардировщиков ДБ-3, 2 истребителя И-15 и 2 СБ из 5-го гвардейского, 40-го и 62-го полков 63-й авиабригады подполковника Н.А. Токарева нанесли бомбоштурмовой удар по аэродрому в Майкопе, расположенной рядом станции, дорогам, идущим в город, и произвели штурмовку зенитных и прожекторных точек. В результате было разбито несколько самолетов и три прожектора, а также повреждена взлетно-посадочная полоса. Однако «побочным эффектом» этих действий стала активизация всей обороны неприятельской авиабазы, обнаружившая, что зенитных средств и прожекторных установок на ней было значительно больше, чем предполагали разработчики операции. К тому моменту, когда транспортные самолеты встали на курс выброски, немецкие зенитчики смогли открыть по ним сосредоточенный огонь из всех имевшихся у них средств.

Если первому самолету (ПС-84) удалось относительно удачно произвести выброску десанта и вернуться на базу, то следовавший за ним огромный четырехмоторный тихоходный ТБ-3 был подожжен и упал на окраине летного поля. Из экипажа уцелел только командир корабля, сумевший покинуть горящую машину в последний момент. Тем не менее большая часть десантников успела покинуть горящую машин и приземлиться на аэродроме противника, несмотря на то что некоторым из них приходилось прыгать едва ли не под струями горящего бензина, вытекавшего из пробитых бензобаков гигантского бомбардировщика.

Подразделения охраны авиабазы отреагировали на выброску десанта оперативно, что, впрочем, неудивительно. Вряд ли после предварительной бомбардировки к моменту выброски парашютистов на базе оставался спящим хотя бы один немецкий солдат. Необходимо отме-

тить, что противодесантной обороне военных объектов немецкое руководство уделяло достаточно серьезное внимание, о чем свидетельствуют различные инструкции и учебные фильмы с примерами оптимальной организации противодействия атакам парашютистов противника, прежде всего аэродромов и мест базирования авиачастей. Сказывался собственный опыт применения этого средства борьбы в Европе и на Средиземном море. Возможно, именно поэтому охранные части авиабазы были моторизованы и хорошо вооружены, что позволило им довольно быстро вступить в огневой контакт с высадившимися парашютистами. Тем не менее в завязавшемся ночном бою немцам не удалось полностью воспрепятствовать действиям моряков-десантников (сказалось и стремление немцев избежать повреждения собственной авиатехники). Их группа прикрытия сумела отвлечь на себя основные силы охраны, что позволило диверсионной группе поджечь зажигательными снарядами более десятка самолетов на стоянках. По оценке произведенной утром аэрофото съемки, было полностью уничтожено 13 и серьезно повреждено 10 самолетов противника.

Вся операция на летном поле заняла несколько минут, после чего десантники стали разрозненными группами прорываться из окружения и отходить в район встречи с партизанами, которая произошла на седьмой день после высадки. Эвакуация из-за линии фронта десантников была произведена в середине декабря 1942 года при помощи самолетов У-2. Всего из 37 человек десанта на базу смогло вернуться 24. Остальные 13 моряков-парашютистов погибли, как и 2 проводника из числа партизан, а также 7 человек экипажа сбитого ТБ-3.

Об этой операции было сообщено в вечерней сводке Совинформбюро от 11 ноября 1942 года.

Как определить значимость того, что было сделано моряками-парашютистами на аэродроме Майкопа 23 октября 1942 года? Как оценить эффективность их дейст-

вий? На эти и им подобные вопросы можно дать разные ответы. Уже упоминавшийся ранее военный историк генерал-майор И.И. Лисов предлагает такой вариант интерпретации данного исторического факта: «...Это было сделано в то время, когда всей своей мощью враг давил на Сталинград, продолжая наступать на Кавказ. Гитлеровцы принимали все меры к тому, чтобы активизировать воздушное наступление, под прикрытием которого сухопутные войска могли бы безостановочно идти вперед. Для этого, в частности, командующий люфтваффе на юге генерал-майор Рихтгофен и перебазировал на майкопский аэродром эскадрильи своих лучших асов. Они готовились к воздушным боям, но вопреки всему накрыли их моряки, и накрыли на земле»¹. К этому можно также добавить, что между 23 октября, когда наносился удар по авиабазе в Майкопе, и 31 октября, когда немецким командованием было принято решение прекратить наступательные действия на Туапсинском направлении, прошло всего 7 дней. Вполне возможно предположить наличие определенной связи между двумя этими событиями. Неспоримым фактом является и то, что продвинуться на данном участке советско-германского фронта немецким войскам уже было не суждено.

Таким образом, первое применение в бою вновь созданного спецподразделения флота было весьма удачным. Во всяком случае, подобного мнения придерживалось и советское военное командование, когда принимало решение использовать моряков парашютно-десантной роты ВВС ЧФ для обеспечивающих действий в знаменитой операции по освобождению Новороссийска с использованием морского десанта в районах Южная Озерейка и Станичка 4 февраля 1943 года.

Представляется целесообразным обрисовать общий ход операции, частью которой стала высадка уникального подразделения моряков-парашютистов. Как и в 1941 го-

¹ Цит. по: Вертикальный охват. — М., 1981. — С. 49—50.

ду, им пришлось столкнуться в бою с румынскими войсками, но на этот раз это оказался гораздо более серьезный противник...

Победа Красной Армии под Сталинградом в корне изменила обстановку на всем советско-германском фронте.

На Юго-Западном направлении в начале января 1943 года в результате быстрого продвижения советских войск от Сталинграда к Ростову немецко-румынская группа войск, действовавшая на Северном Кавказе, оказалась под угрозой окружения и начала отход. Войска Закавказского фронта (с 24 января — Северо-Кавказского) перешли в наступление.

К весне 1943 года был освобожден почти весь Северный Кавказ. Лишь на Таманском полуострове противник закрепился на так называемой Голубой линии, примыкавшей флангами к Азовскому и Черному морям. Немецкое командование стремилось как можно дольше удерживать этот прикрывавший подступы к Крыму плацдарм, возводя здесь мощные оборонительные сооружения, поэтому возник замысел нанести в кратчайшие сроки комбинированный удар с суши и моря в ключевом месте оборонительных позиций противника — в районе Новороссийска.

План десантной операции был утвержден еще в ноябре 1942 года. Местом высадки основных сил намечался район Южной Озерейки, а вспомогательных — район Станички. Тогда же было принято решение высадить воздушный десант в районе Васильевки и демонстративные морские десанты — у мыса Железный Рог, у Анапы, Варваровки и в других пунктах.

Основные силы десанта, возглавлявшиеся полковником Д.В. Гордеевым, составили 83-я Краснознаменная бригада морской пехоты (командир — подполковник Д.В. Красников, заместитель командира по политчасти — подполковник Ф.В. Монастырский), 255-я Краснознаменная бригада морской пехоты (командир — полковник

А.С. Потапов, заместитель командира по политчасти — подполковник М.К. Видов), 165-я отдельная стрелковая бригада, отдельный авиадесантный полк, 29-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, пулеметный и танковые батальоны. Для их высадки были сформированы отряд транспортов, отряд кораблей охранения, отряд высадочных средств, а также отряд кораблей прикрытия и артиллерийской поддержки, в который вошли гвардейские крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», лидер «Харьков», эскадренные миноносцы «Беспощадный» и «Сообразительный». Авиационное обеспечение высадки возлагалось на авиагруппу (137 самолетов) из состава военно-воздушных сил Черноморского флота и на 30 самолетов 5-й воздушной армии.

Общее руководство операцией по овладению Новороссийском осуществлял командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И.Е. Петров, а высадкой десанта руководил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, которому непосредственно были подчинены командир отряда кораблей прикрытия вице-адмирал Л.А. Владимирский, командир высадки контр-адмирал Н.Е. Басистый, командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Г.Н. Холостяков и командующий ВВС флота генерал-майор авиации В.В. Ермаченков.

Вспомогательный десант состоял из штурмового отряда в 250 морских пехотинцев (командир — майор Ц.Л. Куников, заместитель командира по политчасти — старший лейтенант Н.В. Старшинов). Высадка его должна была осуществляться кораблями Новороссийской базы под руководством капитан-лейтенанта Н.И. Сипягина. Артподготовка десантирования и поддержка действий морских пехотинцев на берегу возлагались на береговую артиллерию Новороссийской военно-морской базы.

Срок проведения десантной операции зависел от дей-

ствий войск 47-й армии, которые должны были прорвать оборону противника и выйти на перевалы Маркотх и Неберджаевский. Решить же эту задачу им не удалось. Тогда, чтобы оказать помощь наступающим войскам в освобождении Новороссийска, командующий Черноморской группой приказал высадить морской десант не позднее 2 часов 4 февраля, не дожидаясь прорыва обороны противника. Однако высадка основных сил из-за активного противодействия противника, штормовой погоды и невысокой организации взаимодействия кораблей и авиации не удалась. На берегу закрепились лишь штурмовые отряды первого эшелона, насчитывавшие около 1500 человек и 16 танков. Они овладели поселком Южная Озерейка и 5 февраля достигли южной окраины поселка Глебовка. В течение последующих трех дней десантники вели ожесточенные бои в окружении. Израсходовав боеприпасы и понеся большие потери, они стали пробиваться в район Станички, но прорваться туда смогла лишь небольшая группа. Таким образом, сохранить плацдарм у Южной Озерейки не удалось.

Вспомогательный десант высадился в районе Станички успешно. Этому в немалой степени способствовали действия десантников в районе Южной Озерейки, сковавшие здесь крупные силы противника, верно определившего направление главного удара атакующих и направившего туда свои резервы. Решительность действий штурмового отряда под командованием майора Ц.Л. Куникова и сильный огонь береговой артиллерии оказались неожиданными для неприятеля, части которого оставили свои позиции у среза воды. При этом морские пехотинцы захватили четыре орудия и тут же использовали их для подавления огневых средств и живой силы противника.

Спустя два часа на занятый плацдарм был высажен второй эшелон — боевые группы под командованием старших лейтенантов И.В. Жернового, В.А. Ботылева и

И.М. Ежеля. Всего в первую ночь десантировалось 870 бойцов и командиров, которые прочно закрепились на плацдарме шириной около 3 км по береговой черте и до 2,5 км в глубину.

Противник, подтянув свежие силы пехоты, артиллерии и танков, утром 5 февраля предпринял ожесточенные контратаки, пытаясь сбросить десант в море. Морские пехотинцы при поддержке береговой артиллерии, кораблей и авиации флота держались стойко.

Советское командование, оценив обстановку, перебросило на это вспомогательное направление основные силы войск, предназначавшиеся для действий у Южной Озерейки. В течение 6 — 8 февраля канонерские лодки «Красный Аджаристан», «Красная Грузия» и другие корабли и суда доставили в район Станички 255-ю и 83-ю Краснознаменные бригады морской пехоты, 165-ю отдельную стрелковую бригаду, отдельный авиадесантный полк и 29-й истребительно-противотанковый полк. В последующем на плацдарм, получивший название «Малая земля», были переброшены еще четыре стрелковые бригады, управление 16-го стрелкового корпуса 18-й армии и пять партизанских отрядов, которыми командовал секретарь Новороссийского горкома партии П.И. Васев. Десантники, расширив плацдарм до 30 кв. км, заняли 14 кварталов Новороссийска, населенные пункты Алексино, совхоз «Мысхако» и перерезали шоссейную дорогу Новороссийск — Глебовка. Но сопротивление немецко-румынских частей не ослабевало.

Германское командование спешно подтянуло к новороссийскому участку фронта четыре немецких и одну румынскую дивизии, а также крупные силы авиации. Ценой огромных усилий ему удалось остановить продвижение десантных войск, которые так и не смогли тогда освободить Новороссийск. Но созданный плацдарм, оттягивавший на себя большие силы противника, позволил это сделать

позднее, в сентябре 1943 года. Начавшись 15 февраля, легендарная эпопея Малой Земли длилась семь месяцев.

Высадка группы моряков-парашютистов в самом начале этой эпопеи была, разумеется, всего лишь небольшим эпизодом на фоне столь грандиозного события. Но вряд ли это мог кто-либо предполагать 14 февраля, когда самолеты с десантом на борту раньше других высадочных средств появились в районе нанесения главного удара операции...

Но сначала была усиленная подготовка. Личный состав ПДР пополнили новыми добровольцами, с которыми делились своим боевым опытом ветераны, совсем недавно вернувшиеся из-за линии фронта после выполнения весьма опасного боевого задания. К новой операции готовились с энтузиазмом. Особое внимание уделялось вопросам отработки взаимодействия парашютистов с частями морского десанта. Совершались регулярные прыжки с парашютом днем и ночью в полной экипировке и с оружием. Предполагалось в максимальной степени использовать фактор внезапности, в отличие от предыдущей операции. Для этого совершенствовались навыки быстрой посадки десанта в самолеты, экипажи которых тренировались в умении максимально быстро готовить свои воздушные корабли к вылету, а также отработывали взлет и сбор в воздухе в кратчайшие сроки.

Помимо упражнений, связанных со спецификой предстоящей операции, не прерывались занятия по уже ставшей привычной программе подготовки бойца-парашютиста: сбор группы после приземления; рукопашный бой; метание гранат; стрельба из всех положений; снятие часовых; подрывное дело; ориентирование на незнакомой местности; связь и координация действий в сложных условиях. Не прекращались, разумеется, и политзанятия, на которых разбирались самые разные вопросы, включая итоги проведенных боев, совершенные ошибки, а также имевшие место недочеты.

2 февраля 1943 года командир ПДР майор М.А. Орлов доложил вышестоящему руководству о готовности моряков-парашютистов к выполнению боевого задания.

В соответствии с замыслом операции отобранной из них группе в количестве 80 человек предстояло высадиться с трех самолетов ПС-84 и одного ТБ-3 ночью 4 февраля за 45 минут до высадки сил основного десанта морской пехоты в районе Южной Озерейки, которая должна была начаться в 3 часа 35 минут. Парашютистам была поставлена задача обеспечивать продвижение морского десанта от Южной Озерейки к Глебовке и Васильевке путем уничтожения штабов частей противника, прикрывавших данный сектор, а также нарушения связи, разрушения мостов и блокирования иных коммуникаций.

К сожалению, события в ночь высадки развивались не совсем так, как предполагалось.

Непосредственно перед самой выброской парашютистов на район их приземления возле Глебовки и Васильевки двумя бомбардировщиками СБ были сброшены более 300 малых зажигательных бомб и четыре ЗАБ-100. Возникшие сильные пожары служили световым ориентиром для высаживавшегося десанта, чьи самолеты появились над целью через три минуты после СБ. Отсутствие огневого противодействия со стороны противника позволило быстро и четко провести выброску трех групп из четырех, так как экипаж ТБ-3 отстал и не смог выйти на цель самостоятельно, чтобы произвести десантирование. Таким образом, вместо 80 человек в тыл противника было сброшено 57 моряков-парашютистов. Но неудачи продолжали преследовать десант. Не рассчитав времени задержки раскрытия купола, разбился командир одной из групп совсем недавно произведенный в лейтенанты П.М. Соловьев, который возглавлял бойцов во время высадки в Майкопе.

Несмотря на то что выброска парашютистов оказалась полной неожиданностью для противника, бойцы

ПДР вскоре столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Им пришлось вести бои в течение нескольких часов в расположении 10-й румынской пехотной дивизии. Дело осложнялось тем, что во время выброски десантники оказались рассеяны и вынуждены были сражаться мелкими группами. Несмотря на это, в районе села Васильевка им удалось подавить сопротивление противника, уничтожив несколько огневых точек и нарушить связь. Потери неприятеля оценивались примерно в сотню солдат и офицеров. После этого успеха моряки-парашютисты атаковали вражеские позиции в селе Глебовка, где им удалось уничтожить одну артиллерийскую батарею со всем личным составом. Но удерживать в своих руках эти позиции десантники уже не могли и стали прорываться в сторону моря на соединение с высадившимися частями морской пехоты.

Тем временем для уничтожения группы в районе Васильевки противник подтягивал пехоту, артиллерию и бронетехнику. Начавшиеся утром атаки блокированных моряков-парашютистов показали, что возможности удержаться до подхода основных сил со стороны моря у них нет. Командир группы лейтенант И.А. Кузьмин принимает решение прорываться в сторону Глебовки, что и удается сделать оставшимся в живых десанникам. Так как и в этом районе не оказалось советских войск, группа стала прорываться к своим на восток, ориентируясь на звуки боя, шедшего в том направлении...

Как известно, морской десант в районе Южной Озерейки был полностью разгромлен, и все надежды на успех операции советское командование стало связывать с закрепившимся на берегу в районе Станички вспомогательным десантом. Позднее этот плацдарм получил название «Малая Земля»...

Каковы же оказались итоги действий парашютно-десантной группы, высаженной в районе Глебовки и Васильевки?

По оценкам самих десантников, в результате проведенных ими боев в тылу противника были уничтожены более 200 неприятельских солдат и офицеров, одна артиллерийская батарея, 5 пулеметных точек и 3 автомашины. После этого части десанта удалось пробиться к берегу, откуда 10 февраля бойцы были сняты катером и доставлены в Геленджик. Остальные выходили из окружения небольшими группами разрозненно. К 12 марта из 57 высаженных моряков парашютно-десантной роты вернуться к своим смогли лишь 28 человек.

Вряд ли можно говорить об успехе парашютного десанта в районе Васильевки и Глебовки, если оценивать его только по общим результатам. Необходимо учитывать то обстоятельство, что результативность действий ПДР была непосредственно связана с результативностью основных сил морского десанта, который так и не смог не только выйти к рубежам, удерживаемым парашютистами, как это было запланировано, но и удержаться на захваченном прибрежном плацдарме. В свою очередь, воздушный десант также не смог самостоятельно установить связь с морской пехотой или прорваться к месту ее высадки.

Тем не менее, несмотря на весьма неоднозначно оцениваемые результаты применения ПДР в ходе десантной операции под Новороссийском, командование ВВС ЧФ продолжило эксперименты с этим спецподразделением. Более того, в мае 1943 года принимается решение о развертывании на его основе парашютно-десантного батальона ВВС ЧФ из четырех рот. Было произведено укомплектование этой части личным составом, который стал усиленно готовиться к следующим воздушным десантам. Новым командиром вместо майора М.А. Орлова стал майор Н.Д. Алексеенко.

Но моряки-парашютисты не могли и предположить, что им больше не придется десантироваться в тылу противника с воздуха.

По мнению советского командования, осенью 1943 года сложилась благоприятная обстановка для полной ликвидации немецкой группировки на территории Крымского полуострова. К этому времени войска Северо-Кавказского фронта полностью очистили от противника Таманский полуостров. Войска 4-го Украинского фронта 23 октября освободили Мелитополь, 31 октября вышли к Сивашу, а 1 ноября овладели сильно укрепленными позициями неприятеля у Турецкого вала на Перекопском перешейке. Немецко-румынские войска в Крыму оказались полностью изолированными с суши.

В Ставке Верховного Главнокомандования было принято решение нанести удары по крымской группировке противника с севера и востока силами 4-го Украинского и Северо-Кавказского фронтов. При этом части Северо-Кавказского фронта должны были форсировать Керченский пролив. Высадку десанта на Керченский полуостров предполагалось произвести в двух районах — севернее и южнее Керчи.

13 октября командующий Северо-Кавказским фронтом генерал армии И.Е. Петров и командующий Черноморским флотом вице-адмирал Л.А. Владимирский представили в Генеральный штаб план Керченско-Эльтигенской десантной операции, который Ставкой был утвержден. Замысел операции предусматривал одновременную высадку Азовской военной флотилией трех дивизий 56-й армии на главном направлении в районе Еникале и Черноморским флотом одной дивизии 18-й армии на вспомогательном направлении — в районе Эльтигена.

После высадки десантные войска должны были нанести удары по сходящимся направлениям северо-восточнее Керчи и Эльтигена, овладеть городом и портом Керчь и портом Камыш-Бурун. В дальнейшем намечалось наступление обеих армий на запад для освобождения Керченского полуострова, а затем совместно с войсками 4-го Украинского фронта и всего Крыма.

Подготовка десантной операции велась интенсивно и всесторонне. Нельзя было не учитывать, что противник уделял большое внимание укреплению обороны Керченского полуострова. Здесь оборонялись 5-й армейский корпус 17-й немецкой армии, усиленный артиллерией, танками и поддерживаемый авиацией, и до десяти отдельных частей и команд (всего 85 тысяч солдат и офицеров). При необходимости германское командование могло бросить в бой две дивизии 1-го румынского горного корпуса, находившегося на южном побережье полуострова.

Керченский пролив и подходы к нему были заминированы. Кроме укреплений на побережье, противник строил три рубежа обороны общей глубиной до 80 км. В портах Керчь, Камыш-Бурун и Феодосия базировались около 30 быстроходных десантных барж, 37 торпедных и 25 сторожевых катеров, 6 тральщиков.

Учитывая все это, советское командование к участию в десантной операции привлекало довольно крупные силы: около 130 тысяч солдат и офицеров, свыше 2 тысяч орудий и минометов, 125 танков, более 1 тысячи самолетов, 119 боевых кораблей и 159 десантных судов.

Общее руководство десантной операцией осуществлял командующий Северо-Кавказским фронтом генерал армии И.Е. Петров, его помощником по морской части был командующий Черноморским флотом вице-адмирал Л.А. Владимирский. Силы высадки возглавляли: на главном направлении — командующий Азовской флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков, на вспомогательном — командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Г.Н. Холостяков.

В период подготовки к десантной операции разведывательными самолетами, торпедными и сторожевыми катерами были уточнены данные об огневых средствах и инженерных препятствиях противодесантной обороны противника. Проводились учения и тренировки по посадке войск на суда и высадке их на необорудованный

берег. В сложных в навигационном отношении районах Керченского пролива были выставлены дополнительные огни и знаки.

В пунктах посадки десанта сосредоточивались необходимые запасы топлива и различного имущества, ремонтировались причалы. Был произведен ремонт катеров и судов.

Начало десантной операции намечалось одновременно во всех пунктах на 28 октября, но из-за штормовой погоды высадка десанта была перенесена в районе Эльтигена на 31 октября, а на главном направлении — на 3 ноября.

Посадка на корабли проводилась в сложных штормовых условиях и в некоторых отрядах закончилась с запозданием.

Когда головные катера приблизились к назначенным пунктам высадки примерно на 15 — 20 кабельтовых, открыла мощный огонь артиллерия поддержки с Таманского полуострова. Высадка десанта в районе Эльтигена началась в 4 часа 50 минут без противодействия противника. Лишь в 5 часов 20 минут немцы осветили пролив прожекторами и открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Несмотря на это, десантники продолжали стремительно высаживаться на берег, иногда добираясь к нему вплавь в ледяной воде.

В ночь на 1 ноября, несмотря на штормовую погоду, успешно высадились на Крымский берег моряки 386-го батальона морской пехоты. Было высажено также около трех тысяч человек 318-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник В.Ф. Гладков. К исходу 1 ноября десантные войска овладели плацдармом шириной до 5 км и глубиной до 2 км.

Однако из-за того, что десанты на главном и вспомогательном направлениях высаживались в разное время, противник получил возможность свободно маневрировать резервами. В связи с этим десант на Эльтиген ока-

зался в исключительно тяжелом положении. Уже с утра 1 ноября неприятель начал наращивать мощь своих контратак. Доставка подкреплений десанту днем исключалась, так как пролив находился в зоне обстрела вражеской артиллерии и под ударами авиации. Лишь в ночь на 2 ноября удалось перебросить на плацдарм еще около 3300 человек.

Всего к исходу 3 ноября в район Эльтигена было доставлено 9418 человек, 39 орудий, 28 минометов, 257,2 тонны боеприпасов и 61,8 тонны продовольствия. Кроме того, авиация Черноморского флота и 4-я воздушная армия перебросили на плацдарм свыше 350 тонн различных грузов.

Немецкое командование стянуло к эльтигенскому плацдарму почти все свои резервы. Это поставило десант в тяжелое положение, но, с другой стороны, облегчило высадку частей 56-й армии на главном направлении, севернее Керчи, которая началась в ночь на 3 ноября. Планировалось высадить два десанта: первый — в районе Глейки, Жуковка (командир высадки — капитан 3-го ранга П.И. Державин), второй — в районе Опасная, Рыбный промысел (Еникале) (командир высадки — капитан 2-го ранга Н.К. Кириллов). Высадочные средства были сведены в пять отрядов; первым командовал старший лейтенант И.С. Соляников, вторым — старший лейтенант Д.Р. Микаберидзе, третьим — старший лейтенант И.Г. Черняк, четвертым — капитан-лейтенант П.Н. Сорокин, пятым — старший лейтенант А.Е. Тугов. Были созданы четыре штурмовые группы бронекатеров под командованием капитан-лейтенанта С.И. Барботько. В группу обеспечения входили звено торпедных катеров (командир — капитан-лейтенант А.И. Градусов), минометные катера «МК-56» и «МК-62».

В 22 часа 2 ноября началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка в районе Глейки, Жуковка, после которой к берегу направились бронекатера со

штурмовыми группами морских пехотинцев, корабли и суда всех пяти отрядов с десантными войсками. За три часа они высадили доставленные из Темрюка 2274 десантника с девятью орудиями из 2-й гвардейской Таманской дивизии и 369-го батальона морской пехоты, затем первый, третий и пятый отряды перебросили сюда же из района кордона Ильич оставшиеся части 2-й гвардейской Таманской дивизии. К 5 часам утра 3 ноября на плацдарме в районе Глейки, Жуковка сражалось уже более 4 тысяч бойцов и командиров.

В районе Опасная, Рыбный промысел после артиллерийской и авиационной подготовки, начавшейся в 3 часа 25 минут, бронекатера со штурмовыми группами морских пехотинцев, корабли и суда второго и четвертого отрядов начали высадку десанта из числа войск 55-й гвардейской дивизии, доставленных с косы Чушка. К 4 часам 35 минутам высадка первого эшелона десанта (1900 человек) была закончена. Корабли и суда возвратились на причалы косы Чушка и, приняв там оставшиеся войска 55-й гвардейской дивизии, к 7 часам 30 минутам доставили их на плацдарм. Общее количество высаженных войск в район Опасная, Рыбный промысел также превысило 4 тысячи человек.

Отсутствие у противника значительных резервов и отвлечение его сил в район Эльтигена позволяло наращивать десантные силы 56-й армии и в дневных условиях. К 16 часам 3 ноября корабли и суда флотилии под прикрытием дымовых завес дополнительно переправили на занятые плацдармы 4440 человек, 45 орудий, минометы и боеприпасы. К исходу 11 ноября десант захватил оперативный плацдарм на участке от Азовского моря до предместья Керчи. К тому времени здесь уже насчитывалось 27 700 человек.

Немецкое командование спешно перебрасывало в район Керчи свои резервы. Атаки на силы десанта следовали одна за другой. Но высадившиеся войска прочно

удерживали занятые рубежи. Силы Черноморского флота и Азовской флотилии срывали все попытки кораблей противника воспрепятствовать десантным перевозкам через Керченский пролив. В проливе постоянно завязывались ожесточенные схватки между силами «москитного флота» противоборствующих сторон..

Между тем положение десанта в районе Эльтигена становилось все более тяжелым. За 26 суток катерам лишь 16 раз удалось прорваться к плацдарму. Перевозки на самолетах также были ограниченными. Десант испытывал острый недостаток в боеприпасах и продовольствии, не мог эвакуировать раненых. 6 декабря при поддержке танков и авиации противнику удалось вклиниться в оборону десантников. Это еще более ухудшило их положение. Поэтому последовал приказ командования фронта оставить занятый плацдарм и пробиваться в район Керчи. 386-й батальон морской пехоты и на этот раз выполнял роль штурмового отряда. В ночь на 7 декабря он первым пошел в атаку. Прорвав кольцо окружения, морские пехотинцы устремились в северном направлении. За ними из района Эльтигена прорывались армейские части, но уйти удалось далеко не всем.

Прорвавшаяся из окружения группа десантников численностью свыше 1500 человек захватила на окраинах Керчи вражеские склады, а затем закрепилась на высотах у горы Митридат. Три дня они отбивали атаки противника, на четвертый на помощь им были переброшены на катерах два батальона 83-й отдельной бригады морской пехоты. Но и немецкое командование стянуло к району горы Митридат дополнительные силы. Десантники были оттеснены к берегу, и их пришлось эвакуировать. 10 — 11 декабря корабли Азовской военной флотилии прорвались к Керчи и, взяв на борт остатки Эльтигенского десанта общей численностью 2090 человек, эвакуировали их на косу Чушка.

Так закончилась полуторамесячная эпопея морского десанта в районе Эльтигена и горы Митридат.

Керченско-Эльтигенская операция была одной из крупнейших десантных операций Великой Отечественной войны. Она осуществлялась войсками целого фронта с участием сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии. При ее проведении особенно значительной была роль авиации как средства непосредственной поддержки десанта в бою за высадку. За период операции авиация Черноморского флота и 4-й воздушной армии совершила 4411 самолетовылетов и нанесла 17 групповых бомбардировочных ударов. Однако Северо-Кавказскому фронту в 1943 году не удалось полностью освободить Керченский полуостров.

Но командующий Отдельной Приморской армией не желал мириться с этой неудачей и принял решение в январе 1944 года прорвать оборону противника с помощью десантов, высаженных на мыс Тархан и в Керченский порт.

Основной состав сил высадки в районе мыса Тархан (общей численностью около 3000 человек) включал в себя 166-й гвардейский стрелковый полк 55-й гвардейской дивизии под командованием Героя Советского Союза подполковника Г.К. Главацкого (являвшегося и командиром всего десанта), а также 143-й отдельный батальон морской пехоты под командованием капитана Левченко. Вспомогательные силы (всего около 700 человек) состояли из парашютно-десантного батальона ВВС Черноморского флота под командованием майора Н.Д. Алексеенко и 613-й штрафной роты Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта Ф.А. Аверченко. Операция была подготовлена спустя месяц после неудачи аналогичной высадки морского десанта на черноморском побережье в районе горы Митридат, закончившейся полным провалом. Возможно, по этой причине события в районе мыса Тархан привлекли к себе особое внимание

Ставки Верховного Главнокомандования, чей представитель маршал К.Е. Ворошилов непосредственно наблюдал за высадкой и последовавшей затем двухдневной эпопеей с наблюдательного пункта западнее местечка Юркино. Кроме него, все это время на НП находились также командующий Черноморским флотом вице-адмирал Л.А. Владимирский и сам командующий Отдельной Приморской армией генерал И.Е. Петров.

Для проведения десантной операции моряками Азовской флотилии были подготовлены все имевшиеся в их распоряжении исправные плавсредства: до сорока тендеров и мотоботов, несколько сторожевиков и бронекатеров, баркасы и другие малые суда.

В декабре 1943 года личный состав ПДБ ВВС ЧФ был переброшен в Темрюк, где приступил к изучению и отработке методики высадки морского десанта на побережье, занятое частями противника. Особое внимание при этом обращалось на обобщение опыта уже проведенных десантных операций в этом регионе, а также на морально-психологическую подготовку к наступательным действиям в условиях сильного огневого противодействия со стороны неприятеля. Регулярно проводились тренировки по погрузке личного состава на различные плавсредства и высадке его на берег в дневное или ночное время, в различных метеоусловиях. Особое внимание уделялось распределению в подразделениях представителей партийно-комсомольского актива, которые, по всей видимости, должны были усилить боевую устойчивость соединения, имевшего в своем составе не так уж много ветеранов и бойцов, обладавших боевым опытом.

Первоначально назначенная на 31 декабря, высадка была перенесена на 10 дней из-за погодных условий.

Ночью 10 января 1944 года к северному побережью Керченского полуострова в районе мыса Тархан направились десантные корабли, на борту которых находились бойцы парашютно-десантного батальона ВВС ЧФ и 613-й

штрафной роты Черноморского флота. Из-за штормовой погоды в Азовском море переход кораблей десанта затянулся до рассвета. Катера заливало водой, и перегруженные корабли становились на большой волне почти неуправляемыми. Не выдерживали и лопались буксирные тросы. Из заливаемых волнами мотоботов непрерывно откачивали воду. Подойти вплотную к берегу удалось далеко не всем, и десантникам пришлось высаживаться прямо в воду, неся оружие и снаряжение на вытянутых руках. Противник их встретил весьма развитой и эшелонированной системой огневых точек и укреплений. Моряки подверглись интенсивному огневому воздействию и стали нести очень большие потери. Из 700 человек вспомогательного десанта удалось высадить только 374, а из 3000 основного — лишь 1765.

Тем не менее попытки прорвать немецкую оборону не прекращались, несмотря на то что личный состав десанта вступил в бой сразу же после длительного перехода морем и не имел собственной артиллерии. Корабли охранения эффективной огневой поддержки оказать не смогли. Авиация 4-й воздушной армии прикрыть район высадки так и не смогла, в отличие от немецких ВВС, которые почти непрерывно бомбили атакующие советские части. Огонь батарей сухопутных сил с закрытых позиций был малоэффективен против множества небольших и хорошо замаскированных огневых точек противника.

Ситуация осложнялась еще и тем, что десантники стремились прорваться к высоте 71,3, на которой смогли ранее закрепиться части 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Для этого им было необходимо захватить высоту 164,5, господствовавшую над районом высадки и основательно укрепленную противником. Морякам-парашютистам и штрафникам приходилось буквально карабкаться, взбираясь с морского пляжа на крутые склоны под перекрестным пулеметным огнем. Бои продолжались двое суток и позиции не раз переходили из рук в руки. У десант-

ников стали заканчиваться боеприпасы и продовольствие, а пополнить их не удавалось...

К этому времени в районе высоты 115,5 уже вели бой основные силы высадки в составе 166-го гвардейского стрелкового полка майора Г.К. Главацкого. Еще в момент десантирования они понесли потери, так как противнику удалось уничтожить семь мотоботов. Были уничтожены штабы батальонов и полка со средствами связи и корректировки артогня. Потери были и среди высшего состава десанта. Погибли командир высадки капитан 2-го ранга Н.К. Кириллов, начальник штаба парашютно-десантного батальона капитан Г.И. Марущак и штурман лейтенант Б.П. Бувин.

Но противник не собирался отступать и непрерывно контратаковал днем и ночью с использованием всех имевшихся у него средств, включая бронетехнику и авиацию. Ему удалось расчленил силы десанта. Возникла реальная опасность уничтожения высадившихся сил, и командующий Отдельной Приморской армией отдал приказ об их прорыве и соединении с частями 11-го гвардейского стрелкового корпуса. Совместными усилиями это удалось сделать в районе высоты 164,5, но прорвать Булганакский укрепленный район, к которому относились немецкие позиции на этой высоте, так и не удалось. Советское командование было вынуждено перейти к совершенно иному варианту наступательной операции — обходу укрепрайона с юга частями 16-го стрелкового корпуса генерал-полковника К.И. Провалова. Необходимо отметить, что позиции в районе высоты 164,5 немцам удалось удержать до самой весны...

Точные цифры потерь в десантной операции у мыса Тархан так нигде и не были опубликованы. По самым оптимистическим оценкам, они составили не менее 40% общей численности высадившихся сил. Вскоре после этих событий генерал И.Е. Петров был отстранен от командо-

вания Отдельной Приморской армией, а на его место был назначен генерал А.И. Еременко.

Хотелось бы отметить, что все четыре десантные операции, проведенные моряками-парашютистами Черноморского флота за время существования этого уникального спецподразделения, были непосредственно связаны с деятельностью генерала И.Е. Петрова. Именно он руководил обороной Одессы, где был высажен самый первый парашютный десант моряков, целью которого являлось обеспечение морской высадки, предназначенной для оказания помощи войскам, находившимся под командованием этого человека. Подобная ситуация имела место также во время боев под Новороссийском в феврале 1943 года и в районе Керчи в январе 1944-го. Только десант в Майкопе был проведен по инициативе ВВС ЧФ, но общее командование Черноморской группой войск на тот момент осуществлял опять же генерал Петров.

Очевидно, история создания и боевого применения парашютно-десантного подразделения Черноморского флота вполне может служить в качестве одного из примеров организации взаимодействия между сухопутными и морскими силами СССР в ходе Великой Отечественной войны. Вопрос заключается в том, насколько типичным следовало бы считать этот пример. Для того чтобы на него ответить, следовало бы рассмотреть схожий пример подобного взаимодействия. В качестве такого примера очень подходит история создания и боевого применения парашютно-десантных подразделений на Балтийском флоте СССР.

Согласно архивным документам приказ о формировании «парашютно-десантного отряда» в составе Краснознаменного Балтийского флота был отдан 23 апреля 1942 года за подписями заместителя начальника штаба КБФ контр-адмирала Петровского и военкома штаба КБФ бригадного комиссара Молодцова. В приказе, в частности, указывалось, что создаваемое спецподразделение флота должно

быть укомплектовано «добровольцами из кадрового состава частей и кораблей КБФ» к 1 мая 1942 года, а «боевое сколачивание и подготовка» личного состава к выполнению операций должны быть закончены к 25 мая 1942 года¹. По сравнению со своими черноморскими коллегами балтийские моряки решили приступить к созданию аналогичного подразделения с большим размахом и энергией. В отличие от создаваемой примерно в это же время единственной парашютно-десантной роты ВВС ЧФ, Балтийский флот намеревался получить через месяц не одну, а целых две роты аналогичного назначения! Это тем более удивительно, если учесть, что балтийцы приняли такое решение после успеха парашютного десанта под Одессой 22 сентября 1941 года, т.е. тогда, когда на Черноморском флоте уже проводили опыты с моряками-парашютистами.

Но для такой поспешности можно найти некоторое обоснование. Дело в том, что к моменту принятия решения о создании парашютно-десантного подразделения в распоряжении командования имелся так называемый «отряд моряков-автоматчиков» под командованием капитана С.П. Маслова, который нес гарнизонную службу в Кронштадте. Личный состав этого подразделения в основном состоял из «отряда добровольцев», прибывших с полуострова Ханко, где они отличились в боях за эту военно-морскую базу и расположенные в ее окрестностях острова. Было решено создать на основе имеющего в своем составе опытных бойцов подразделения две парашютно-десантные роты со штатом в 128 человек каждая.

В соответствии с приказом о создании парашютного подразделения, 30 апреля 1942 года начальником ПДС ВВС КБФ майором Патраковым и начальником штаба ВВС КБФ полковником Игнатьевым руководству была представлена «Программа ускоренной подготовки парашютно-десантной роты Военно-Воздушных сил

¹ ЦВМА. Ф. 9. Д. 8527. Л. 30–31.

Краснознаменного Балтийского флота», рассчитанная на 50 учебных часов. После множества согласований и расчетов срок обучения увеличился до 150 часов, а задачи обучения были конкретизированы. В частности, в распоряжении начальнику штаба ВВС КБФ от 5 мая 1942 года было указано: «...Боевую подготовку вновь формируемых парашютных рот целеустремите: 1. На действия в составе 2 рот вместе и отдельно в составе роты, взвода, отделения с умелым сочетанием действий каждого отдельного бойца. 2. В наземной подготовке действия бойца довести до автоматизма в одевании и снятии парашюта. 3. На отличное изучение материальной части парашюта ПД-41.

Главным во всей подготовке должна быть наземная подготовка.

Задача парашютных рот: 1. Действия в тылу врага при захватах западных ВМБаз. 2. Действия по захвату части побережья с целью подготовки плацдарма для высадки морского десанта. 3. Захват островов самостоятельно и во взаимодействии с морскими десантами...»¹

О готовности парашютно-десантных рот к выполнению боевых заданий было доложено командованию КБФ только 10 сентября 1942 года, а 10 октября эти подразделения были переданы в распоряжение разведотдела штаба КБФ. Успеть за месяц сделать то, на что черноморцы потратили пять месяцев, оказалось не под силу даже бравым балтийцам. Но ирония судьбы заключается в том, что все их усилия оказались совершенно напрасными. Им еще долго придется нести гарнизонную службу, тренироваться, участвовать в дозорах и боевом охранении на льду Финского залива, иногда ходить ночью в тыл противника «за языком» или просто «навести шум». Доводилось даже помогать местным жителям в уборке урожая на полях, так как в деревнях практически не осталось мужчин... Единственная десантная операция, в которой приняли участие роты моряков-парашютистов КБФ, была

¹ ЦВМА. Ф. 46. Д. 7981. Л. 15.

проведена только почти через полтора года, и высадка производилась не с самолетов, а с катеров... Речь идет о морском десанте на побережье Нарвского залива в районе деревушки Мерекюла 14 февраля 1944 года, т.е. примерно месяцем позже десантирования ПДБ ВВС ЧФ на северном побережье Керченского полуострова.

Прежде чем перейти к рассмотрению хода и результатов единственной десантной операции моряков-парашютистов на Балтике, представляется целесообразным вкратце описать сложившуюся на тот момент оперативную обстановку на данном участке советско-германского фронта.

К началу 1944 года в районе Ленинграда имело место следующее соотношение сил. Уже более двух лет здесь велись позиционные бои, в ходе которых обе стороны решали свои тактические задачи, так как основные стратегические ресурсы направлялись на другие участки огромного фронта.

От Ленинграда до Новгорода немецкое командование создало глубоко эшелонированную оборонительную систему — так называемый «Северный вал». Группе армий «Север» была поставлена задача позиционной борьбы по обеспечению фланговой безопасности всего северного крыла Восточного фронта. Но едва ли не большее значение придавалось прикрытию подступов к Прибалтике с ее военно-морскими базами, обеспечению морских сообщений со Швецией и Финляндией, а также сохранению Финляндии как союзника в войне. На 18-ю армию германское командование возложило выполнение частной задачи своего плана стабилизации Восточного фронта — продолжать осаду Ленинграда, систематический обстрел города и кораблей Балтийского флота.

Противостоявший этой армии Ленинградский фронт (командующий — генерал армии Л.А. Говоров, член Военного совета — генерал-лейтенант А.А. Жданов), обороняя частями 23-й армии позиции на Карельском перешейке, главными силами в составе 2-й ударной, 42-й и

67-й армией занимал рубеж от Финского залива до населенного пункта Гонтовая Липка, южнее Синявино. Приморская группа его войск при поддержке морской артиллерии Кронштадта, фортов Красная Горка, Серая Лошадь и кораблей продолжала удерживать во вражеском тылу небольшой плацдарм под Ораниенбаумом.

Позиции от Гонтовой Липки и далее на юг до озера Ильмень занимали войска Волховского фронта (командующий — генерал армии К.А. Мерецков, член Военного совета — генерал-лейтенант Т.Ф. Штыков).

Краснознаменный Балтийский флот по-прежнему удерживал в Финском заливе острова Лавенсаари, Пенисаари и Сескар, но уже начал разрабатывать планы выхода на оперативный простор, за пределы Маркизовой лужи. Но основной задачей его кораблей, сосредоточенных на базах в Ленинграде и Кронштадте, пока по-прежнему оставалась артиллерийская поддержка действий приморского фланга войск Ленинградского фронта.

Господство в воздухе под Ленинградом было на стороне советской авиации. Она состояла здесь из 13-й воздушной армии, 2-го гвардейского Ленинградского истребительного авиационного корпуса (всего 461 самолет) и военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота (192 самолета). В составе Волховского фронта действовала 14-я воздушная армия (257 самолетов). Кроме того, для поддержки войск Ленинградского фронта Ставка Верховного Главнокомандования выделила 330 самолетов авиации дальнего действия.

Таким образом, к началу 1944 года под Ленинградом сложилась обстановка, благоприятствовавшая наступлению Ленинградского и Волховского фронтов. Они имели превосходство в силах и занимали выгодное оперативное положение, нависая со стороны ораниенбаумского плацдарма над левым крылом группы армий «Север» и полукольцом охватывая вражескую группировку под Ленинградом.

Вполне естественно, что советское командование стало подумывать о наступлении и на этом участке фронта. Цели разрабатывавшихся стратегических планов выглядели весьма впечатляюще: войска Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом и при содействии части сил 2-го Прибалтийского фронта, развернутого южнее Волховского, авиации дальнего действия и партизанских соединений должны были несколькими последовательными ударами разгромить фланги 18-й немецкой армии, отбросить противника от Ленинграда, освободить Новгород и, развивая наступление на Кингисеппском и Лужском направлениях, выйти на рубеж реки Луга. В дальнейшем планировалось нанести удар на Нарвском и Псковском направлениях, полностью вытеснить немцев из Ленинградской области и создать условия для последующих операций по освобождению Прибалтики и выводу из войны Финляндии.

Таким образом, наступательный порыв личного состава флота был исключительно высоким. Балтийцы рвались в бой, чтобы покончить наконец с изрядно затянувшейся позиционной борьбой и выйти на оперативный простор. Не последнюю роль в этом сыграла целенаправленная, хорошо организованная «партийно-политическая работа». В подготовительный период на корабли и в части были направлены опытные работники политического управления флота, которые оказали политическим отделам, партийным и комсомольским организациям помощь в планировании и проведении мероприятий по мобилизации воинов на успешное выполнение боевых заданий командования.

14 января 1944 года войска 2-й ударной армии при поддержке танков и морской авиации перешли в наступление в направлении Гостилицы — Ропша, чем положили начало общей наступательной операции на данном участке фронта.

Советские части, прорвав всю первую полосу оборо-

ны противника, 19 января штурмом овладели городом Красное Село и важным узлом дорог — Ропшей. На исходе дня советские ударные группировки соединились в районе Русско-Высоцкое, образовав общий фронт наступления. Клещи сомкнулись, и части вермахта, находившиеся в районе Петергоф — Стрельна, оказались отрезанными от своих главных сил.

В результате советского наступления по сходящимся направлениям 18-я немецкая армия понесла серьезные потери (только безвозвратные составили около 25 тысяч солдат и офицеров). Ей также не удалось сохранить владимирово-настоловскую группировку тяжелой артиллерии, обстреливавшую Ленинград (было утрачено 265 орудий, в основном крупного калибра).

Войска Волховского фронта утром 20 января овладели Новгородом. Таким образом, чтобы избежать фланговой угрозы, части 18-й армии были вынуждены маневрировать, отступая на всем фронте от Копорской губы до озера Ильмень. 67-я армия Ленинградского фронта, преодолев мощные оборонительные сооружения противника, овладела городом и важным железнодорожным узлом Мгой, который сами немцы называли «восточным замком» блокады Ленинграда.

24 января советские войска освободили города Пушкин и Слуцк, а в ночь на 26 января овладели мощным узлом сопротивления противника — городом Красногвардейск (Гатчина). С падением гатчинского узла сопротивления рухнул весь «Северный вал» германской обороны.

В честь полной ликвидации блокады Ленинграда 27 января в городе был дан салют доблестным войскам Ленинградского фронта и морякам Краснознаменного Балтийского флота 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

31 января части 2-й ударной армии форсировали реку Луга севернее и южнее Кингисеппа и 1 февраля овладели этим городом. Развивая успех, они форсировали также

реку Нарва, захватили два плацдарма на ее левом берегу в районе города Нарва и начали бои за расширение их. Подразделения 42-й армии 4 февраля вступили в город Гдов. 67-я армия развивала успех в южном направлении.

К 15 февраля войска Ленинградского фронта овладели оборонительной полосой противника на рубеже реки Луги и вышли на рубеж река Нарва, восточное побережье Чудского озера, озеро Черное, Струги Красные, Шимск, продвинувшись на Нарвском направлении на 50 — 120 км. Войска Волховского фронта за этот же период продвинулись правым крылом на Лужском направлении на 120 км, а левым — до 50 км.

Тем временем 2-я ударная армия все еще продолжала вести бои за расширение плацдарма на левом берегу реки Нарвы и овладение городом Нарва, продолжавшиеся уже две недели.

Вот именно в этот момент возник замысел попытаться прорвать немецкую линию обороны в районе Нарвы при помощи морского десанта, высаженного в самом уязвимом месте неприятельских позиций — в районе Мерекюла—Лаагна—Аувере. По данным разведки, побережье в районе высадки охранялось только единственным батальоном СС и не имело сильных укреплений. Это не могло не повлиять на принятие решения о применении морского десанта для обеспечения прорыва фронта противника частями 2-й ударной армии, с последующим окружением и уничтожением нарвской группировки немецких войск. От моряков требовалось только прорваться к станции Аувере, захватить ее и удерживать до подхода армейских подразделений с юго-востока. Расчет строился на том, что десантникам потребуется продержаться не более трех дней до подхода основных сил...

Необходимо отметить, что сами немцы рассматривали Нарву как своего рода «ворота в Прибалтику» и придавали ее удержанию очень большое значение. Удерживая эти «ворота» под своим контролем, вермахт имел возмож-

ность прикрывать подступы к Восточной Пруссии и развертывать действия военно-морских сил в Балтийском море. Немецкое командование прекрасно понимало, что потеря Прибалтики неизбежно приведет к перенесению военных действий на территорию Германии.

Весьма вероятно, что разработчики совместной операции армии и флота по окружению нарвской группировки немцев в феврале 1944 года разделяли точку зрения своих оппонентов. Во всяком случае, им нельзя отказать в смелости и ясности стратегического мышления. Таким образом, моряки-парашютисты снова оказались в эпицентре борьбы, успех в которой имел уже не только оперативно-тактические, но и стратегические перспективы (первый раз подобная ситуация имела место во время битвы за Кавказ в октябре 1942 года). На этот раз на Прибалтийском направлении.

Для оказания содействия наступлению войск 2-й ударной армии в ночь на 14 февраля 1944 года был высажен морской десант на побережье Нарвского залива, в районе населенного пункта Мерекюла, под общим руководством командира Островной военно-морской базы контр-адмирала Г.В. Жукова (командир высадки капитан 2-го ранга Г.М. Горбачев).

Помимо двух парашютно-десантных рот КБФ, объединенных в так называемый «батальон автоматчиков», в состав сил высадки входили части усиления из состава 260-й Отдельной бригады морской пехоты КБФ (стрелковая рота под командованием старшего лейтенанта Ф.П. Заволокина, взвод автоматчиков из 1-го батальона бригады, взвод разведки, взвод саперов, взвод стрелков ПТР, санитарная часть, связисты и еще ряд более мелких технических групп). Общее руководство на поле боя осуществлял командир парашютистов майор С.П. Маслов. Всего в его распоряжении оказалось 516 человек. Основным оружием бойцов являлся автомат, но имелось также три 50-мм миномета, двенадцать противотанковых ружей, два станко-

вых и двенадцать ручных пулеметов. Тяжелого вооружения не было, но каждый сапер подразделения имел при себе по 10 кг взрывчатки. Сухого пайка было выдано на двое суток, а боезапаса и гранат — на три дня боя.

Десантники были скрытно доставлены с острова Лавенсаари к побережью Нарвского залива специально сформированным отрядом высадки из четырех бронекатеров и восьми малых охотников. Его переход обеспечивали тральная группа из десяти катеров-тральщиков Островной военно-морской базы и отряд кораблей артиллерийской поддержки в составе канонерских лодок «Москва», «Волга», «Амгунь» и восьми тральщиков. Прикрытие десантно-высадочных сил с воздуха было возложено на 1-ю гвардейскую истребительную авиадивизию флота.

Переход кораблей в Нарвский залив осуществлялся в тяжелой ледовой обстановке. Катера-тральщики в связи с этим пришлось возвратит на базу. Катерам отряда высадки проходы во льду прокладывали канонерские лодки.

Первыми около 4 часов утра подошли к берегу бронированные малые охотники БМО-180, БМО-181, БМО-501, БМО-505, БМО-508, БМО-509, бронекатер БКА-102, морской бронекатер МБКА-562. Противник был застигнут врасплох, и первый бросок десанта не встретил противодействия. Но вскоре с берега по району высадки был открыт плотный автоматнo-пулеметный, а затем и артиллерийско-минометный огонь. Довольно быстро основные средства связи десантников были выведены из строя.

Высаженный десант действовал тремя группами, пробиваясь к железнодорожной станции Аувере на соединение с наступавшими войсками 2-й ударной армии. Моряки-парашютисты и морские пехотинцы, вооруженные стрелковым оружием и гранатами, сражались самоотверженно и смогли захватить станцию, разгромив по пути штаб 14-й (латышской) механизированной дивизии СС. Более ста часов они вели непрерывные ожесточенные

бои в тылу врага, истребив до полутора тысяч солдат противника и около двух десятков танков, но неприятель атаковал почти без перерыва, используя все имевшиеся у него средства. Авиация и бронетехника немцев буквально «вбивали в землю» моряков непрерывными атаками и бомбежками. Десантники так и не дождались подхода армейских частей к занимаемой ими позиции и в длительном неравном бою против превосходящих сил неприятеля почти все погибли. Вместо предусмотренных планом операции трех дней они удерживали позиции почти пятью сутками. В ночь на 20 февраля лишь отдельные бойцы смогли пробиться в расположение 2-й ударной армии.

Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л.А. Говоров так оценил действия группы Маслова: «Высаженный в районе деревни Мерекюла десант выполнил свою задачу тем, что отвлек значительные силы врага от обороны западного берега реки Нарвы и тем самым значительно облегчил выполнение боевой задачи дивизиям Ленинградского фронта по захвату и расширению плацдарма»¹.

Действительно, к концу февраля частям 2-й ударной армии удалось расширить плацдарм на левом берегу реки Нарва до 35 км по фронту и до 15 км в глубину, отразив все попытки немцев вернуть утраченные позиции. Но выбить из рук противника ключи от «ворот в Прибалтику», т.е. взять город Нарва, советским войскам удалось только 26 июля 1944 года.

Геройская гибель солдат всегда удобна для тех, кто планирует военные операции. В случае успеха она подчеркивает значимость достигнутого, а в случае неудачи оттесняет на второй план просчеты и некомпетентность военачальника...

Если попробовать обобщить изложенную в данной

¹ Цит. по: *Гринкевич В. И.* Разве можно забыть Мерекюла? — М., 1979. — С. 63.

статье историю парашютно-десантных подразделений советского флота, то можно сделать следующие выводы.

Создание спецподразделений моряков-парашютистов следует рассматривать скорее как импровизацию отдельных военных руководителей, а не общую тенденцию развития форм и методов вооруженной борьбы, характерную для советского флота. Как обстоятельства формирования, так и характер боевого применения свидетельствуют о том, что флотское руководство видело в парашютных подразделениях нечто вроде разновидности морской пехоты, предназначенной главным образом для вспомогательных действий по обеспечению боевого успеха обычных пехотных частей в прибрежной зоне. Как форму борьбы, обладающую уникальными возможностями, воздушный десант рассматривался лишь один раз — во время Майкопской операции, которую вполне можно считать наиболее успешной из всех проведенных моряками-парашютистами. Во всех остальных случаях командование флота не придавало особого значения их боевой специализации. Более того, когда возник вопрос о способе комплектования подобных частей, то решено было не создавать подразделений с постоянной штатной численностью, а оставить лишь кадр наиболее опытных бойцов и командиров, который бы пополнялся необходимым для решения конкретной задачи количеством людей непосредственно в ходе подготовки к операциям и лишь на время их проведения. Неслучайным представляется тот факт, что приказ о расформировании такого кадра на Черноморском флоте был издан 19 июня 1944 года, т.е. вскоре после ликвидации немецкой группировки в Крыму. Вероятно, командование флота решило, что парашютные подразделения ему уже больше не понадобятся, так как отпала необходимость в поддержке сухопутных сил при помощи спецчастей моряков... Возможно, армейское руководство уже не так остро нуждалось в поддержке флота... Но впереди еще предстояли бои на Балканах и

в Южной Европе... Во всяком случае, на Дальнем Востоке моряки-парашютисты оказались бы весьма кстати в борьбе с японцами... Все равно пришлось высаживать множество воздушных десантов в приморской зоне, но это были парашютисты самого различного подчинения, но только не флотского.

Как бы то ни было, но за свой короткий период существования парашютные подразделения советского флота продемонстрировали, что воздушные десанты вполне могут быть высокоэффективным средством борьбы не только в интересах сухопутных войск, но и в интересах военноморских сил. При тактически и технически грамотном его применении, разумеется.

В заключение хотелось бы провести одну любопытную параллель.

В книге Масао Ямабэ упоминается, что парашютные части японского флота были сформированы в 1941 году, а прекратили свое существование в 1944-м. Парашютно-десантные роты советского флота создаются и затем упраздняются примерно в этот же исторический период.

Японские моряки-парашютисты совершают два удачных воздушных десанта в своей истории — захват аэродромов противника на островах Тимор и Целебес в 1942 году.

Советские флотские парашютисты также совершают две удачные воздушно-десантные операции — высадку под Одессой в 1941-м и уничтожение авиатехники противника прямо на летном поле его авиабазы в Майкопе в 1942 году.

В японском флоте после двух удачных операций парашютистов используют как отборную пехоту в морских десантах, что приводит к их почти полному уничтожению противником.

В советском флоте последние операции парашютистов также носят характер морских десантов с большими потерями в личном составе.

Книга об истории создания и боевого применения парашютистов японского флота издается на русском языке в СССР через три года после выхода в свет в самой Японии.

История создания и боевого применения парашютных подразделений советского флота в годы Великой Отечественной войны до сих пор не написана... Немногие знатоки отечественной истории флота вообще знают о том, что такого рода части существовали.

Е. Абрамов

ДИВЕРСИОННЫЕ ДЕСАНТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ СЕВЕРНОГО ФЛОТА В 1941—1944 ГОДАХ

Мы штурмом каждый день беря,
В атаки шли волной могучей,
Недаром в страхе егеря
Нас называли «черной тучей».

*И. Букин, автор слов песни
«Прощайте, скалистые горы»,
ставшей гимном морской пехоты
Северного флота*

Оценивая обстановку, сложившуюся к началу Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов на Северном театре военных действий, следует отметить его стратегическое значение. Оно определялось прежде всего открытыми выходами на океанские коммуникации, по которым осуществлялись внешние перевозки, перевозки между портами Сибири, Дальнего Востока и европейской части страны, а также исключительными природными богатствами Севера. При этом незамерзающий Мурманский порт функционировал круглосуточно.

Командование вермахта, осознавая важность и стратегическое значение северных морских коммуникаций СССР и Кировской железной дороги, уделяло серьезное внимание захвату советского Заполярья и Карелии.

Так, еще до начала вторжения вермахта в СССР начальник штаба Вооруженных сил Германии В. Кейтель подчеркивал: «Мурманску как главному опорному пункту русских в летнее время придается, особенно в связи с вероятным англо-русским сотрудничеством, значительно большее значение, чем в последней финско-русской вой-

не. Поэтому важно не только нарушить его сухопутные коммуникации, но и овладеть этим опорным пунктом, ибо связь его по морю через Архангельск со страной нельзя прервать другим образом»¹.

С этой целью Германия создала скандинавский плацдарм, который не только являлся источником стратегического сырья для военной промышленности, но и давал возможность сосредоточить на нем группировку немецких войск. Через Балтийское море и железнодорожную сеть Швеции Германия получила важную в стратегическом отношении возможность переброски своих войск в Финляндию к границам СССР. Так, уже с августа 1940 года благодаря достигнутой между Берлином и Хельсинки сверхсекретной договоренности немецкие войска начали сосредоточиваться в северных районах Норвегии и Финляндии.

К началу Великой Отечественной войны немецкое Верховное командование сосредоточило в северных районах Финляндии в полосе от Ухты до Северного Ледовитого океана 150-тысячную группировку сухопутных войск, объединенных в армию «Норвегия» (с 15.01.1942 года — «Лапландия», с 20.06.1942 года — 20-я горная армия) под командованием генерал-полковника Н. Филькенхорста. В ее состав входили девять пехотных, две горногерские дивизии и бригада СС «Север». Из них 69, 181, 196, 199, 214, 702 и 710-я пехотные дивизии обороняли морское побережье и несли оккупационную службу

¹Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. — Т. 2. — М., 1973. — С. 112. Об интересе германского командования к Кольскому полуострову свидетельствовала и предпринятая еще в 1936 году поездка военного министра фон Бломберга вдоль побережья Северной Норвегии, по поводу которой английская печать высказала вполне оправдавшиеся впоследствии предположения: «В целях блокады СССР на Западе немцы будут вынуждены послать свой флот на Крайний Север, чтобы нарушить советские арктические коммуникации в районе Нордкапа» (The Navy. L., 1945. № 2, p. 62.)

в Норвегии, а 163-я пехотная дивизия (без одного полка) передавалась в оперативное подчинение финского командования для боевых действий в составе Карельской армии. Остальные соединения (2-я и 3-я горноегерские дивизии, 169-я пехотная дивизия и бригада СС «Север») предназначались для действий в северных районах СССР. Кроме того, в армию «Норвегия» был включен 3-й финский армейский корпус¹.

Горноегерский корпус «Норвегия» имел в своем составе 2-ю и 3-ю горноегерские дивизии, каждая из которых состояла из двух горноегерских и одного артиллерийского полков общей численностью 12 200 человек. Вооружение каждой горноегерской дивизии насчитывало 450 пулеметов, 700 автоматов, 102 орудия калибра от 37 до 150 мм, 112 минометов калибра от 50 до 81 мм и 10 танков².

36-й армейский корпус состоял из 169-й пехотной дивизии, бригады СС «Север», 324-го пехотного полка, 163-й пехотной дивизии и 6-й финской дивизии. Немецкая пехотная дивизия включала три пехотные и один артиллерийский полк, насчитывала 16 800 человек и имела 600 пулеметов, 760 автоматов, 74 орудия, 75 противотанковых пушек, 138 минометов, 12 зенитных орудий и 96 противотанковых ружей. Корпус имел в своем составе около 100 танков, в том числе огнеметных³.

Замыслом наступательной операции, получившей кодовое название «Зильберфукс» («Чернобурая лиса»), предусматривалось силами немецкой армии «Норвегия» совместно с финским 3-м армейским корпусом овладеть полуостровами Средний и Рыбачий, главной военноморской базой Северного флота Полярным, Мурманском, Кандалакшей и перерезать Кировскую железную

¹ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 478517. Д. 1. Л. 29 — 45.

² Желтов А. В первый год войны. В боях за Советское Заполярье. — Мурманск.: Кн — изд-во, 1982. С. 5.

³ Там же. С. 6.

дорогу (Ленинград—Мурманск); в последующем занять Архангельск.

Следует отметить, что немецко-финские войска, предназначенные для проведения наступательной операции на Мурманском, Кандалакшском и Лоухском направлениях, были заблаговременно развернуты на советско-финской и финско-норвежской границах. При этом на каждое из трех операционных направлений немецкое командование выделило по одному корпусу двухдивизионного состава.

Сосредоточенный на левом фланге в районе Никель, Печенга, Луостари горноегерский корпус «Норвегия» (с 1942 года — 19-й горноегерский корпус) имел задачу, наступая в направлении на Мурманск, уничтожить занимавшие здесь оборону войска 14-й стрелковой дивизии и 23-го укрепленного района и овладеть Мурманском — важным административно-промышленным центром на Крайнем Севере европейской части СССР¹.

Следует отметить, что Главное командование сухопутных войск Германии (ОКХ) серьезное влияние уделяло вопросам комплектования, обеспечения и подготовке войск, предназначенных для ведения боевых действий на Крайнем Севере. Считалось необходимым использовать там специально подготовленные горные части². Так, для проведения операции в Заполярье были привлечены отборные горноегерские, гренадерские части и соединения, имевшие большой опыт ведения боевых действий в горах Греции, Югославии, Франции и Северной Норвегии. Эти войска формировались преимущественно из жителей Тирольских Альп, были хорошо экипированы и оснащены горной артиллерией, минометами, автоматами и вьюч-

¹ Мировая война. 1939—1945 годы: Сборник статей. — М., 1957. — С. 136—137.

² Гальдер Ф. Военный дневник: ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Сокр. пер. с нем. — М.: Воениздат, 1969. — Т. 2. — С. 344.

ным транспортом. Кроме того, горное снаряжение было выделено и для 196-й пехотной дивизии¹. В феврале 1941 года был рассмотрен вопрос о боевом применении в Норвегии войск СС², а в мае этого же года было решено отправить туда полностью укомплектованную дивизию СС «Север» в составе трех полков³. Как известно, в операции «Зильберфукс» планировалось использовать ее два полка, организационно сведенных в бригаду СС «Север».

Наступление армии «Норвегия» должны были поддерживать 400 немецких самолетов 5-го воздушного флота, сосредоточенных на аэродромах в Северной Финляндии и Норвегии, и 500 боевых самолетов финских ВВС⁴.

27 января 1941 года немецким командованием была закончена разработка плана совместной наступательной операции немецко-финских войск «Зильберфукс» против Советского Союза в Заполярье.

Сроки начала наступления были определены гитлеровским Верховным командованием: для горноегерского корпуса «Норвегия» — 28 или 29 июня, для 36-го армейского корпуса — 1 июля, для 3-го финского армейского корпуса — 30 июня⁵.

Сухопутной группировке противника в Заполярье противостояла 14-я армия Ленинградского военного округа (командующий — генерал-лейтенант В.А. Фролов, с 30.08.1941 г. — генерал-майор Р.И. Панин, с 28.03.1942 г. — генерал-майор В.И. Щербаков). Ее соединения и части дислоцировались вдоль участка советско-финской границы от побережья Баренцева моря до Кюстенъги общей протяженностью около 550 км. В состав 14-й армии вхо-

¹ Там же. С. 115.

² Там же. С. 353.

³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 544.

⁴ Румянцев Н.М. Победа Советской Армии в Заполярье. — М.: Воениздат, 1955. — С. 17.

⁵ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Компании, стратегические операции и сражения: Стратегический анализ. С. 100.

дили: 14-я стрелковая дивизия, 95, 135, 325-й стрелковые, 241-й гаубичный артиллерийский и 143-й артиллерийский полки; 42-й стрелковый корпус, включавший 122, 104-ю стрелковые, 1-ю танковую дивизию; 23-й укрепленный район и 1-я смешанная авиационная дивизия двухполкового состава¹.

По предвоенным планам в случае начала войны Северный флот должен был прикрывать приморский фланг 14-й армии и содействовать ей в проведении наступательных операций, противодействовать попыткам прорыва флота противника в Белое море и Кольский залив, воспрепятствовать осуществлению им десантных операций, а также нарушать морские сообщения противника вдоль норвежского побережья².

Оценивая соотношение сил и средств немецкой армии «Норвегия» и войск 14-й армии к началу войны, можно сделать следующие вывод: войскам Красной Армии противостояли хорошо обученные, подготовленные к боевым действиям в горной местности, имеющие значительный боевой опыт отборные соединения и части противника; высокая укомплектованность немецких войск (2-я и 3-я горноегерские дивизии имели по 12 200 человек, 169-я пехотная дивизия — 16 800 человек) позволила создать двукратное превосходство в живой силе (14-я стрелковая дивизия 14-й армии насчитывала 4476 человек, а 52-я стрелковая дивизия — 8192 человека)³.

Касаясь характеристики Северного театра военных действий, следует в первую очередь подчеркнуть, что За-

¹ ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 363. Оп. 25557. Д. 2. Лл. 1—15; *Румянцев Н.* Оборонительные действия 14-й армии в Заполярье в 1941 году // Военно-исторический журнал. — 1960. — № 12. — С. 23—24; *Голованов Г.* В штабе 42-го корпуса // В боях за Советское Заполярье. — Мурманск: Кн. изд-во, 1982. — С. 16—17.

² РГАВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского Флота). Ф. Р.—970. Оп. 1. 63. Л. 58, 83, 138, 154 — 185.

³ *Желтов А.* Указ. соч. С. 6.

полярье — это горно-тундровый район вечной мерзлоты, скалистое, бесплодное плоскогорье с многочисленными холмами и однообразной местностью, лишенной естественных масок. К северо-западу от Мурманска ландшафт Заполярья сильно расчленен горами высотой 200 — 500 метров и изобилует большим количеством валунов. Горные реки отличаются крутыми скалистыми берегами, порогами и водопадами. Большинство их течет в меридианном направлении и в сочетании с глубоко вдающимися заливами (фиордами) и озерами представляют серьезные естественные препятствия.

Суровый климат Заполярья характеризуется весьма неустойчивой метеорологической обстановкой. Так, погода может резко меняться несколько раз в течение одного дня. Зима длится 7 месяцев (с ноября по май). Из-за вторжений арктических масс воздуха температура часто падает до -30 — 40°C и ниже. При этом ветры нередко достигают огромной силы, образуя зимой большие снежные заносы. Пурга может длиться 2 — 5 и иногда и до 7 суток. Лето короткое и прохладное, а заморозки возможны в течение всего летнего периода. Летние дни в большинстве туманные и пасмурные.

Физико-географические условия Заполярья создают большие трудности для ведения боевых действий войск: ограничивая маневр, затрудняя инженерные работы, постройку дорог, аэродромов и других сооружений, применение танков и артиллерии, усложняя тыловое обеспечение, требуя специальные меры по бытовому обустройству личного состава,

Зимой часто свирепствуют бури, глубина снежного покрова достигает 1 — 2 метров. Движение всех видов транспорта в этот период невозможно без расчистки дорог. Весной и осенью сильные ветры и дожди чередуются с большими снегопадами. Необычные условия освещения, а также неустойчивость атмосферных процессов и температурного режима отрицательно влияют на боевые

действия войск. Длинная полярная ночь и короткий арктический день требуют обучения войск боевым действиям и ведению огня из всех видов оружия ночью и в условиях плохой видимости. Низкая температура затрудняет эксплуатацию боевой техники — танков, орудий, автомобилей и средств связи.

Холодные продолжительные туманы и частые осадки осложняют ведение наблюдения и действия авиации, но в то же время создают благоприятные условия для маскировки и скрытого маневра войск.

Почва на Кольском полуострове песчаная и супесчаная. Под ее неглубоким слоем залегает гранит. Растительность скудная. Наиболее типичным ее видом являются лишайники, мох, ягель, а в лощинах и низменных местах — карликовая береза и кустарник. В долинах рек Ура, Западная Лица, Титовка встречаются редкие березовые рощи. Западнее реки Печенги произрастают более крупные смешанные леса. Около одной трети территории полуострова покрыто лесом.

Кольский полуостров изобилует многочисленными реками и ручьями, протекающими от центра полуострова к Баренцеву и Белому морям. В районе боевых действий в 1941 — 1944 годах наиболее значительными являлись реки Ура, Западная Лица, Титовка, Печенга и Патсо-Йоки. Реки эти горные, порожистые, с быстрым течением.

На территории Мурманской области, особенно в ее западной части, имеется много озер, наиболее крупными из которых являются Чапр, Кошка-Явр, Лайя, Куосме-Ярви, Туль-Яур, Санта-Ярви и др. Озера в большинстве своем глубокие, с высокими изрытыми берегами, а на отдельных участках низменные и заболоченные.

Следует отметить, что реки и ручьи, не являясь серьезным препятствием для наступающих войск, представляют собой выгодные естественные рубежи для организации обороны. Многочисленные озера и фиорды ограничивают маневр войск и требуют большого количества переправоч-

ных средств, обеспечивающих быстрое форсирование широких водных преград.

Рельеф северной части Заполярья представляет собой полого понижающееся с запада на восток, по направлению к Мурманску, гранитное плато, средняя высота которого составляет 150 — 200 метров. На нем имеется много высот, чьи вершины достигают 500 — 600 метров и более над уровнем моря. При этом вершины гор, как правило, представляют собой гранитные скалы, полностью лишенные растительности. Скаты у подножия гор усыпаны крупными камнями. Возвышенные места чередуются с низменными болотистыми участками и глубокими озерами. Следует отметить, что сильно пересеченная местность создает выгодные условия для наблюдения и обороны. Вместе с тем гористая местность ограничивает маневр наступающим войскам и исключает всякую возможность передвижения боевой и другой техники вне дорог, без предварительной прокладки колонных путей.

Каменистая почва затрудняет земляные работы и маскировку. Без применения взрывчатых веществ открытие даже простейшего укрытия практически невозможно.

В годы Великой Отечественной войны оборонительные позиции противника на перешейке полуострова Средний, где занимала оборону морская пехота Северного флота, проходили по горному хребту Муста-Тунтури. Этот хребет неприступной громадой возвышается над окружающей местностью. Даже простой переход через него был сопряжен с большими трудностями. За три с лишним года противник возвел на высотах хребта сложную систему инженерных сооружений. На высоких обрывах и в ущельях, как осиные гнезда, были вылеплены из камня и цемента десятки дотов и дзотов. Многие важные высоты сообщались через подвесные дороги, а наиболее мощные доты соединялись туннелями. На вершинах высот располагались минометные батареи. Подступы к горному хребту прикрывались множеством траншей и ходов сооб-

щения, широкой полосой противопехотных минных полей и многоярусных проволочных заграждений.

Все это значительно затрудняло, а порой и исключало ведение здесь разведывательно-диверсионных действий и приводило к неоправданным потерям. Поэтому наиболее целесообразным и эффективным способом применения специально формировавшихся подразделений морской пехоты являлись диверсионные десанты, которые тоже всегда были сопряжены с большим риском и требовали серьезной подготовки.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года в ходе операции «Ренитир» («Северный олень») соединения и части корпуса «Норвегия» пересекли норвежско-финскую границу и оккупировали Печенгскую (Петсамскую) область, захватив богатейшие никелевые рудники¹.

В 4 часа 20 минут 29 июня 1941 года после полутора-часовой огневой подготовки, в которой участвовали два артиллерийских полка и 120 бомбардировщиков, горноегерский корпус «Норвегия» начал наступление на занимающие оборону вдоль советско-финской государственной границы пограничные заставы 100-го погранотряда и части 14-й стрелковой дивизии.

В этот день началась оборонительная стратегическая операция в Заполярье и Карелии, продолжавшаяся до 10 октября 1941 года².

Понеся значительные потери в живой силе и боевой технике, противник был вынужден 17 июля перейти к обороне на рубеже безымянные высоты в 1 — 3 км юго-западнее колхоза «Западная Лица», высота 274,0, высота 258,3 и далее по западному берегу реки Западная Лица до отметки 77,4³.

За 12 дней боев части горноегерского корпуса овладе-

¹ Военно-исторический журнал. — 1959. — № 1. — С. 86.

² Великая Отечественная война. 1941 — 1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. — С. 99.

³ ЦАМО РФ. Ф. 11. Д. 6196. Л. 35; Д. 35459. Л. 44—99.

ли лишь небольшим плацдармом (4 x 6 км) на восточном берегу реки Западная Лица. За это время противник потерял около трех тысяч солдат и офицеров убитыми и свыше пяти тысяч ранеными¹.

Большую роль в срыве июльского наступления горноегерского корпуса «Норвегия» сыграл высаженный 14 июля на северо-западное побережье губы Большая Западная Лица кораблями Северного флота тактический десант, в состав которого входил 325-й стрелковый полк (без 3-го батальона) и батальон морской пехоты². Десант после высадки на берег нанес удар в направлении Большая Западная Лица, продвинувшись на глубину 6 — 8 км, и тем самым отвлек значительные силы противника, предназначенные для усиления наступающей группировки горноегерского корпуса «Норвегия».

Одновременно с основным десантом в районе мыса Пикшуев была высажена диверсионная группа в количестве 50 человек³.

Для борьбы с десантом противник был вынужден привлечь значительные силы. Так, по свидетельству бывшего квартирмейстера горноегерского корпуса «Норвегия» майора В. Гесса, против десанта действовали 25 рот пехоты, 8 артиллерийских батарей и сильная группа бомбардировочной авиации⁴.

16 июля для усиления высаженного 14 июля десанта и оборонявшегося на восточном берегу Западная Лица 112-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии был высажен десант, сформированный из частей Северного флота общей численностью 715 человек. Действия этого десанта, предпринявшего попытку перерезать дорогу на Титовку, вынудили командование горноегерского корпуса ослабить натиск на Мурманск.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 25558. Д. 7. Л. 2, 4.

² Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье (1941—1944 гг.). С. 38.

³ Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1942. С. 21.

⁴ Hess V. Eismeerfront. 1941. — Heidelberg., 1956. S. 92—93.

Следует подчеркнуть, что действия десантов, высаживаемых кораблями Северного флота на приморском фланге корпуса «Норвегия», вызывали особое беспокойство немецкого командования. По словам В. Гесса, удары десантных подразделений оказывались настолько чувствительными, что командование корпуса вынуждено было останавливать наступление своих войск и начинать «...приготовления более широкого масштаба, чтобы выбить советские войска... из района озерных дефилов»¹. В связи с этим Гитлер Директивой № 34 от 30 июля 1941 года поставил задачу устранить угрозу флангу со стороны Мотовского залива².

В это же время продолжала осуществляться и высадка диверсионных десантов. Так, 29 июля в бухте Замогильная была высажена диверсионная группа в количестве 76 человек, которая захватила маяк Пикшуев и до 1 августа при поддержке катера МО № 111 удерживала его, отражая все атаки противника³.

Во второй половине июля и в августе 1941 года в состав горноегерского корпуса были переданы ранее находившиеся в Норвегии 9-й моторизованный полк СС, 388-й пехотный полк 214-й пехотной дивизии, 233-й самокатный батальон 199-й пехотной дивизии и 500 человек пополнения⁴. По просьбе немецкого командования Маннергейм согласился на период нового наступления оставить в составе горноегерского корпуса 14-й пехотный полк.

4 сентября Ставку главнокомандующего Вооруженных сил Финляндии посетил начальник штаба оперативного руководства германских Вооруженных сил генерал-полковник Йодль.

В то время когда командование армии «Норвегия» готовилось к новому наступлению на Полярное и Мурманск, соединения 14-й армии вели активные наступа-

¹ Hess V. Eismeerfront. 1941. — Heidelberg., 1956. S. 77.

² Военно-исторический журнал. — 1959. — № 6. — С. 85, 86.

³ ЦВМА АО ЦВМА. Архивный отдел. Ф. 11. Д. 6196. Л. 76.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 478517. Д. 1. Л. 45—46.

тельные действия. Однако, убедившись в нецелесообразности наступления, командующий 14-й армии 16 августа отдал приказ перейти к обороне¹. После перегруппировки войска армии к 21 августа заняли оборону на рубеже реки Западная Лица и приступили к инженерному оборудованию позиций.

23 августа 1941 года распоряжением Ставки Верховного главнокомандования Северный фронт был разделен на два фронта: Ленинградский и Карельский. Командующим Карельским фронтом был назначен генерал-лейтенант В.А. Фролов. Этим же решением Северный флот передавался в непосредственное подчинение командующему Карельским фронтом.

8 сентября войска горноегерского корпуса «Норвегия» перешли в наступление и за пять дней боев продвинулись к Мурманску на 16 км, однако к 18 сентября наступление противника было остановлено.

Таким образом, и сентябрьское наступление противника на Мурманском направлении не увенчалось успехом. Войска 14-й армии Карельского фронта в ходе упорных боев активными действиями нанесли горноегерскому корпусу «Норвегия» значительные потери, что не позволило ему осуществить операцию по овладению портом Владимиром, Полярным и Мурманском.

В сентябрьских боях противник потерял в общей сложности свыше 4 тысяч солдат и офицеров убитыми и пленными и около 8 тысяч ранеными². Остатки 3-й горноегерской дивизии после окончания боев были отправлены в Германию на переформирование. Из частей этой дивизии в составе горноегерского корпуса был оставлен один 139-й горноегерский полк, объединивший в своем составе весь уцелевший личный состав дивизии³. Этот

¹ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 81486. Д. 5. Л. 44.

² ЦАМО РФ. Ф. 25558. Д. 7. Л. 4–5.; Оп. 81486. Д. 5. Л. 72–74.

³ В последующем на базе 139-го горноегерского полка была сформирована 193-я горноегерская бригада «Генерал-полковник Дитль».

полк после окончания сентябрьских боев в течение десяти дней занимался захоронением убитых на корпусном кладбище в районе Печенги¹.

2-я горноегерская дивизия 20 октября 1941 года была сменена прибывшей в состав корпуса из Германии 6-й горноегерской дивизией.

В упорных оборонительных боях войска 14-й армии при поддержке частей, кораблей и авиации Северного флота сорвали план армии «Норвегия» по овладению советским Заполярьем. Соединения и части противника, понеся тяжелые потери, оказались не в состоянии выполнить свою задачу по разгрому войск 14-й армии, овладению Кольским полуостровом и Кировской железной дорогой.

В оборонительных боях 1941 года войска 14-й армии приобрели ценный опыт ведения боевых действий с сильным, хорошо технически оснащенным противником в сложных условиях горно-тундровой местности.

С целью улучшения управления войсками в сентябре 1941 года в 14-й армии были созданы две оперативные группы войск — Мурманская и Кандалакшская. Но в марте 1942 года войска, действовавшие на Кандалакшском направлении, были переданы для формируемой 19-й армии (командующий — генерал-майор С.И. Морозов). В составе 14-й армии (командующий — генерал-майор Щербаков) остались части, действовавшие на мурманском направлении².

В 1942 году войска Карельского фронта получили задачу надежно прикрыть северный стратегический фланг советско-германского фронта, прочно удерживая занимаемые оборонительные рубежи.

Войска 14-й армии в течение зимы 1941 — 1942 года занимали оборону на рубежах, на которых в сентябре 1941 года было остановлено сентябрьское наступление противника.

¹ Румянцев Н.М. Указ. соч. С. 47.

² ЦАМО-РФ. Ф. 214. Оп. 14054. Д. 9. Л. 53.

Оборонительные действия наших войск носили активный характер. Артиллерия систематически наносила удары по скоплениям живой силы противника. Она также затрудняла ведение фортификационных работ. Во всех частях и соединениях морской пехоты развернулось снайперское движение. В тылу противника постоянно действовали разведывательно-диверсионные группы и отряды.

Следует подчеркнуть, что в обороне в условиях горной местности особое значение приобрели диверсионные действия подразделений морской пехоты, в том числе и лыжные рейды по тылам врага. Так, разведывательный взвод 12-й отдельной бригады морской пехоты (ОБРМ) в количестве 30 человек в течение двух суток успешно действовал в составе лыжного разведотряда 14-й армии в районе озера Чапр. При этом каждый разведчик нес на себе по два боекомплекта, пять суточек в виде сухого пайка, оружие и снаряжение. В бригадах морской пехоты и в морских стрелковых бригадах по штату имелись разведывательные роты, а в каждом батальоне — разведывательный взвод. Именно эти подразделения выполняли основные задачи по ведению разведки и действиям в составе диверсионных десантов, которые высаживались в составе разведрот бригад, разведвзводов батальонов, а впоследствии и отдельного разведывательного отряда штаба Северного оборонительного района (СОР). Военные советы Карельского фронта и Северного флота систематически анализировали работу разведывательных органов и давали указания по ее активизации, формах и способах ее ведения.

Примером умелых действий разведчиков морской пехоты в горно-тундровой местности могут служить действия разведгруппы 12-й ОБРМП под командованием лейтенанта И.П. Барченко-Емельянова, будущего командира разведотряда СОР, Героя Советского Союза. В декабре 1941 года эта разведгруппа, двое суток не сни-

мавшая лыж, расположилась на короткий отдых и почти сразу обнаружила крупный немецкий разведотряд, впереди которого шел дозор. Следует отметить, что разведгруппа И.П. Барченко-Емельянова насчитывала 25 человек и значительно уступала по численности и вооружению противнику. Тем не менее командир принял решение открыть огонь. Меткие пулеметные очереди пулеметчика Рузанова нанесли значительные потери противнику. Прицельным огнем с короткой дистанции был уничтожен дозор. Но бой был неравным. Установив на прибрежных высотах тяжелые пулеметы, противник под прикрытием их огня начал яростные атаки. Но не зря немцы называли морских пехотинцев «черной смертью». Закопавшись глубже в снег и оборудовав укрытия из камней, разведчики с мужеством и отвагой отражали атаки нападавших егерей¹. Иногда бой переходил в рукопашные схватки, в ход шли гранаты, но всякий раз противник отбрасывался с большими потерями. Изнурительный бой продолжался долго. Используя численное преимущество, немцы окружили разведгруппу плотным кольцом, время от времени выкрикивая: «Рус, сдавайся!» Разведчики морской пехоты отвечали сосредоточенным огнем. При отражении одной из атак противника, пытавшегося вклинуться в оборону, погиб всеобщий любимец, командир отделения ленинградец сержант Любимов — высокий, атлетически сложенный разведчик, участник нескольких морских десантов, считавший службу в разведке своим призванием. С наступлением ночи атаки противника ослабли. Это было очень кстати, так как боеприпасы подходили к концу. Оставалось одно — прорваться с боем. Выбрав подходящий для этого момент, разведчики встали на лыжи и, расстреливая последние патроны, вырвались из кольца. Помкомвзвода сержант Помазов и матрос Скобелкин, видя надвигавшуюся на

¹ *Барченко-Емельянов И.П.* Фронтовые будни Рыбачьего. — Мурманск: Кн. изд-во, 1984. — С. 18.

них плотную цепь немцев, бросили им под ноги две оставшиеся гранаты. Броски были настолько удачными, что никто из солдат противника не поднялся. Попавшийся им через 20 метров немецкий разведчик был убит из нагана. За храбрость и находчивость Помазов был награжден орденом Красного Знамени, а Скобелкин — орденом Красной Звезды¹. За разгром немецкого разведывательного отряда в декабре 1941 года командир разведгруппы 12-й ОБРМП И.П. Барченко-Емельянов был награжден орденом Красной Звезды.

Зимой 1942 года личный состав разведывательных подразделений бригад морской пехоты серьезно готовился к диверсионным действиям. Регулярно проводились тактические учения на местности. Командование и штабы батальонов систематически привлекались к участию в командно-штабных учениях, которые организовывало командование бригад. На нескольких учениях, проводимых в Кольском заливе, обрабатывались задачи по высадке диверсионных десантов на занятое противником побережье. Каждое проведенное учение тщательно анализировалось. Командный состав разведывательных подразделений морской пехоты приобретал практические навыки и умения в управлении своими частями и подразделениями в горно-тундровой местности. Все это понадобилось уже в ближайшее время.

К весне 1942 года в результате зимнего наступления Советской Армии и разгрома немецко-фашистских войск на ряде участков советско-германского фронта военно-политическое положение Советского Союза улучшилось.

На лето 1942 года Вооруженным силам Советского Союза была поставлена задача развить успехи, достигнутые советскими войсками в ходе зимнего наступления. Замыслом Советского Верховного Главнокомандования предусматривалось проведение наступательных операций на

¹ Там же. С. 21.

Крайнем Севере, под Ленинградом, в районе Демянска, на Орловском направлении, в районе Харькова, в Донбассе и в Крыму с задачей «разгромить действовавшие там группировки вражеских войск и сорвать подготавливаемое противником летнее наступление»¹.

Следует отметить, что в это время определенную тревогу командования вермахта вызвала обстановка в Северной Норвегии. Через Генеральный штаб Финляндии ему стало известно о подготовке совместной англо-советской десантной операции с кодовым наименованием «Валлох», которую планировалось провести в январе или феврале 1942 года. Замыслом операции предусматривалось нанесение удара с моря по Петсамо, а с суши — по Киркинесу².

Приведение такой формы совместных боевых действий союзников на Северном морском театре, по мнению Гитлера, было вполне возможным. Поэтому его совещание с главнокомандующим ВМС Германии гросс-адмиралом Редером 22 января 1942 года было полностью посвящено проблемам обороны Норвегии. На нем Редер подчеркнул, что «при любых обстоятельствах весь германский флот должен взять на себя задачу по защите норвежских берегов и портов...»³

Для выполнения этой задачи командование немецкими военно-морскими силами стало сосредоточивать на Севере крупные надводные корабли, усиливать группировку подводных сил и авиации.

На суше германское командование готовило очередное наступление армии «Норвегия». Эта операция получила условное наименование «Ловля лосося».

Исходя из вышесказанного, Ставка Верховного Глав-

¹ Вторая мировая война 1939 — 1945. — М., 1958. С. 288.

² Носков А.М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. — М., 1977. С. 174 — 175.

³ Родионов Б.И., Доценко В.Д. и др. Три века Российского флота. — СПб. 1996. Т. 3. С. 67.

нокомандования директивой № 170198 от 27 марта 1942 года поставила задачу командующему Карельским фронтом подготовить и провести наступательные операции на Мурманском, Кандалакшском и Кестеньгском направлениях «с целью усиления обороны порта Мурманска, Мурманской и Обозерской железных дорог»¹. Операции должны были начаться на Мурманском и Кестеньгском направлениях не позднее 15-го, а на Кандалакшском направлении — не позднее 25 апреля 1942 года².

В период с 28 апреля по 13 мая 1942 года войсками 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом была проведена Мурманская наступательная операция.

К началу операции на мурманском направлении занимали оборону части и соединения горноегерского корпуса «Норвегия» (командир — генерал-лейтенант Э. Дитль) в составе 6-й горноегерской дивизии, 288-го пехотного и 139-го горноегерского полков. 2-я горноегерская дивизия составляла резерв корпуса и располагалась в Петсамо, Киркенесе и Никеле³.

На основных северных аэродромах противника в Киркенесе, Хебуктене, Банакке, Лаксельвене и Луостари базировалось около 135 бомбардировщиков, до 55 истребителей и 5 транспортных самолетов.

В водах Норвегии были сосредоточены крупные надводные силы ВМС в составе одного линейного корабля, трех крейсеров и до десяти эскадренных миноносцев⁴.

После утверждения Ставкой Верховного Главнокомандования решения на проведение Мурманской наступательной операции командованию 14-й армии была поставлена задача во взаимодействии с Северным флотом разгромить части 6-й горноегерской дивизии, отбросить

¹ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 34312. Д. 1. Л. 3.

² Румянцев Н.М. Указ. соч. С. 67.

³ Морской атлас. — М., 1966. — Т. III. 4.2. Описания к картам. — С. 225.

⁴ Салагин Я.Т. Опыт десантных операций в Отечественную войну 1941—1945 гг. — М., 1947. — С. 20.

их за линию государственной границы и занять оборону на участке высоты 449,0, озеро Чапр¹.

Для содействия наступающим войскам 14-й армии и нанесения удара по правому флангу обороны противника на южное побережье Мотовского залива высаживалась 12-я отдельная бригада морской пехоты полковника В.В. Рассохина с задачей разгромить обороняющиеся на берегу подразделения противника и в дальнейшем наступать навстречу главной группировке войск 14-й армии, содействуя ей в разгроме 143-го горноегерского полка. С целью ввода в заблуждение противника относительно высадки главных сил накануне в Титовской губе, в 10 км от участка высадки бригады, высаживался демонстративный десант в составе 170 человек разведывательного отряда Северного флота во главе с лейтенантом В.Н. Леоновым.

В ночь на 28 апреля 1942 года 12-я ОБРМП скрытно, без артиллерийской подготовки произвела высадку в трех пунктах Мотовского залива на участке до 6 км. Бригада насчитывала в своем составе 6235 человек и имела на вооружении 4775 винтовок, 146 автоматов, 19 станковых, 61 ручной и 11 зенитных пулеметов, 76 82-мм минометов и 7 45-мм орудий. Застигнутый врасплох противник не смог оказать серьезного сопротивления. К 8 часам утра подразделения бригады захватили пункты высадки, а к исходу 28 апреля она, расширив плацдарм по фронту до 7 км, а в глубину до 5 км, выполнила задачу дня².

Воспользовавшись тем, что наступление соединений 14-й армии с юга не получило развития, противник часть сил с этого участка и резервы использовал против подразделений десанта. Позднее, кроме резервов 6-й и 2-й горноегерских дивизий, противник ввел в бой и свои оперативные резервы. 3 — 4 мая силами пяти-шес-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 25558. Д. 10. Л. 2.

² Камалов Х.Х. Морская пехота в боях за Родину. — М., 1983. — С. 138.

ти батальонов при поддержке артиллерии противник нанес ряд сильных ударов во фланг 12-й ОБРМП и потеснил ее подразделения, действовавшие в районе реки Западная Лица. Ночью 4 мая части 12-й ОБРМП перешли в наступление, но вскоре были остановлены противником, который, начав контрнаступление, прорвал оборону бригады, но, понеся большие потери, не смог развить свой успех. В последующие дни действия противника сводились к попыткам групп автоматчиков просочиться в расположение бригады. Личный состав 12-й ОБРМП в результате многодневных боев и крайне тяжелых погодных условий был сильно ослаблен физически, понес потери от заболеваний и обморожений, но продолжал героически сражаться, ведя тяжелые оборонительные бои. 6 мая на плацдарм был высажен 3-й батальон 125-го горнострелкового полка морской пехоты Мурманского укрепленного района, а 9 мая — 9-й оленелыжный батальон. Всего было высажено 1533 человека¹. Получив подкрепление, бригада прочно закрепилась на новых рубежах обороны. 7 мая, когда обстановка на плацдарме была особенно сложной, отличился батальон под командованием Г.С. Прусенко, который дерзкими контратаками не только остановил продвижение батальона автоматчиков противника, вклинившегося в боевые порядки бригады, но и сумел полностью уничтожить его. 11 мая в связи с неудачными действиями 14-й армии командующий Карельским фронтом на основании распоряжения Ставки ВГК дал директиву 14-й армии прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах, а Северному флоту эвакуировать и вывести в резерв 12-ю ОБРМП². На 15-е сутки боевых действий в тылу противника подразделения бригады начали организованный отход с позиций в указанные командованием флота места побере-

¹ Салагин Я.Т. Указ. соч. С. 35.

² Там же.

жья Мотовского залива, не оставляя ни раненых, ни убитых, ни оружия.

Из общего числа 7165 человек десанта потери за время операции составили 4992 человека, или 70%. Из этого числа безвозвратные потери убитыми и умершими составили 849 человек (в том числе от холода и истощения), а санитарные — 3173 человека (в том числе 1828 ранеными, 986 — обмороженными, 359 — заболевшими), 941 человек пропал без вести¹.

Подводя итоги операции, следует отметить, что 12-я ОБРМП поставленную задачу выполнила, продвинулась на 18 км в глубь территории, занятой противником, и достигла дороги. Только в силу того, что 14-я армия не смогла прорвать вражескую оборону с фронта и не вышла на соединение с бригадой, противник получил возможность использовать резервы 2-й и 6-й горноегерских дивизий и свои оперативные резервы против бригады, которая вынуждена была перейти к обороне. В ходе упорных и ожесточенных боев в сложных условиях горной местности Заполярья войска 14-й армии во взаимодействии с морской пехотой, кораблями и авиацией Северного флота сорвали готовящееся наступление немецких войск на Мурманск. 22 мая 1942 года 12-я ОБРМП была передислоцирована на полуостров Рыбачий. На основании приказа наркома обороны и наркома ВМФ от 12.07 и 31.07.1942 года был создан Северный оборонительный район (СОР) под командованием героя Ханко генерал-лейтенанта С.Н. Кабанова, который после ряда переформирований включал 12, 63 и 254-ю отдельные бригады морской пехоты, 104-й пушечный артиллерийский полк, 113 и 145-й отдельные артиллерийские дивизионы береговой артиллерии, 347, 348 и 349-й отдельные пулеметные батальоны морской пехоты². Соз-

¹ Салагин Я.Т. Указ. соч. С. 35.

² ЦВМА. Ф. 112. Д. 1170. Л. 135. Д. 1972. Л. 37—38; Ф. 280. Д. 16985. Л. 5—7.

дание Северного оборонительного района значительно укрепило оборону наших войск на мурманском направлении.

Морские пехотинцы отважно сражались в составе СОР, защищая полуострова Средний и Рыбачий. Здесь постоянно шли ожесточенные, кровопролитные бои. Борьба велась за каждый метр советской земли. Бригады морской пехоты не только прочно удерживали свои участки обороны, но и наносили врагу сокрушительные удары. За период с августа по октябрь 1942 года противник потерял здесь только убитыми 1467 человек. За это же время было разрушено 56 дотов и дзотов противника, 39 землянок, 12 складов с боеприпасами и продовольствием¹. Боевые действия на этом участке фронта были настолько активными, что немецкое командование так и не смогло осуществить предусмотренную планом переброску 6-й горнострелковой дивизии с этого участка фронта на Кавказ.

К концу августа 1942 года на основе полученных разведанных (показания пленных и анализ захваченных документов) было установлено, что на южном побережье Мотовского залива немцы создали систему опорных пунктов, своим огнем препятствовавших движению кораблей Северного флота в Мотовском заливе и осуществлению погрузочно-разгрузочных работ в губе Эйно и губе Озерко. При этом наиболее интенсивный огонь велся противником из района мыса Пикшуев.

Следует отметить, что в боевой летописи разведчиков морской пехоты Северного флота чаще других мест упоминается именно этот вдающийся в Мотовский залив участок побережья близ устья реки Большая Западная Лица. Если принять во внимание, что через упомянутый залив шло снабжение оборонявших хребет Муста-Тунтури частей и соединений морской пехоты Северного оборонительного района, то станет понятно серьезное вни-

¹ Кабанов С.И. Поле боя — берег. — М., 1977. — С. 138, 148.

мание, которое уделяло немецкое командование мысу Пикшуев.

Точное расположение огневых средств и состав гарнизонов размещенных на южном побережье Мотовского залива опорных пунктов противника разведкой установлены не были, однако было известно, что каждый из них включал до усиленной роты из состава 6-й немецкой горноегерской дивизии.

В связи с вышеизложенным, а также с учетом имевшихся сведений о подготовке командованием 19-го горноегерского корпуса наступления на Мурманском направлении с целью овладения главной базой Северного флота Полярным и Мурманском, командующий Северным флотом своей директивой от 25 августа 1942 года поставил командующему Северным оборонительным районом задачу систематически производить разведывательные поиски для выявления состава сил и намерений противника, а также высаживать диверсионные десанты для уничтожения его опорных пунктов с обязательным захватом пленных¹.

Кроме того, высадка разведывательных и диверсионных десантов имела целью создать видимость подготовки крупной десантной операции с целью срыва предстоящего немецкого наступления путем нарушения его планомерной подготовки².

Во исполнение вышеуказанной директивы СОР в сентябре 1942 года осуществил две высадки крупных диверсионных десантов в районе мыса Пикшуев.

Наибольший интерес с точки зрения наиболее эффективного боевого применения разведывательных подразделений и частей морской пехоты Северного флота представляет высадка сводного отряда 12-й отдельной морской стрелковой бригады 11 сентября 1941 года.

¹ Сборник материалов по опыту боевой деятельности Военно-Морского Флота СССР. — М.: ГШ ВМФ, 1943. — № 1. — С. 28.

² Там же.

К этому времени визуальным наблюдением за огневыми точками противника, а также детальным изучением рельефа местности по карте было установлено, что естественным и наиболее вероятным рубежом для организации системы огня и взаимодействия основных огневых средств является участок побережья от безымянного ручья (2076) до мыса Пикшуев и далее на юго-запад (1678). Основным районом сосредоточения сил и средств противника предположительно являлся район безымянных высот (1876) и (1878).

Замыслом боевых действий по уничтожению опорных пунктов 6-й горноегерской дивизии на мысе Пикшуев предусматривалось произвести высадку сводного отряда 12-й отдельной морской стрелковой бригады в двух пунктах высадки: пункте № 1 — безымянный ручей (2076) — группа № 1 старшего лейтенанта И.П. Белозерова и пункте № 2 — лощина (1678) — группа № 2 старшего лейтенанта Н.И. Грачева. После чего, осуществив охват опорных пунктов с флангов, отрезать противнику путь отхода и не допустить подхода его резервов, а затем совместным ударом с тыла в направлении мыса Пикшуев уничтожить живую силу и огневые средства противника в опорных пунктах¹.

В основу успеха боя были положены внезапность высадки и стремительность действий десанта на берегу в тесном взаимодействии с поддерживающими силами и средствами.

В состав сводного отряда 12-й отдельной стрелковой бригады морской пехоты СОР (командир отряда — командир 2-го стрелкового батальона бригады майор А.П. Боровиков) численностью 326 человек вошли две разведывательные группы: № 1 (командир — старший лейтенант И.П. Белозеров), включавшая отдельную роту автоматчиков бригады и два саперных отделения; № 2 (командир —

¹ Сборник материалов по опыту боевой деятельности Военно-Морского Флота СССР. — № 1. — С. 28.

старший лейтенант Н.И. Грачев), включавшая отдельную разведывательную роту и саперное отделение¹. Кроме того, в каждую группу были включены корректировочные посты, возглавляемые офицерами-артиллеристами.

Для перевозки десанта к пунктам высадки первоначально было решено привлечь три катера типа МО (№ 121, 125 и 135) и пять катеров типа «Мотобот» (№ 215, 225, 280, 412 и 413).

Артиллерийскую поддержку действий сводного отряда на берегу должны были осуществлять батареи 104-го пушечно-артиллерийского полка (ПАП).

6 сентября штаб СОР вручил командиру 12-й ОМСБР полковнику В.В. Рассохину боевой приказ на уничтожение опорных пунктов противника на мысе Пикшуев. Для принятия решения и подготовки подразделений десанта давалось пять дней².

7 сентября 1942 года сводный отряд был сформирован и под видом проведения сбора автоматчиков сосредоточен в Майнаволоке в районе губы Зубовская (севернее побережья полуострова Рыбачий). Полковник Рассохин выбрал для подготовки отряда именно этот район, поскольку его рельеф и конфигурация были схожи с районом предстоящих боевых действий.

В течение 8 и 9 сентября проводилась интенсивная целенаправленная подготовка отряда к действиям в составе диверсионного десанта. Она имела целью совершенствовать навыки командного состава в устойчивом и непрерывном управлении подразделениями при ведении боевых действий ночью в условиях горно-тундровой местности, а также учить личный состав умелым и решительным действиям при высадке десанта и в ходе боя на берегу при уничтожении опорных пунктов противника.

¹ Кабанов С.И. Поле боя — берег. — М.: Воениздат, 1977. — С. 81.

² Там же. С. 80.

В это же время штабы СОР и 12-й ОМСБР отработывали боевые документы, основными из которых были:

- боевой приказ на высадку и действия на берегу;
- таблица взаимодействия подразделений десанта с учетом различных вариантов действий противника;
- план посадки десанта на корабли и высадки на берег;
- таблица сигналов управления;
- схема связи и др.¹.

В целях наиболее эффективного и организованного применения подразделений десанта в ходе ведения боевых действий на берегу сводный отряд был разделен на группы:

- захвата пунктов высадки;
- прикрытия флангов и тыла;
- захвата опорных пунктов и прочесыванию местности;
- подрыва ДОТ и ДЗОТ².

В соответствии с планом к ночи 10 сентября в районе бухты Эйна на южном побережье полуострова Рыбачий был сосредоточен весь сводный отряд и средства высадки. Первоначально намечалось произвести посадку десанта на корабли с 21.00 до 22.00, а его высадку на берег противника осуществить в период с 23.00 до 24.00. Однако хорошая видимость создавала опасность преждевременного обнаружения отряда противником, а вместе с этим и утраты одного из неперемных условий успешной высадки диверсионного десанта — внезапности. Поэтому было принято решение перенести начало операции на один час.

Посадка сводного отряда 12-й ОМСБР с причалов Эйна началась в 22.00 и закончилась в 22.40. При этом количество принятого на корабли личного состава составило 375 человек (см. таблицу 1).

¹ Сборник материалов по опыту боевой деятельности Военно-Морского Флота СССР. — № 1. — С. 30.

² Там же.

Таблица 1

**ТИПЫ КОРАБЛЕЙ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО НИМ
ЛИЧНОГО СОСТАВА ДИВЕРСИОННОГО ДЕСАНТА**

№ п/п	Типы кораблей	Водо-измещение (т)	Кол-во принимаемого л/с, когда действия корабля и борьба за живучесть ограничены незначительно (чел.)	Фактическое количество принятого личного состава (чел.)
1	Малые охотники за подводными лодками (МО)			
	МО-121	56	50	25
	МО-125	56	50	25
	МО-135	56	50	40
2	Тральщик-катера			
	КТЦ-412	24	50	45
	КТЦ-413	24	50	60
3	Сторожевые катера типа «Мотобот»			
	№ 215	45 — 100	30 — 70	60
	№ 225	45 — 100	30 — 70	60
	№ 280	45 — 100	30 — 70	60
Итого	375 чел.*			

Примечание: * Увеличение численности десанта объясняется посадкой на корабли ранее не планируемого числа добровольцев из состава находившихся в Эйно резервной роты, а также береговых и артиллерийских подразделений (Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 32)

В 22.50 корабли с десантом начали движение к пунктам высадки двумя группами: 1-я группа состояла из одного малого охотника (МО-121) и трех сторожевых катеров типа «Мотобот» (№ 715, 225, 280); 2-я группа включала два малых охотника (МО-215 и МО-135) и два тральщика-катера (КТЦ-412 и КТЦ-413) ¹.

¹ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 32.

В 0.35 11 сентября в пункте высадки № 1 в районе безымянного ручья успешно высадилась разведывательная группа под командованием старшего лейтенанта Белозерова. Высадка была осуществлена быстро и организованно без противодействия противника, который, как выяснилось позже, не обнаружил ни подхода кораблей к берегу, ни самой высадки. Выставив боевое охранение на своем правом фланге, группа, умело ориентируясь по компасам, начала стремительно развивать наступление на высоту под кодовым названием «Картошка»¹.

Впереди наступал разведывательный взвод 2-го батальона бригады под командованием лейтенанта Г.А. Поярко. Отлично ориентируясь на малознакомой местности, Поярко вывел всю группу точно к месту планируемой встречи с разведывательной группой № 2 старшего лейтенанта Грачева.

В это время открыла огонь по стоявшим на рейде Мотовского залива мотоботам в районе пункта высадки № 2 немецкая артиллерийская батарея, которую согласно боевому приказу предстояло найти и уничтожить. Таким образом, располагавшаяся на восточных скатах высоты «Картошка» батарея 75-мм орудий обнаружила сама себя. Кроме того, в этом же районе было обнаружено два 81-мм миномета².

В сложившейся обстановке командир отряда майор Боровиков приказал командиру разведгруппы № 1 старшему лейтенанту Белозерову скрытно выдвинуть отдельную роту автоматчиков к батарее и уничтожить ее. Внезапной атакой морские пехотинцы в течение нескольких минут уничтожили личный состав немецкой батареи. При этом семь человек, включая командира батареи, были взяты в плен³.

В этом ночном бою особо отличились командиры

¹ *Кабанов С.И.* Указ. соч. С. 83.

² Там же.

³ Там же.

разведывательных подразделений лейтенанты Поярко, Головань, Пякулевич, политруки Сумароков и Васильев. После захвата немецкой батареи взвод Поярко был оставлен для подрыва с помощью приданных ему саперов четырех 75-мм орудий, минометов и складов с боеприпасами, а отдельная рота автоматчиков, оставив под охраной разведвзвода пленных, начала движение к месту боя разведгруппы № 2.

Следует отметить, что эта группа высадилась менее удачно. Наличие большого количества камней при подходе к берегу не позволило катеру МО-135 (командир — лейтенант В.М. Лозовский) с сорока разведчиками подойти к самому берегу, чтобы высадить их сухими. В этой ситуации командир отделения минеров старшина 1-й статьи Гольнев, не раздумывая прыгнул за борт и, стоя по грудь в ледяной воде, подпер руками сходню, дав тем самым возможность морским пехотинцам с оружием и полной выкладкой за полторы-две минуты сбежать на берег. Такой же героический поступок совершил и старшина 2-й статьи Чирков с катера МО-125 (командир — лейтенант Е.И. Мальханов).

В этом же районе не смог подойти к берегу и сторожевой катер СКА-215. Дело в том, что начался отлив, и катер сел на камни. В сложившейся обстановке единственным спасением была быстрая высадка десанта. Командир катера старшина 1-й статьи приказал быстро спустить на воду единственную шлюпку, в которую поочередно осуществляли посадку разведчики, а спрыгнувшие в воду матросы Царев и Русинов переводили шлюпку к берегу и обратно¹.

Таким образом, настоящая флотская дружба, мужество и решительность экипажей катеров позволили обеспечить высадку морских пехотинцев сухими на берег, что в условиях Заполярья имело важное значение. К счастью, противник этого не обнаружил.

Неудача высадки группы старшего лейтенанта Грачева

¹ Кабанов С.И. Указ. соч. С. 84.

определялась прежде всего тем обстоятельством, что она высадилась не в одном пункте, как это было определено боевым приказом, а в двух. При этом командир группы с двумя разведывательными взводами был высажен в 0.10 южнее установленного места, а старший политрук Исаев также с двумя взводами — в 0.25 севернее. Притом высадка последних происходила под сильным огнем противника из района безымянных высот (1676) и (1678)¹.

Первым в пункте высадки № 2 высадился взвод отдельной разведывательной роты под командованием лейтенанта М.М. Зуева. В то время когда командир взвода, его связной И. Гусев и старшина 1-й статьи И. Попов сбежали по спущенному трапу, с берега внезапно открыл огонь пулемет противника. Командир катера дал задний ход, и эта группа разведчиков слетела с трапа в воду. Правда, после некоторого замешательства командир катера продолжил высадку.

После высадки на берег разведвзвод лейтенанта Зуева во главе с командиром стремительно атаковал противника, по которому с целью отвлечения внимания открыли огонь старшины Попов и Суханов. Правее атаковал немецкий опорный пункт 2-й взвод отдельной разведывательной роты под командованием младшего лейтенанта М.Н. Федорова².

Морские пехотинцы лейтенанта Зуева окружили один из немецких дотов. Бой перешел в рукопашную схватку. Не выдержав натиска разведчиков, противник стал отходить. В это время группа моряков в составе старшины 1-й статьи А. Меньшикова, старшины 2-й статьи Ф. Морозова, краснофлотцев М. Шолохова, И. Баранова, М. Буянова, П. Цапulina и Г. Антонова, уничтожив второй дот, бросились наперерез отступавшим егерям. Кое-кто из немцев попытался укрыться в землянках, однако Гусев и

¹ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 32.

² Зуев М.М. Тропы разведчиков // В боях — морская пехота: Сб. воспоминаний 12-й отд. Краснознаменной Печенгской бригады морской пехоты Сев. флота / Сост. С.И. Поляков, В.П. Загребин. — Мурманск: Кн. изд-во, 1984. — С. 70.

Меньшиков, бросая гранаты в печные трубы, «выкуривали» их оттуда. Выскакивая из землянок, солдаты противника попадали под огонь морских пехотинцев. Всего в опорном пункте противника было уничтожено два дота, два дзота и до 30 солдат и офицеров. В этом ожесточенном ночном бою героически погибли старший политрук Исаев и бесстрашный разведчик морской пехоты старшина 1-й статьи Попов, был ранен командир 2-го взвода младший лейтенант Федоров¹.

После ранения младшего лейтенанта Федорова и гибели старшего политрука Исаева лейтенант Зуев объединил оба взвода (1-й и 2-й) под своим командованием, а затем, выделив головной и боковые дозоры, начал выдвижение к высоте «Картошка», где было приказом определено место встречи 1-й и 2-й разведывательных групп сводного отряда майора Боровикова².

Успешно вела боевые действия на берегу другая половина роты, возглавляемая старшим лейтенантом Грачевым. После высадки командир группы № 2 с двумя взводами своей отдельной разведывательной роты без промедления начал развивать наступление на безымянную высоту (1576), но, встретив сильное сопротивление противника, совершил обход его позиций и атаковал опорный пункт южных и западных скатов³.

В результате пятичасового боя разведчики морской пехоты под командованием Грачева, овладев высотой, уничтожили шесть дотов, две землянки, две палатки, два продовольственно-вещевых склада и два склада боеприпасов. Кроме того, противник потерял убитыми 52 солдата и офицера⁴.

В 5.00 11 сентября сводный отряд майора Боровикова достиг рубежа безымянных высот (1878) и (2078), где был

¹ Там же. С. 71.

² Зуев М.М. Указ. соч. С. 71.

³ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 32.

⁴ Там же.

встречен огнем противника. В это же время огневую поддержку своим соседям оказал гарнизон немецкого опорного пункта на высоте 415,3 (1772).

Оценив обстановку, майор Боровиков решил частью сил сковать противника с запада и, совершив обход его позиций с севера и юга, одновременным ударом разгромить опорный пункт «Пикшуев». К 8.00 весь гарнизон на мысе Пикшуев был уничтожен. При этом противник потерял только убитыми более 50 солдат и офицеров, два солдата были взяты в плен. Саперами отряда были взорваны четыре дота и пять дзотов¹.

Прочесывая местность, сводный отряд к 6.00 вышел в пункт сбора и обратной посадки на корабли к маяку Пикшуев. По сигналу с берега (две зеленые ракеты) катера направились к пунктам обратной посадки десанта. С 6.30 до 8.00 была произведена посадка личного состава диверсионного десанта на катера, после чего последними было обследовано побережье с целью выявления оставшихся групп и одиночных разведчиков из состава сводного отряда майора Боровикова. В 9.30 командующему СОР было доложено об успешном выполнении боевой задачи, после чего катера доставили морских пехотинцев в базу.

Оценивая результаты высаженного 11 сентября 1942 года на мыс Пикшуев в качестве диверсионного десанта сводного разведывательного отряда 12-й отдельной морской стрелковой бригады Северного флота, следует отметить, что в ходе боевых действий были полностью разгромлены три опорных пункта противника. При этом разведчики морской пехоты уничтожили около 180 и взяли в плен 9 немецких солдат и офицеров, было взорвано и уничтожено в общей сложности шесть дотов, 13 дзотов, три продовольственно-вещевых склада и пять складов боеприпасов, десять землянок, две палатки; захвачено четыре 75-мм орудия, четыре 51-мм, четыре 81-мм и два 120-мм миномета, сорок ящиков снарядов, 16 станковых

¹ *Кабанов С.М. Указ. соч. С. 85.*

и ручных пулеметов, 200 автоматов и винтовок, продовольствие, 63 ящика винтовочных патронов, одна ветряная электростанция и одна метеостанция¹.

Потери отряда составили 24 человека убитыми и умершими от ран (в том числе пять младших офицеров) и 37 раненых (из них три младших офицера)².

Таким образом, цель операции — уничтожение опорных пунктов противника на южном побережье Мотовского залива была выполнена полностью и с незначительными для такого способа боевого применения разведывательных подразделений потерями.

Народный комиссар ВМФ в своей специальной директиве дал высокую оценку действиям диверсионного десанта морской пехоты Северного флота и поставил их в пример всем флотам и флотилиям Военно-Морского флота³. При этом всему личному составу была объявлена благодарность⁴.

Успех операции был обеспечен:

- правильной оценкой сил и средств противника,
- умелым выбором времени, а также пунктов посадки (высадки) диверсионного десанта,
- наиболее целесообразным определением тактических приемов при действии разведывательных подразделений на берегу;
- высокими морально-боевыми качествами отобранного в состав сводного разведывательного отряда личного состава;

¹АО ЦВМА. Ф. 11. Д. 640. Л. 14; Ф. 180. Д. 640. Л. 3—6; Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 33; Кабанов С.И. Указ. соч. С. 85.

²АО ЦВМА. Ф. 180. Д. 640. Л. 3—6. (В некоторых источниках приводятся другие данные. Так, в «Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ». № 1. — С. 33 потери определяются 24 убитыми и 7 ранеными, а в указ. соч. С.И. Кабанова на стр. 85 приводятся цифры 29 убитых и 32 раненых.)

³АО ЦВМА. Ф. 11. Д. 640. Л. 14.

⁴Там же.

— целенаправленной и эффективной подготовкой сводного отряда к ведению диверсионных действий на местности, схожей с предстоящим районом боевых действий;

— наличием у большинства личного состава десанта значительного боевого опыта;

— внезапностью высадки сводного отряда, вследствие которой противник не только не успел организовать противодействие высадке диверсионного десанта, но и не смог оказать должного сопротивления при обороне своих опорных пунктов;

— стремительностью и решительностью действий всех подразделений сводного разведывательного отряда;

— хорошо организованным взаимодействием как между разведывательными подразделениями десанта, так и с приданными и поддерживающими подразделениями. Так, старший лейтенант Грачев, обнаружив опорный пункт противника, ведущий огонь по двум взводам, возглавляемым старшим политруком Исаевым, самостоятельно атаковал и уничтожил этот опорный пункт, тем самым обеспечив успешное продвижение разведчиков Исаева и последующее их соединение с группой № 1 старшего лейтенанта Белозерова.

Командиры отделений Лысак, Привалов и Попов обошли препятствовавшие продвижению отряда огневые точки противника и ударом с тыла способствовали разведывательной группе № 1 в быстром, причем без потерь, уничтожении немецких пулеметов, артиллерийской и минометной батарей;

— надежной и бесперебойной связью как с командованием СОР, так и внутри отряда.

К недостатку боевых действий диверсионного десанта следует отнести неумение его командиров управлять огнем поддерживающей артиллерии. Именно по этой причине при атаке выявленного в ходе операции опорного пункта в районе высоты 415,3 не была своевременно поставлена задача артиллерийским батареям на нанесение

по нему огневого налета, что значительно бы облегчило задачу подразделений десанта.

Как только захваченных на мысе Пикшуев пленных доставили в штаб СОР, начальник разведотдела майор Романов немедленно их допросил. Наиболее ценные сведения дали бывший командир батареи 75-мм орудий и фельдфебель этой же батареи. Из показаний пленных стало известно, что после высадки 12-й особой бригады морской пехоты¹ в ходе Мурманской наступательной операции в апреле 1942 года на фланге 6-й горноегерской дивизии командование горноегерского корпуса «Норвегия» приняло срочные меры для усиления обороны своего приморского фланга. Так, на побережье Мотовского залива и губы Большая Западная Лица был оборудован ряд опорных пунктов: «Могильный», «Обергоф», «Лопенштайн», «Пикшуев» и «Гольдберг». Их обороняли три роты 67-го самокатного батальона, сменившего понесшие значительные потери в апрельско-майских боях подразделения 68-го самокатного батальона. Причем три из вышеперечисленных опорных пунктов, а именно «Лопенштайн», «Пикшуев» и «Гольдберг», уничтожил сводный разведывательный отряд 12-й ОМСБР майора Боровикова.

Кроме того, по утверждению пленных, вдоль побережья Мотовского залива восточнее указанных опорных пунктов были созданы еще три: «Фишерштайн», «Герцогштайн» и «Зоммерберг».

Немецкий обер-лейтенант также показал, что в районе Титовки расположен штаб 504-го отдельного артиллерийского дивизиона, состоящего из 3 четырехорудийных батарей: одна 150-мм и две — 105-мм. Со слов пленного стало известно о частях, занимавших участок фронта у полуострова Средний: 193-м пехотном полке и 14-м моторизованном пулеметном батальоне².

¹ С 31 июля 1942 г. — 12-я отдельная морская стрелковая бригада, с 26 февраля 1943 г. — 12-я бригада морской пехоты, с 27 февраля 1943 г. — 12-я Краснознаменная бригада морской пехоты.

² *Кабанов С.И.* Указ. соч. С. 86.

Следует отметить, что одновременно с высадкой сводного разведывательного отряда на мыс Пикшуев с разрешения командующего СОР генерал-лейтенанта С.И. Кабанова на южном берегу Маттивоуно, т.е. губы Малая Волоковая, по просьбе командира 63-й отдельной морской стрелковой бригады полковника А.М. Крылова была высажена разведывательная группа бригады в количестве 15 человек, возглавляемая командиром отдельной разведывательной роты старшим лейтенантом А.Я. Юневичем¹.

О высаженной с двух торпедных катеров разведгруппе 63-й ОМСБР² не было ничего известно вплоть до 14 сентября, когда на четвертые сутки двумя этими же катерами, незаметно для противника подошедшими к берегу, группа была снята и доставлена на базу.

Как выяснилось из доклада командира разведгруппы, после уничтожения опорных пунктов на Пикшуеве противник повысил бдительность и усилил охрану своих опорных пунктов. Попытки захватить «языка» окончились неудачей. Более того, немцы обнаружили присутствие советских разведчиков в своем тылу, что заставило Юневича отвести свою группу к месту высадки. Однако сигнал о снятии группы он не дал, а вновь увел своих разведчиков в глубь материка.

У северного берега озера Кернаваакин-Ярви разведгруппа столкнулась то ли с полевым караулом, то ли с засадой. В этой сложной обстановке во всей полноте проявилась высокая профессиональная подготовка разведчиков Юневича. Выхватив ножи, они молча стремительно сблизилась с немецкими солдатами. При этом 12 захваченных врасплох егерей морские пехотинцы уничтожили, а одного взяли в плен.

После выполнения задачи старший лейтенант Юневич передал по радио условный сигнал и быстро вывел

¹ Там же. С. 86—87.

² С 26 февраля 1943 года — 63-я бригада морской пехоты.

свою увешанную трофейным оружием группу к берегу для посадки на торпедные катера. Командованием СОР действия разведчиков 63-й ОМСБР были признаны смелыми и целесообразными.

Доставленный разведчиками бригады «язык» показал, что батальон 137-го горноегерского полка смнен 14-м отдельным моторизованным пулеметным, а 388-й пехотный батальон — 193-м пехотным батальонами. Таким образом, сведения, полученные от пленных, захваченных разведчиками 12-й ОМСБР, получили подтверждение.

Вскоре после успешно осуществленной диверсионной операции по уничтожению трех опорных пунктов противника на мысе Пикшуев командующий Северным флотом вызвал к себе командующего СОР с предложениями по уничтожению опорных пунктов «Могильный» и «Обергоф». При встрече вице-адмирал А.Г. Головкин сказал о своем решении уничтожить вышеуказанные опорные пункты.

По чистосердечному признанию генерал-лейтенанта С.И. Кабанова, у него «язык не повернулся возразить» командующему Северным флотом, что этого делать нельзя. В сложившейся после успешной высадки 11 сентября 1942 года диверсионного десанта обстановке немцы были постоянно настороже и рассчитывать на внезапность уже не приходилось. Тем не менее вице-адмирал Головкин в общих чертах поставил задачу и приказал подготовить два отряда по 300 человек уже к 17 сентября 1942 года¹.

Таким образом, на подготовку отводилось менее трех суток.

Нельзя не отметить, что это было опрометчивое решение, за которое пришлось заплатить дорогой ценой.

Как уже указывалось, из показаний пленных и документов, захваченных в период боевых действий диверсионного десанта 12-й ОМСБР на мысе Пикшуев 11 сентября 1942 года, на южном и юго-восточном побережье

¹ Кабанов С.И. Указ. соч. С. 88.

Мотовского залива было установлено наличие следующих опорных пунктов противника:

- «Могильный» — (2468);
- «Обергоф» — (1872) и (2072);
- «Фишерштайн» — (1278);
- «Герцогштайн» — (0874) и (0876);
- «Зоммерберг» — (0870);
- «Лапенштайн» — (1876);
- «Гольцберг» — (1676);
- «Пикшуев» — (1678).

Последние три были разгромлены сводным разведывательным отрядом Северного оборонительного района 11 сентября 1942 года¹.

Замыслом предстоящей операции согласно приказу командующего Северным флотом № 007/оп от 16 сентября 1942 года определялось в целях нарушения общей системы береговой обороны противника на побережье Мотовского залива в ночь с 17 на 18 сентября произвести высадку диверсионного десанта в составе морской пехоты СОР и береговой обороны главной базы (БО ГБ) и, действуя тремя группами по определенным направлениям, уничтожить опорные пункты противника «Могильный», «Обергоф» и «Фишерштайн».

В зависимости от общей задачи отдельным исполнителям приказывалось:

— командующему СОР Северного флота в ночь с 17 на 18 сентября 1942 года произвести высадку разведывательного отряда из состава разведывательных частей морской пехоты СОР на побережье Мотовского залива и уничтожить опорные пункты «Могильный» и «Обергоф».

В качестве десантно-высадочных средств в распоряжение командующего СОР выделялось шесть катеров МО и пять сторожевых катеров типа «Мотобот». На эти же корабли возлагались задачи артиллерийской подготов-

¹ Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 34.

ки высадки десанта и артиллерийской поддержки его действий на берегу¹;

— коменданту БО ГБ — в ночь с 17 на 18 сентября 1942 года осуществить высадку разведывательного отряда 82-й отдельной морской стрелковой бригады на западный берег губы Большая Западная Лица и «уничтожить опорный пункт противника «Фишерштайн».

В качестве десантно-высадочных средств коменданту БО ГБ придавались два катера МО и два сторожевых катера типа «Мотобот», на которые возлагались также задачи артиллерийской подготовки высадки десанта и артиллерийской поддержки его действий на берегу.

После выполнения задачи обратная посадка высаженных на берег подразделений должна была осуществляться в пунктах высадки;

— командующему ВВС Северного флота — во-первых, быть готовым прикрыть истребительной авиацией действия десанта на берегу и обратную посадку его на катера в светлое время суток; во-вторых, в светлое время суток иметь штурмовую и бомбардировочную авиацию в готовности к уничтожению резервов противника.

По замыслу командования, успех операции «обеспечивался внезапностью высадки и одновременностью действий десантных отрядов на берегу».

Приказом командующего флотом пункты посадки для подразделений и частей СОР определялись в бухтах Эйна и Озерко, а отдельной разведывательной роте 82-й ОМСБР БО ГБ — в губе Сайда. Этим же приказом были определены четыре пункта высадки. Время на переход десантно-высадочных средств определялось с 23.00 до 24.00 17 сентября.

Время окончания боевых действий по уничтожению опорных пунктов согласно приказу определялось к рассвету 18 сентября 1942 года².

В соответствии с принятым командующим Северным

¹ Там же.

² Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 34—35.

флотом решением на высадку диверсионного десанта частям были даны предварительные распоряжения. 16 сентября 1942 года был отдан боевой приказ командующего СФ № 007/оп. К этому же времени были разработаны ТУС для связи разведотряда 82-й ОМСБР с кораблями, штабом БО ГБ, штабом СФ (через НП «Гроза»), а 17 сентября и плановая таблица.

Подготовка подразделений и частей к высадке в составе диверсионного десанта началась 16 сентября 1942 года, т.е. за сутки.

В 13.00 16.09 командующий СОР приказал командиру 12-й ОМСБР полковнику В.В. Рассохину, назначенному командовать операцией, сформировать сводный разведывательный отряд в составе разведчиков и автоматчиков 12-й и 63-й отдельных морских стрелковых бригад численностью до 600 человек и в ночь с 17 на 18 сентября вместе с приданными 70 саперами 338-го отдельного саперного батальона СОР и 50 разведчиками РО СФ осуществить посадку на шесть катеров МО и пять сторожевых катеров типа «Мотобот» и после совершения перехода через Мотовский залив высадиться в трех пунктах высадки в районе опорных пунктов «Могильный» и «Обергоф» и уничтожить их¹.

Для артиллерийской подготовки высадки и артиллерийской поддержки действий десанта на берегу, кроме катеров МО и сторожевых катеров типа «Мотобот», привлекались пять артиллерийских батарей (семь 152-мм и три 122-мм орудия) 104-го ПАП.

В состав подчиненного командиру 12-й ОМСБР сводного диверсионного отряда вошли два разведывательных отряда:

№ 1 (командир отряда — командир 4-го СБ 63-й ОМСБР капитан В.С. Буянов), включавший отдельную разведывательную роту, усиленную разведзводами всех четырех батальонов бригады; отдельную роту автоматчиков; 50 разведчиков РО СФ, 50 саперов 338-го ОСБ. Отряд

¹ *Кабанов С.И. Указ. соч. С. 89.*

имел задачу высадиться с трех катеров МО и трех сторожевых катеров типа «Мотобот» в районе (2270) и, развивая наступление в юго-западном направлении, выйти к южному берегу губы Кислая, откуда стремительным ударом с тыла в направлении полуострова Могильный, уничтожить расположенный там опорный пункт противника.

Одновременно отряд должен был произвести разведку в районе Безымянного мыса (2266). Помимо катеров отряд поддерживали 1-я, 3-я и 6-я артиллерийские батареи 104-го ПАП¹.

Разведывательный отряд № 2 (командир отряда — командир 2-го СБ 12-й ОМСБР майор А.П. Боровиков) численностью 320 человек в составе усиленной отдельной разведывательной роты, отдельной роты автоматчиков с саперным взводом 338-го ОСБ имел задачу, высадившись с трех катеров МО и двух сторожевых катеров типа «Мотобот» в двух пунктах высадки: № 2 (2270) — отдельная рота автоматчиков с саперным взводом (майор Боровиков); № (2074) — усиленная отдельная разведывательная рота (старший лейтенант Грачев), обойти опорные пункты, сосредоточиться в районе озера «Подошва», а затем ударом с тыла уничтожить опорный пункт противника «Обергоф»².

Для артиллерийской поддержки высадки и артиллерийской поддержки действий десанта на берегу, кроме катеров МО и сторожевых катеров типа «Мотобот», выделялись две батареи (8-я и 9-я) 104-го ПАП.

Командир 104-го ПАП получил приказ подготовить участки неподвижного заградительного огня (1874, 1872, 2070, 2068, 2066, 2266, 2264) для воспреещения подхода резервов противника, а также участки сосредоточенного огня для подавления артиллерийских и минометных батарей противника и уничтожения его наблюдательных пунктов и прожекторов.

¹ Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 36—37.

² Архив штаба Ленинградского военного округа (АШ Лен. ВО). Ф. 2. Оп. 43784с. Д. 31. Л. 37.

В качестве резерва были выделены батальон 254-й ОМСБР (530 человек), размещавшийся в районе перешейка полуостровов Рыбачий и Средний, и стрелковая рота (район Озерки)¹.

Штаб Северного оборонительного района разработал следующие боевые документы:

- боевой приказ командующего СОР;
- расчетная таблица сосредоточения десанта в пунктах посадки;
- расчетная таблица на посадку и высадку;
- ТУС управления десантом;
- ТУС для связи с артиллерией;
- схема решения;
- схема связи.

16 и 17 сентября 1942 года с командным составом сводного диверсионного отряда при участии командира 104-го ПАП и командира отряда катеров ОВР было проведено два совещания по изучению плана операции, уточнению задач подразделений, организации взаимодействия и связи².

На основании приказа командующего Северным флотом комендант береговой обороны главной базы 16 сентября 1942 года приказал командиру 82-й отдельной морской стрелковой бригады сформировать разведывательный отряд и поставил задачи на операцию.

Отряд был сформирован в этот же день в составе отдельной разведывательной роты, отдельной роты автоматчиков и саперного отделения общей численностью 213 человек. Командиром разведывательного отряда был назначен заместитель командира 82-й ОМСБР майор Люден.

Разведывательный отряд получил задачу высадиться на побережье Мотовского залива в 3 км севернее опорного пункта противника «Фишерштайн» и уничтожить его. Вооружение отряда состояло из стрелкового оружия, в том числе восемь ручных пулеметов РПД, 90 пистолетов-пуле-

¹ Там же.

² Там же.

метов ППШ и 122 винтовки, включая 70 самозарядных винтовок СВТ. Из средств связи имелось: одна рация РЛ-6 (в отряде) и одна рация 6-ПК (в распоряжении офицера связи штаба Северного флота на береговом НП «Гроза»)¹.

К рассвету 17 сентября 1942 года все участвующие в операции разведывательные отряды 12-й, 63-й, 82-й отдельных морских стрелковых бригад, а также РО СФ и приданные подразделения своевременно заняли свои районы ожидания:

— разведывательный отряд 63-й ОМСБР (командир — капитан Буянов) в губе Мотка;

— разведывательный отряд 12-й ОМСБР (командир — майор Боровиков) в губе Эйна;

— разведывательный отряд 82-й ОМСБР БО ГБ (командир — майор Люден) в губе Сайда.

В целях маскировки предназначенные для высадки разведывательных отрядов катера рассредоточились по берегам бухт.

Однако сосредоточение значительного количества кораблей в губе Мотка, вероятно, не осталось незамеченным для противника, так как в 13.30 его 105-мм трехорудийная батарея начала обстрел указанного района. До 16.00 эта батарея произвела 20 залпов, к счастью, не причинивших повреждений ни катерам, ни береговым объектам.

В 16.30 над губой Мотка появился самолет противника типа ФВ-198, сделавший три облета на высоте 1500 — 2000 метров².

Обстрел губы Мотка и появление самолета-разведчика свидетельствовали о нарушении скрытности готовящейся операции.

Посадка диверсионного десанта на корабли в четырех пунктах производилась в разное время с целью одновременного (учитывая различные скорости десантно-выса-

¹ Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 38.

² АШ Лен. ВО. Ф. 2. Оп. 42784. Д. 31. Л. 39.

дочных средств) прибытия всех десантных отрядов в пункты высадки.

Первыми приняли десант два акустических катерных тральщика (№ 409 и № 412), которые в 15.00 17 сентября вышли из губы Сайда в губу Винчаны (35 миль от Сайды), где было назначено рандеву с катерами МО (№ 124 и № 132). Последние, придя в Сайда-губу, с 19.30 до 19.40 приняли 103 разведчика, после чего вышли к губе Винчаны. Таким образом, посадка разведывательного отряда 83-й ОМСБР пошла в соответствии с планом операции.

В 21.00 в губе Мотка начала посадку часть разведывательного отряда 63-й ОМСБР капитана Буянова. В 21.30 три сторожевых катера (№ 218, 225 и 226), приняв на борт 205 морских пехотинцев, вышли на рейд¹.

В 21.30 на пирсе бухты Озерко (губа Мотка) начала посадку на три катера МО другая часть этого отряда в количестве 185 человек. Следует отметить, что вследствие запоздалого прибытия подразделений к причалам посадка здесь производилась неорганизованно. При этом часть личного состава осуществила посадку не на свои катера, и командирам пришлось размещать их по кораблям в соответствии с расчетной таблицей.

С целью одновременного подхода катеров к пунктам высадки с учетом тихоходности сторожевых катеров последние начали движение в 22.00, а катера МО — в 22.45.

Посадка на корабли разведывательного отряда 12-й ОМСБР майора Боровикова была осуществлена в период с 21.30 до 22.05 17 сентября в губе Эйна и прошла организованно.

В 22.07 из этого пункта посадки вышли два сторожевых катера (№ 215 и 216)². Временной интервал между выходами этих групп кораблей (30 минут) был обусловлен теми же соображениями, что и в первых двух случаях, но был явно недостаточен, так как не предусматривал

¹ АШ Лен. ВО. Ф. 2. Оп. 42784. Д. 31. Л. 39.

² Там же.

резерва времени на случай непредвиденной задержки во время перехода.

Переход морем разведывательного отряда 63-й ОМСБР на полностью затемненных кораблях был совершен в соответствии с намеченным планом и скрытно от противника.

Оценивая состояние погоды, следует отметить, что сила ветра норд-ост-норд составляла 3 — 4 балла, волнение моря — 3 балла. При этом видимость до одной мили способствовала скрытности перехода и давала возможность катерам выдерживать предусмотренную планом скорость на переходе.

Катера МО, вышедшие из губы Мотка на 45 минут позже группы сторожевых катеров, догнали ее на подходе к пункту высадки № 1 и первыми подошли к берегу.

В 23.28 17 сентября при подходе к берегу катера МО были неожиданно освещены осветительной ракетой и обстреляны из стрелкового оружия. Считая себя обнаруженными, катера открыли ответный огонь из орудий и пулеметов, подошли к берегу и в 23.30 начали высадку десанта¹. Через 15 минут все перевозимые на катерах МО подразделения были высажены на берег.

В более неблагоприятных условиях осуществлялась высадка десанта со следовавших за катерами МО сторожевых катеров, которые из-за мелководья не смогли подойти к береговой черте и были вынуждены использовать для высадки личного состава десанта шлюпки.

К 24.00 высадка на берег и этой части разведывательного отряда 63-й ОМСБР была завершена.

Как выяснилось впоследствии, отдельная рота автоматчиков из-за потери ориентации была высажена на 1,5 км восточнее определенного приказом пункта высадки, а вся высадка в целом была произведена на 30 — 35 минут позже намеченного плановой таблицей срока.

Разведывательный отряд 12-й ОМСБР майора Боровикова вышел из губы Эйна на катерах двух групп (группа ка-

¹ Кабанов С.И. Указ. соч. С. 91 — 92.

теров МО начала движение через 28 минут после выхода группы сторожевых катеров). Обе эти группы должны были соединиться при подходе к берегу, а затем, разделившись на две группы (первая МО-115 и СКА-215, вторая — МО-111, МО-116 и СКА-216), следовать к пунктам высадки № 2 (первая группа катеров) и № 3 (вторая группа катеров)¹.

Однако, имея неисправное навигационное оборудование, сторожевые катера уклонились от курса, и встречи в намеченном районе не произошло.

В сложившейся ситуации командир группы катеров старший лейтенант Константинов принял решение произвести высадку, не дожидаясь подхода сторожевых катеров, после чего с помощью катеров разыскать потерявшиеся сторожевые катера и привести их к пунктам высадки.

В соответствии с принятым решением катер МО-115 направился к пункту высадки № 2, а катера МО-111 и МО-116 пошли к пункту высадки № 3.

Через некоторое время последние два катера обнаружили СКА-215, командир которого сообщил, что СКА-216 следует самостоятельно, но его местонахождение неизвестно.

После этого СКА-215 был направлен по курсу МО-115, и катера продолжили переход.

В 23.30 МО-111 подошел к берегу и, не встретив противодействия противника, начал высадку десанта. К сожалению, избранный для высадки участок побережья нельзя было назвать удачным. Пологий берег изобилует крупными камнями, и десанту пришлось добираться до берега по пояс в воде. Закончив в 23.45 высадку, МО-111 вышел на поиск СКА-216. В это же время начал продолжавшуюся 15 минут высадку десанта и МО-116.

В 23.50 был обнаружен СКА-216, направленный к пункту высадки № 3. Как выяснилось, этот имевший компас без освещения катер уклонился от курса далеко на ост, что и явилось причиной его задержки. Следует отметить,

¹ АШ Лен. ВО. Ф. 2. Оп. 42784. Д. 31. Л. 41.

что и в дальнейшем СКА-216 оказался не в состоянии выдерживать заданный курс, постоянно уклонялся от него и, в довершение всего, не дойдя до берега, сел на камни. Причем попытка снять его с мели при помощи МО-111 не имела успеха. Оценив обстановку, командир группы катеров решил пересадить десант со СКА-216 на МО-111 и высадить его на берег. При швартовке к борту СКА-216 катер МО-111 развернуло ветром, и он сел винтами на камни. Попытки катера самостоятельно сняться с камней оказались безуспешны.

В 0.50 к катеру МО-111 подошли два катера — МО-115 и МО-133, при этом последнему с помощью поданного буксира на МО-111 удалось снять его с мели. После проверки выяснилось, что МО-111 не потерял управления и сохранил способность двигаться малым ходом¹. К этому времени СКА-216 самостоятельно снялся с камней и направился к месту высадки, где вторично сел на камни. Имея глубину по носу больше двух метров, катер не мог высадить десант в воду. Вдобавок ко всему СКА-216 был обнаружен противником и обстрелян из минометов.

Для уточнения обстановки МО-111 подошел к злополучному катеру на дистанцию голосовой связи и установил, что десант все еще находился на борту. Более того, от огня противника имеются потери в личном составе. Сложившаяся с катером крайне неблагоприятная обстановка усугублялась тем обстоятельством, что высадочные средства оказались разбитыми и пришли в полную негодность.

Только в 2.00 18 сентября командир отряда кораблей капитан 1-го ранга Константинов приказал найти любой сторожевой катер со шлюпкой и направить его для снятия десанта со СКА-216.

Через 26 минут на помощь СКА-216 был направлен катер СКА-226, которому только к рассвету удалось найти нуждающийся в помощи катер и снять с него шесть раненых и одного убитого. При этом выяснилось, что

¹ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 41.

весь десант и остальная часть команды в 01.30 самостоятельно высадились на берег и ведут боевые действия¹.

Нет необходимости доказывать, что подобные действия некоторых кораблей не способствовали успешной и своевременной высадке десанта.

В пункте высадки № 2, где высаживалась отдельная рота автоматчиков с саперным взводом разведывательно-го отряда 12-й ОМСБР, катер МО-115 скрытно, без противодействия противника подошел к берегу, быстро произвел высадку десанта и в 23.34 отошел на чистую воду. В одном кабельтове от берега этот катер обнаружил СКА-215 и направил его к берегу. В 23.50 МО-115, желая проверить ход высадки десанта, подошел к СКА-215 и установил, что последний из-за отмелости не смог подойти к берегу вплотную и успел высадить только 5 человек. При этом трап до берега не доставал, шлюпка оказалась приотпленной, вследствие чего морские пехотинцы вынуждены были высаживаться в ледяную воду.

С целью ускорить высадку десанта МО-115 подошел носом вплотную к берегу и, подтянув к СКА-215 свою корму, начал высадку. В это время СКА-215 вопреки просьбе командира МО-115 не менять своего места до полного окончания высадки, тем самым позволяя МО-115 удерживаться в удобном положении, пересадил оставшуюся на его борту часть десанта на МО-115, затем оставил его и ушел на чистую воду. Такой маневр сторожевого катера привел к тому, что корму МО-115 забросило волной, и последний оказался поставленным лагом к берегу, вследствие чего последняя партия десанта вынуждена была вновь высаживаться по пояс в воде.

Только к 0.10 18 сентября личный состав этой группы десанта без потерь и противодействия противника достиг берега.

Не смог своевременно высадиться на берег и разведывательный отряд 82-й ОМСБР БО ГБ (командир — майор

¹ АШ Лен. ВО. Ф. 2. Оп. 42784. Д. 31. Л. 41.

Люден). В 22.40 катера МО, обогнав акустические катерные тральщики, подошли к берегу и начали высадку, которая прошла без противодействия противника и была завершена к 23.07. После этого катера МО отошли на чистую воду для того, чтобы дать возможность произвести высадку КАТЩ-409, но последних поблизости не оказалось.

Как выяснилось в дальнейшем, командиры акустических катерных тральщиков, увидев, что местность освещается ракетами, стремясь сохранить скрытность, отошли от берега, развернулись и начали подход к пункту высадки со стороны моря. Этот маневр занял немало времени, вследствие чего высадка десанта с акустических катерных тральщиков задержалась на полтора часа и была произведена только к 1.15 18 сентября¹.

Низкая организация высадки диверсионного десанта не могла не сказаться на действиях морских пехотинцев на берегу. Так, некоторые подразделения разведывательного отряда 63-й ОМСБР под командованием капитана Буянова потеряли связь друг с другом. Причиной этого послужило то обстоятельство, что отдельная рота автоматчиков была высажена в полутора километрах восточнее остальных подразделений отряда, вследствие чего потеряла ориентацию и участия в боевых действиях не принимала.

Основная часть разведывательного отряда — отдельная разведывательная рота (командир — старший лейтенант А.Я. Юневич), усиленная разведвзводами всех четырех батальонов 63-й ОМСБР, разведчики штаба флота под командованием ст. лейтенанта Н.Ф. Фролова и саперный взвод были высажены точно в намеченном месте.

Следует отметить, что РО СФ, имевший задачу вывести весь разведывательный отряд 63-й ОМСБР к объекту атаки — опорному пункту противника — «Могильный», после высадки на берег оторвался от остальных подразделений и в течение двух часов ожидал их в районе высадки, после чего, так и не дождавшись подхода основ-

¹ Сб. материалов по боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 42.

ных сил, начал движение по намеченному маршруту. Через час после начала движения разведчики штаба флота встретили отдельную разведывательную роту старшего лейтенанта Юневича, где находился и капитан Буянов¹.

К 4.20 весь разведывательный отряд 63-й ОМСБР (без отдельной роты автоматчиков) достиг юго-восточного берега губы Кислая. Командир отряда капитан Буянов ввиду недостатка темного времени решил разведку местности не проводить, а начать движение к полуострову Могильный. При этом разведывательный отряд имел следующий боевой порядок:

— разведчики РО СФ под командованием старшего лейтенанта Фролова двигались вдоль восточного берега губы Кислая в направлении полуострова Могильный;

— правее и несколько сзади совершала движение отдельная разведывательная рота ст. лейтенанта Юневича;

— резерв (30 человек) следовал за ротой Юневича².

При подходе разведчиков Фролова к перешейку полуострова Могильный они были обнаружены противником. Старший лейтенант Фролов, будучи уверен, что за ним следует основная часть отряда, решил атаковать. Однако его разведчики, не добежав 70 — 80 метров до немецких дзотов, были остановлены сильным пулеметным и минометным огнем противника. В сложившейся обстановке командир разведчиков РО СФ отправил связных к командиру отряда с просьбой о помощи. Однако возвратившиеся через 15 — 20 минут связные доложили, что капитан Буянов с отдельной разведывательной ротой оставил поле боя, а немцы выходят в тыл разведчикам. Старший лейтенант Фролов решил организовать круговую оборону и принять бой.

Как стало известно позднее, капитан Буянов, мягко говоря, растерялся и дал сигнал отхода к пункту обратной посадки³.

¹ Кабанов С.И. Указ. соч. С. 94.

² АШ Лен. ВО. Ф. 2. Оп. 42784. Д. 31. Л. 43.

³ Кабанов С.И. Указ. соч. С. 95.

Это усугубило положение разведчиков старшего лейтенанта Фролова, которые к 10.00 были окружены и разъединены противником на три части. Находившуюся на левом фланге группу численностью 19 человек возглавил будущий дважды Герой Советского Союза краснофлотец В.Н. Леонов, центром (15 человек) командовал старший лейтенант Фролов, а правофланговой группой (21 человек) — старшина 1-й статьи Никандров. Только личная храбрость и отвага брошенных Буяновым разведчиков помогли им прорваться из окружения. Выходили с боями, уничтожив около 100 солдат и офицеров противника и четыре пулеметных расчета. При этом потери разведчиков РО СФ составили шесть человек убитыми и семь ранеными. Причем старший лейтенант Фролов был ранен дважды. Его вынесли с поля боя два разведчика — старшина 2-й статьи Мотовилин и матрос Хабалов. Съемка разведчиков РО СФ с побережья производилась катерами МО в период между 17.00 18 сентября и 0.00 20 сентября. Следует отметить, что группа Леонова вела бой в окружении до 21.00 18 сентября, отразила все атаки противника и, вырвавшись из окружения, еще целые сутки провела в тылу противника¹. Общие потери разведчиков старшего лейтенанта Фролова составили убитыми 15 человек, ранеными — 14 человек и пропавшими без вести — 2 человека.

Разведотряд 12-й ОМСБР высадился в двух пунктах высадки и, не встретив сопротивления противника, начал развивать наступление в глубь материка тремя группами.

Первая группа (отдельная рота автоматчиков) вместе с командиром отряда в ходе движения обнаружила не отмеченную на карте дорогу. Майор Боровиков сообразил, что эта дорога связывала опорные пункты противника с Титовкой и с целью воспреещения подхода по ней резервов приказал ее заминировать. Саперы установили на ней 67 противотанковых и противопехотных мин, после чего группа продолжила движение в обход опорного пункта

¹ Там же.

«Обергоф» и наткнулась на направлявшуюся к нему колонну немцев силой до роты. Полагая, что это идет подкрепление гарнизону «Обергофа», майор Боровиков решил атаковать противника, который потерял только убитыми 75 солдат и офицеров. После этого отдельная рота автоматчиков, обнаружив неизвестный опорный пункт противника, уничтожила там пять землянок, склад боеприпасов, один дзот, 40 ящиков винтовочных патронов и захватила два пулемета, а также несколько автоматов и винтовок¹.

Вторая группа (разведчики под командованием начальника штаба 4-го СБ старшего лейтенанта Ф.И. Хижняка), как уже отмечалось, была высажена в пункте высадки № 3 крайне неудачно. Сторожевой катер типа «Мотобот», на котором находилась группа, наскочил на банку² и не смог подойти к берегу. Попытки других катеров помочь ему сняться успеха не имели. По образному выражению Хижняка, их мотобот «словно жук, посаженный на булавку», стоял на месте не в состоянии выйти из создавшегося положения. В это время с большим трудом удалось протянуть на берег трос, по которому разведчики выбрались на берег. Все это заняло около трех часов. После этого промокшие в ледяной воде и промерзшие до костей, разведчики старшего лейтенанта Хижняка выдвинулись к немецкому опорному пункту и завязали бой³. Подавить оборону противника и продвинуться вперед группа не смогла и по сигналу отошла к месту обратной посадки на корабль.

К этому же опорному пункту вышла и отдельная рота автоматчиков с майором Боровиковым, но была скована

¹ Кабанов С.И. Указ. соч. С. 95—96.

² Б а н к а — обособленный участок морского дна, отличающийся от окружающего его пл. значительно меньшими глубинами (отдельно расположенная мель).

³ Барченко-Емельянов И.П. Фронтовые будни Рыбачьего. — Мурманск: Кн. изд-во, 1984. — С. 62—63.

сильным огнем и не смогла соединиться с группой Хижнякова до получения сигнала об отходе.

Имелись сложности и при высадке третьей группы (отдельная разведывательная рота под командованием старшего лейтенанта Н.И. Грачева). Так, в двухстах метрах от берега сел на банку сторожевой катер типа «Мотобот» со штурмовой группой лейтенанта М. Зуева. В это время над берегом взвились ракеты, открыли огонь пулеметы, начался минометный обстрел. Появились раненые и убитые, однако снимать катер с камней было некому. В этой крайне неблагоприятно складывавшейся обстановке разведчики морской пехоты проявили мужество и самоотверженность. Лейтенант Зуев, увлекая за собой подчиненных, первым бросился в студеною воду и поплыл к берегу. Примеру командира последовали разведчики его взвода и взвода младшего лейтенанта Рудыкина. Немцы открыли по ним ураганный огонь. Над головами свистели пули, в воде с особым ревом рвались мины. По выбравшимся на берег разведчикам открыли огонь два немецких пулемета. Не дожидаясь выхода на берег всей штурмовой группы, лейтенант Зуев с восьмью разведчиками быстро поднявшись по водостоку, подавил огневые точки противника противотанковыми гранатами. После этого морские пехотинцы с криком «Ура!» бросились в атаку, которая перешла в рукопашную схватку. Часть немцев, не выдержав стремительного удара, бросила окопы, два пулемета и побежала вниз¹.

Когда к высоте, где находился опорный пункт «Обергоф», подошла вся группа старшего лейтенанта Грачева, бой разгорелся с новой силой и продолжался около пяти часов. В этом ночном бою отдельная разведывательная рота фактически истребила личный состав пулеметного и минометного взводов противника, двух пулеметных отделений общей численностью около 50 солдат и офицеров; захватила 16 дзотов и три дота, из числа которых уничто-

¹ Зуев М.М. Указ. соч. С. 73—74.

жила 10 дзотов (остальные не были уничтожены из-за нехватки взрывчатки).

По окончании боя наблюдатели доложили, что со стороны Титовки слышен шум моторов. Вскоре появились и машины¹. В это время от майора Боровикова прибежал связной и передал приказ прикрыть отход разведывательного отряда. Расположив на высоте пулеметы, в том числе два трофейных, разведчики заняли оборону. Первая из следовавших в колонне машин противника подорвалась на противотанковой mine, остальные остановились. Немцы выскочили из машин и, развернувшись в боевой порядок, перешли в атаку. В это время открыли огонь пулеметы лейтенанта Зуева, которые заставили противника залечь.

По сигналу «Окончание операции» группа старшего лейтенанта Грачева под прикрытием огня катеров МО отошла на побережье, произвела посадку на катера и вышла в направлении губы Эйна².

Общие потери сводного разведывательного отряда Северного оборонительного района за время операции составили: убитыми 27 человек, умершими от ран — 2 человека, ранеными — 57 человек, без вести пропавшими — 20 человек³.

Таким образом, разведывательный отряд 12-й ОМСБР под командованием майора Боровикова свою задачу по разгрому опорного пункта «Обергоф» выполнил, однако часть объектов оказалась неуничтоженной вследствие нехватки взрывчатых веществ.

Разведывательный отряд 63-й ОМСБР под командованием капитана Буянова поставленную задачу по вине командира не выполнил.

Что касается боевых действий разведывательного отряда 82-й ОМСБР береговой обороны главной базы (ко-

¹ Там же. С. 74.

² Зуев М.М. Указ. соч. С. 74.

³ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С.

мандир — майор Люден), то следует прежде всего отметить, что он тоже не достиг успеха.

После высадки на берег без противодействия противника, разведывательный отряд, выслав походное охранение, в 1.25 18 сентября начал движение по намеченному маршруту.

При подходе к высоте с отметкой 173.4 головной дозор оторвался от основных сил отряда и уклонился в сторону. Посланные для его поиска разведчики никого не обнаружили.

Не встречая противодействия противника, но затратив значительное количество времени на движение по труднопроходимой местности, командир отряда принял решение изменить маршрут.

В 4.50, не встретив противника, отряд вышел на побережье бухты Замогильная, где, выслав к опорному пункту «Фишерштайн» разведку, замаскировался и стал ожидать результатов.

Вернувшийся через полтора часа командир разведгруппы доложил, что обнаружил трехорудийную 75-мм батарею и четыре землянки противника. При этом разведчики изучили движение отдельных мелких групп в районе высоты 118.0 и установили места охранявших батарею постов. После этого в связи с наступлением темноты майор Люден решил возвращаться в базу.

В 6.40 разведывательный отряд 82-й ОМСБР произвел обратную посадку на два акустических катера-тральщика и один катер МО, после чего первые два катера были направлены в губу Винчаны, а майор Люден на катере МО подошел к НП «Гроза», откуда связался с командующим Северным флотом.

Доложив командующему обстановку, майор Люден попросил разрешения перенести операцию по уничтожению опорного пункта противника «Фишерштайн» на следующую ночь, но получил отказ¹.

¹ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 45.

Прежде чем сделать выводы по действиям сводного разведывательного отряда СОР и разведывательного отряда БО ГБ, высаженных в составе диверсионных десантов на южное побережье Мотовского залива 17 сентября 1942 года, следует отметить, что эта операция была спланирована, подготовлена и проведена необдуманно и скоротечно, без оценки состояния и прежде всего уровня боевой подготовки участвовавших в ней соединений и частей морской пехоты, должной оценки противника, а также степени готовности предназначенных для высадки десантов кораблей, в том числе их технического состояния и обученности экипажей. Так, из соединений морской пехоты только 12-я отдельная морская стрелковая бригада (бывшая 12-я особая бригада морской пехоты) имела опыт боевых действий. Более того, она высаживалась в составе оперативно-тактического десанта в ходе Мурманской наступательной операции в мае — апреле 1942 года. Наконец, сформированный на основе ее частей сводный разведывательный отряд под командованием майора Боровикова успешно выполнил сложную боевую задачу, действуя в составе диверсионного десанта, высаженного в районе мыса Пикшуев 11 сентября 1942 года, т.е. за шесть дней до рассматриваемой операции.

Что же касается 63-й отдельной морской стрелковой бригады, то она была сформирована только 4 июля 1942 года в Уральском военном округе (в отличие от 12-й ОМСБР, сформированной как 12-я особая бригада морской пехоты 15 сентября 1941 года). 11 июля 1942 года 63-я ОМСБР в соответствии с приказом Ставки ВГК прибыла из Архангельского военного округа в Мурманск, а затем была переброшена на полуостров Рыбачий¹.

31 июля на основании приказа наркома обороны и наркома ВМФ от 12.07.1942 года был создан Северный оборонительный район, в состав которого после ряда преформирований вошли 12, 63 и 254-я отдельные морские

¹АО ЦВМА. Ф. 11. Д. 35481. Л. 293 — 309; Ф. 112. Д. 1544. Л. 79, 79об.

стрелковые бригады. Причем прославившаяся в боях за Мурманск 12-я особая бригада морской пехоты по непонятным причинам, видимо, для однообразия и удобства была также переименована в морскую стрелковую бригаду.

Таким образом, такое оперативное объединение, как Северный оборонительный район, по истечении всего каких-то полутора месяцев начало планировать и проводить сложнейшие во всех отношениях высадки диверсионных десантов. В ст. 299 «Наставления по ведению морских операций» указывалось, что «..Десантная операция относится к одной из наиболее активных операций и в то же время наиболее сложных, поэтому раз начатая, она должна проводиться со всей решительностью и упорством, но для обеспечения успеха она должна быть тщательно подготовленной». Кроме того, в выводах Директивы по опыту десантных операций ВМФ за 1941 — 1942 годы № 15729/сс от 18 июля 1942 года народный комиссар ВМФ отмечал, что «отсутствие времени на подготовку войск к самой операции и явилось основной причиной, вследствие которой большая часть десантов с поставленными им задачами не справилась»¹.

Невольно складывается впечатление, что командующий Северным флотом и командующий Северным оборонительным районом этих руководящих документов не читали. Иначе как можно объяснить тот факт, что на всю подготовку трех разведывательных отрядов, выделяемых от трех соединений морской пехоты к высадке в составе диверсионных отрядов, отводилось равно 35 часов². Так, приказ командующего Северным флотом на высадку диверсионных десантов в ночь на 18 сентября 1942 года был получен утром 16 сентября 1942 года, а плановая таблица штаба СФ — в день проведения операции.

Судя по мемуарам, это удивляло и самого командую-

¹ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 27.

² *Кабанов С.М.* Указ. соч. С. 90.

шего СОР, который отмечал, что все было решено «без учета времени на подготовку частей и без выбора времени для удара»¹.

Не менее удивительно и то, что при фактически действующем командующем Северным оборонительным районом генерал-лейтенанте береговой службы С.И. Кабанове командовать операцией по его приказу назначается командир 12-й отдельной морской стрелковой бригады полковник В.В. Рассохин.

Попросту говоря, командиры привлекаемых к операции подразделений и частей времени на ее подготовку не имели. Так, командир разведывательного отряда 82-й ОМСБР майор Люден узнал об операции только утром 17 сентября из документов, разработанных штабом береговой обороны главной базы. Командир группы катеров МО капитан-лейтенант Бабанов получил боевой приказ лишь за 30 минут до начала посадки в бухте Озерко.

В «Сборнике материалов по опыту боевой деятельности Военно-Морского Флота» № 1 1943 года в выводах по операции указывалось, что «отдельные исполнители (очевидно, командиры. — Е.А.) по-разному поняли свое подчинение (по правде говоря, понять было сложно), поставленные перед ними задачи и сроки их исполнения»². Так, отмечалось, что командир 12-й ОМСБР, приняв в расчет только категоричную форму приказа (а разве может быть иная форма? — Е.А) — «...уничтожить опорные пункты Могильный и Обергоф, после чего десантному отряду возвратиться в пункт высадки», дал приказание операцию проводить до полного выполнения поставленных десанту задач независимо от времени суток.

Такое решение командира 12-й ОМСБР согласно заключению штаба Северного флота о рассматриваемой операции противоречило замыслу командующего операцией (оказывается, было и такое должностное лицо, кро-

¹ Там же. С. 89.

² Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 51.

ме полковника В.В. Рассохина, которому было приказано командовать операцией — Е.А.): «...операцию осуществить в темное время суток, и если к рассвету десант задачи не выполнит, то операцию свернуть, а части с берега противника вернуть»¹.

В этом же заключении штаба СФ отмечалось, что совершенно по-другому понял приказ командующего СФ командир разведывательного отряда майор Люден, который с наступлением рассвета «отказался от поставленной ему задачи и, не использовав возможности внезапной атаки противника, отошел к заливу, где произвел обратную посадку на корабли и возвратился в базу»². По мнению штаба СФ, такое положение оказалось возможным только потому, что командиры участвовавших в операции частей не получали точных указаний о сроках окончания операции. С этим утверждением трудно не согласиться, так как в боевом приказе все формулировки должны излагаться «кратко и однозначно, чтобы исключить их различное толкование»³.

К числу других причин, обусловивших неудачный исход операции, следует отнести:

— недочеты в работе штабов Северного флота, СОР и БО ГБ при подготовке операции и в ходе ее проведения, выразившиеся в низком качестве основных боевых документов, недооценке трудности выполнения десантом задач на берегу, отсутствии контроля за действиями исполнителей и правильным пониманием ими своей роли и своих задач в операции. Так, в основных документах отсутствовала четко выраженная идея решения; формулировка задач исполнителям была дана с излишней детализацией второстепенных вопросов, в то время как ничего не было сказано о командире высадки, отсутствовало

¹ Сб. материалов по опыту боевой деятельности ВМФ. — № 1. — С. 51.

² Там же.

³ Военная энциклопедия / под общ. ред. И.Н. Родионова. — М.: Воениздат, 1997. — Т. 1. — С. 521.

твердо установленное время окончания боевых действий десанта на берегу и др.;

— отсутствие связи разведывательного отряда 63-й ОМСБР с поддерживающими его батареями 104-го ПАП, вследствие чего артиллерийские батареи противника, которые вели огонь с полуострова Могильного, не были подавлены и продолжали вести огонь в течение всей операции;

— неизученность мест высадки десантов командирами катеров в навигационном отношении;

— незнание командирами катеров навигационной обстановки в пунктах высадки десантов.

Опыт проведения высадки диверсионного десанта выявил следующие обязательные условия для успешной операции:

— скрытность и оперативная маскировка подготовки;

— тщательная разведка противника и пунктов высадки;

— четкая организация управления и взаимодействия;

— краткая, не допускающая различных толкований постановка боевой задачи;

— тщательный подбор личного состава, целенаправленная и эффективная боевая подготовка подразделений и частей, участвующих в операции;

— продуманная обратная посадка десанта.

Наиболее сложной из всех проведенных в Заполярье диверсионных операций с участием разведывательных подразделений и частей морской пехоты Северного флота явились действия сводного разведывательного отряда под командованием капитана И.П. Барченко-Емельянова по уничтожению немецких батарей на мысе Крестовом 9 — 12 октября 1942 года.

После разгрома финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии, а также освобождения Северной Карелии от немецко-фашистских войск и последовавшего затем выхода Финляндии из войны создались благоприятные условия для изгнания противника из пределов Советского Заполярья.

В период с 7 по 29 октября 1941 года войсками Карельского фронта во взаимодействии с частями и соединениями морской пехоты при поддержке береговой артиллерии и кораблей Северного флота была проведена Петсамо-Киркенесская стратегическая наступательная операция, завершившая летне-осеннюю кампанию второй половины 1944 года.

Согласно замыслу операции главный удар наносили войска 14-й армии Карельского фронта из района озера Чапр, высоты 232.7, озера Март-явр в общем направлении на Луостари, Петсамо (Печенга).

Войска фронта после прорыва обороны противника должны были во взаимодействии с соединениями морской пехоты окружить и уничтожить группировку 19-го горноегерского корпуса юго-западнее реки Титовка; в дальнейшем, развивая наступление, овладеть районом Никель, Сальмиярви и, выйдя к государственной границе с Норвегией, полностью освободить Петсамскую область¹.

Утром 7 октября войска ударной группировки 14-й армии после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление и в ходе трехдневных напряженных боев в сложных условиях Заполярья прорвали сильноукрепленную оборону противника и продвинулись на 16 км, расширив фронт прорыва до 20 км.

Значительную роль в Петсамо-Киркенесской стратегической наступательной операции сыграла морская пехота Северного флота. В соответствии с замыслом операции усиленная 12-я Краснознаменная бригада морской пехоты имела задачу прорвать оборону дивизионной группы «Норд» на хребте Муста-Тунтури, а 63-я бригада морской пехоты, высадившись в составе морского десанта на южное побережье губы Малая Волоковая, перерезать дорогу Титовка, Печенга. В дальнейшем обе бригады

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 363. Оп. 6208. Д. 215. Л. 1.

совместно с войсками 14-й армии Карельского фронта должны были наступать на Печенгу¹.

В 1.10. 10 октября 1944 года 63-я БРМП высадилась в указанных пунктах высадки и начала развивать наступление частью сил в тыл обороны противника на перешейке полуострова Средний, а частью сил в направлении озера Ала-Суолмус-Ярви с целью воспрепятствовать отходу частям группы «Норд»².

В 5.00. 10 октября после двухчасовой артиллерийской подготовки начала наступление 12-я БРМП, которая после прорыва обороны противника на хребте Муста-Тунтури к полудню у озера Тие-Ярви соединилась с батальонами 63-й БРМП.

Особого внимания в Петсамо-Киркенесской операции заслуживают действия сводного разведывательного отряда под командованием капитана И.П. Барченко-Емельянова, который имел задачу высадиться в составе диверсионного десанта на южное побережье Мотовского залива, скрытно совершить рейд в тылу противника и уничтожить батареи на мысе Крестовый, обеспечив тем самым высадку морского десанта Северного флота в районе Печенги³.

Следует отметить, что аванпостом Печенги являлась военно-морская база немецкого флота Линахамари, где находились значительные склады противника и куда доставлялся никель для отправки в Германию. Отсюда же вели шоссейные дороги в норвежский порт Киркенес и в центральный район Финляндии. Порт Линахамари находился в глубине Девкиной заводи, на ее правом берегу. Для того чтобы проникнуть в заводь, надо было пройти часть Петсаковского залива (Петсамовуоно) длиной три-четыре мили, которые катерники Северного флота прозвали «коридором смерти», так как он насквозь простреливался береговыми батареями с нескольких мысов залива.

¹АО ЦВМА. Ф. 11. Д. 21492. Л. 6—10.

²Салагин Я. Указ. соч. С. 44.

³Там же.

Самым мощным опорным пунктом, своеобразным бастионом горных егерей, «ключом Линахамари», надежно охранявшим подступы к ней, являлся мыс Крестовый, где размещались опоясанные дотами две четырехорудийные немецкие батареи — одна 82-мм зенитная и противокатерная, а другая 155-мм тяжелых орудий.

После войны командующий Северным флотом адмирал А.Г. Головки вспоминал: «Одним из существенных препятствий... была батарея 150-мм орудий на мысе Крестовом. Она занимала удачное место, откуда простреливала узкий и длинный залив. Не исключалось, что противник простреливал все рубежи в заливе. Понятно, что мы считали эту батарею очень опасной. Корабли с десантом, при условии если это батарея оставалась бы целой, могли понести большие потери. Кроме того, все причалы в гавани Лиина-Хамари простреливались пушками из бетонированных дотов между причалами». Адмирал Головки писал, что мысль захватить батарею на Крестовом силами разведотряда перед прорывом катеров с десантом в залив возникла у начальника штаба СОР капитана 1-го ранга Д.А. Туза, с которым командующим флотом неоднократно обсуждал этот вопрос.

Однако план высадки диверсионного десанта для уничтожения батарей не показывали в официальных документах, «потому что это не получило одобрения»¹.

Вот эти расположенные на высоком скалистом мысе батареи противника предстояло уничтожить разведчикам морской пехоты Северного флота.

Операция по захвату мыса Крестовый готовилась в строжайшей тайне. О ней знали лишь немногие офицеры штабов Северного флота и Северного оборонительного района и командиры разведывательных отрядов. Как вспоминал впоследствии Герой Советского Союза главный старшина М.А. Бабилов: «Мы — разведчики — только мог-

¹ Головки А.Г. Вместе с флотом. 3-е изд. — М.: Воениздат, 1984. — С. 121

ли подозревать, что отряд готовится к какому-то чрезвычайному важному делу»¹.

К началу операции сводный отряд был полностью сформирован и включал разведывательный отряд СОР, разведывательный отряд штаба СФ (42 человек) под командованием лейтенанта В.Н. Леонова, группу артиллеристов 113-го отдельного артиллерийского дивизиона, группу саперов 338-го отдельного саперного батальона, а также радистов и медиков. Общая численность сводного разведывательного отряда составила 195 человек².

В 21.00 9 октября отряд совершил посадку на два катера МО-429, МО-430 и торпедный катер ТКА-211. После перехода морем он был быстро и организованно высажен в губе Малая Волоковая (Варангер-фьорд) и, стремительным броском заняв прибрежные высоты, без потерь вышел из зоны огня противника.

После доклада командира отряда командующему флотом об успешной высадке сводный отряд начал движение к мысу Крестовый.

Предстояло с полной выкладкой общим весом около 40 кг (оружие, боекомплект, пять сутодач продовольствия) пройти в глубоком тылу противника свыше 30 км по труднодоступной горно-тундровой местности, изобилующей глубокими ущельями, отвесными скалами, озерами и реками.

В целях скрытности и других соображений оба разведывательных отряда шли по своему маршруту: отряд штаба СФ — по более короткому, но и более сложному — через сопки и скалы, а отряд СОР под командованием капитана Барченко-Емельянова — более длинным — в обход.

Еще на берегу разведчики оделись в белые маскхалаты, которые заledenели, покрылись коркой и топорщились, мешая движению. Впереди шли головные дозоры

¹ *Бабилов М.А.* Их не называли в сводках. — М.: ДОСААФ, 1987. — С. 105.

² *Барченко-Емельянов И.П.* Указ. соч. С. 139.

из числа наиболее подготовленных разведчиков со специальными картами, точно выдерживая заданный маршрут. Всю ночь не утихала метель. Пришлось идти по колено в снегу, огибая топи, отыскивая перешейки между озерами. По карте маршрут казался почти прямым, однако на местности он оказывался почти вдвое длиннее.

К утру снег сменился дождем, и вся местность снова окрасилась в серо-бурый цвет. Маскхалаты пришлось снять. В целях обеспечения скрытности отряд движение днем не совершал, а рассредоточивался по выложенным на случай боя из камней блиндажам. Весь день 10 октября одиночные самолеты противника на бреющем полете обследовали местность, особенно лощины, водоразделы и каменные сопки, но обнаружить отряд так и не смогли.

С наступлением темноты отряд продолжил движение. В кромешной темноте идти было нелегко. Приходилось часто преодолевать гранитные скалы, вырубать во льду ступени, подтягивать друг друга с помощью канатов. Похожие друг на друга горы, многочисленные ручьи и озера затрудняли ориентирование и замедляли движение.

К утру 11 октября, измотанные ночным переходом, разведчики вышли в район озера Сясяярви, где расположились на отдых. В сумерках отряд продолжил движение и к наступлению темноты вышел на прибрежные отроги у залива Петсамовуоно, с которых просматривались контуры мыса Крестовый. За ним на противоположном берегу виднелся порт Линахамари¹.

Спуститься к мысу Крестовому можно было только по отвесной скале, что было под силу только альпинистам со специальным горным снаряжением. Такого в отряде не было. Опускались по канатам, но их на всех не хватало. Поэтому приходилось использовать рискованный способ. Один из разведчиков, ухватившись руками за какой-нибудь скользкий выступ, повисал над

¹ Барченко-Емельянов И.П. Указ. соч. С. 142—143.

обрывом. Другой сползал по его спине и, нащупав ногами опору, принимал товарища на руки. Следует отметить, что ни один разведчик не упал, не зацепил оружием за камни и не произвел другого шума, способного обнаружить отряд¹. Спуск с отвесной скалы занял около шести часов.

К двум часам ночи отряд вышел к перешейку мыса Крестовый, где командир сводного разведывательного отряда капитан Барченко-Емельянов собрал командира разведотряда штаба СФ и командиров взводов, провел боевое ориентирование, ввел в обстановку и отдал боевой приказ, согласно которому отряд лейтенанта Леонова в количестве 42 человек, усиленный отделением сержанта Лебедева из разведчиков лейтенанта А. Петрова и группы артиллеристов 145-го дивизиона (17 человек), захватывал четырехорудийную 88-мм зенитную батарею, взвод лейтенанта Петрова (без отделения) с группой саперов-подрывников, обойдя вдоль берега опорный пункт противника, атаковал с фланга огневую позицию 150-мм батареи. Взводы старшего лейтенанта А.Н. Синцова, лейтенантов Ю.В. Пивоварова и А.В. Кубарева захватывали штурмом опорный пункт противника, после чего уничтожали береговую батарею.

Атака началась в 5.00 12 октября. Внезапное появление разведывательного отряда ошеломило противника. Однако ряды колючей проволоки и пулеметный огонь на время приостановили продвижение разведчиков лейтенанта Леонова. Ночь озарилась вспышками осветительных ракет. Здесь совершил свой беспримерный подвиг обладавший феноменальной силой разведчик И. Лысенко. В то время когда его боевые товарищи начали стаскивать с себя куртки, плащ-палатки, приближаясь к колючей проволоке, а немцы лихорадочно наводили зенитные орудия, он нечеловеческим усилием вырвал железную крестовину, на которой висела проволока, взвалил ее на

¹ *Бабиков М.А.* Указ. соч. С. 108.

плечи и открыл путь атакующим. Десятки пуль пронзили тело героя, ценой жизни спасшего разведчиков.

Прицельным огнем из автоматов и винтовок по амбразурам двух немецких дотов моряки ослепляли пулеметчиков и короткими перебежками сближались для броска гранат¹.

В это время разведчики отделения главного старшины Баринаова вели тяжелый бой с егерями, отчаянно пытавшимися пробиться к своим огневым позициям, несмотря на большие потери, которые нес противник, очаги сопротивления возникали то в одном, то в другом месте. Тем не менее к рассвету последние очаги сопротивления были подавлены, и первая батарея на вершине скалы оказалась в руках разведчиков морской пехоты.

На захваченной батарее 88-мм подорванным оказалось только одно орудие. Из оставшихся трех орудий посланные с лейтенантом Леоновым артиллеристы 113-го отдельного артиллерийского дивизиона открыли огонь по порту Линахамари.

Но, как оказалось, самые тяжелые испытания были еще впереди.

Противник подверг мыс Крестовый массивированному огневому налету артиллерийских батарей крупного калибра с противоположного берега залива, после чего в середине дня немцы высадили на мысе несколько десантных групп.

Первый немецкий десант в составе двух отделений был полностью уничтожен тремя разведчиками лейтенанта Леонова. Тогда противник изменил тактику и стал высаживать своих егерей на широком участке — в три-четыре километра, вынуждая разведотряд растягивать оборону и тем самым привлекать большее количество разведчиков для противодесантной обороны. Однако и

¹ Леонов В.Н. Лицом к лицу: Воспоминания морского разведчика. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. — С. 117—119.

вторая попытка немцев высадить десант также не увенчалась успехом.

И все же егерям удалось высадиться со стороны скалы, там, где находились раненные отряда. Здесь разгорелся напряженный и ожесточенный рукопашный бой. Воедино слились воинственные крики и отчаянные предсмертные вопли, треск автоматных очередей и лязг затворов, удары прикладов и короткие взмахи кинжалов. Это была та смертельная схватка, когда в ход шли и холодное оружие, и кулаки, и подвернувшийся под руку булыжник.

Разведчики теснили егерей, которые, оказавшись у обрыва скалы, бросились в последнюю атаку, но не смогли добиться успеха и были вынуждены с криками скатиться вниз¹.

В один из самых напряженных моментов боя своевременную поддержку отряду оказала авиация Северного флота. На нескольких парашютах были сброшены боеприпасы и продовольствие. Производя перегруппировку, сводный разведывательный отряд продолжил наступление и к исходу дня взял под контроль весь берег, лишив противника возможности переправлять через залив подкрепление. В это же время все оставшиеся в живых немцы были заблокированы в районе огневых позиций 150-мм батареи. После прибытия на мыс Крестовый обещанной помощи — отдельной разведывательной роты 63-й бригады морской пехоты под командованием капитана И.И. Ильясова гарнизон Крестового капитулировал.

Так закончился поучительный и очень важный в оперативно-тактическом отношении бой за овладение батареями на мысе Крестовом. Следует подчеркнуть, что его результаты повлияли не только на успех высадки тактического десанта морской пехоты в Линахамари, но и на ис-

¹ *Леонов В.Н.* Указ. соч. С. 122—123.

ход всей Петсамо-Киркенесской стратегической операции¹.

Боевыми действиями на мысе Крестовом разведчики морской пехоты вписали славную страницу в историю Великой Отечественной войны, проявив высокие морально-боевые качества в сложных условиях Заполярья.

Командование Северного флота достойно отметило высокое боевое мастерство и героизм сводного разведывательного отряда, исключительную выносливость и физическую подготовку личного состава разведывательных частей СОР и штаба СФ. Указом Президиума Верховного Совета ССР от 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза капитану И.П. Барченко-Емельянову, лейтенанту В.Н. Леонову, старшине 1-й статьи С.М. Агафонову и старшему матросу А.П. Пшеничных.

Ввиду быстро изменяющейся обстановки времени для подготовки десантов не было. Все задачи ставились в устной форме. При этом боевые документы не составлялись, разведка не проводилась, а специальная подготовка подразделений и частей не проводилась. Взаимодействие подразделений и частей морской пехоты с кораблями не отрабатывалось, и последние поддерживали их огнем лишь до момента высадки на берег. За обеспечение действий десанта командование флота отвечало лишь до момента высадки, вследствие чего организация связи на берегу не предусматривалась.

В целях обеспечения скрытности и повышения темпа высадки части и подразделения, как уже отмечалось, перевозились на боевых кораблях. При этом, авиационная и артиллерийская подготовка высадки не проводилась. Артиллерийская поддержка действий десанта на берегу выполнялась одиночными кораблями, стрельба велась, как правило, по площадям и районам предполагаемого нахождения артиллерии, огневых средств и живой силы противника.

Следует отметить, что в 1942 году положение с высадкой диверсионных десантов несколько улучшилось, но

¹ *Кабанов С.И.* Указ. соч. С. 311—312.

все равно в большинстве случаев оставалось неудовлетворительным.

В состав диверсионных десантов в основном выделялись наиболее подготовленные и хорошо вооруженные разведывательные подразделения и части и отдельные роты автоматчиков бригад морской пехоты (морских стрелковых бригад), а также разведывательных отрядов Северного оборонительного района и штаба Северного флота. Численность диверсионных десантов составляла от нескольких десятков до нескольких сот человек. Наиболее успешно действовали в тылу противника сводные разведывательные отряды, включавшие в себя подразделения и части разведчиков и автоматчиков соединений морской пехоты, а также саперные подразделения.

К сентябрю 1942 года командование немецкого 19-го горноегерского корпуса создало на южном побережье Мотовского залива от губы Большая Западная Лица до губы Кутовая систему опорных пунктов, гарнизон каждого из которых состоял из усиленной роты численностью 200 — 250 человек, двух-трех артиллерийских (калибра 75 — 88 мм), двух-трех минометных (калибра 80 — 120 мм) батарей и пяти-шести дотов.

Все опорные пункты поддерживались корпусной артиллерией и предназначались для обороны южного побережья Мотовского залива от действий десантов Северного флота. Одновременно они использовались для нарушений морских коммуникаций между Кольским заливом и полуостровами Рыбачий и Средний. Артиллерия и минометы противника постоянно держали под обстрелом Мотовский залив, используемые СОР порты Эйна и Озерко.

Следует подчеркнуть, что действия авиации, корабельной и береговой артиллерии Северного флота против немецких опорных пунктов на побережье Мотовского залива оказались безрезультатны вследствие надежного укрытия артиллерии противника в горно-тундровой местности.

В связи с вышеизложенным командование Северного флота решило уничтожить указанные опорные пункты противника с помощью диверсионных десантов. Наиболее успешными и классическими с точки зрения подготовки и эффективности следует признать действия сводного разведывательного отряда 12-й ОМСБР, высаженного в составе диверсионного десанта на мыс Пикшуев 11 сентября 1942 года, когда за одну ночь было уничтожено три немецких опорных пункта. Эта операция, которой руководил командир 12-й ОМСБР полковник В.В. Рассохин, была отмечена специальной директивой наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, поставившего ее в пример всем флотам и флотилиям.

Блестящим образцом эффективного боевого применения морской пехоты в составе диверсионного десанта в оперативной глубине обороны противника явилась операция по уничтожению двух немецких батарей на мысе Крестовом, осуществленная сводным разведывательным отрядом под командованием капитана И.П. Барченко-Емельянова, удостоенного вместе с еще тремя разведчиками отряда звания Героя Советского Союза.

В то же время, когда командование флота и СОР в стремлении как можно быстрее решать задачи в тылу противника пренебрегло целенаправленной подготовкой, в том числе подбором и обучением выделяемых в состав диверсионных десантов подразделений и частей, операция оканчивалась провалом. Примером может служить высадка сводного разведывательного отряда в составе разведывательных отрядов двух соединений морской пехоты и штаба СФ 17 сентября 1942 года.

В целом несокрушимый моральный дух, неустойчивый наступательный порыв, высокая подготовка и боевое мастерство, дерзость и самоотверженность разведчиков морской пехоты Северного флота обеспечили их успешное боевое применение в составе диверсионных десантов в 1941 — 1944 годах.

Таблица 2

ДИВЕРСИОННЫЕ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДЕСАНТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ, ВЫСАЖЕННЫЕ СЕВЕРНЫМ ФЛОТОМ В 1941—1944 ГГ.

№ п/п	Дата высадки	Место высадки	Кол-во л/с (чел.)	Состав десантов
<i>1941 г.</i>				
1	29 июля	б. Замогильная	76,	
2	23 октября	Район Титовки	Более 100	Сводный разведывательный отряд
<i>1942 г.</i>				
3	31 августа	Мотовский залив		Взвод отдельной разведывательной роты 12-й ОМСБР
4	11 сентября	М. Пикшуев	357	Сводный разведывательный отряд 12-й ОМСБР: — отдельная разведывательная рота; — отдельная рота автоматчиков; — саперный взвод
5	17 сентября	Побережье Мотовского залива	710	Сводный разведывательный отряд СОР: а) разведывательный отряд 12-й ОМСБР (320 чел.): — отдельная разведывательная рота; — отдельная рота автоматчиков; — саперный взвод
				б) разведывательный отряд 63-й ОМСБР (390 чел.): — отдельная разведывательная рота; — отдельная рота автоматчиков; — часть разведотряда штаба СФ (50 чел.); — два саперных взвода (50 чел.); — два саперных взвода (50 чел.)

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата высадки	Место высадки	Кол-во л/с (чел.)	Состав десантов
			213	Разведывательный отряд 82-й ОМСБР БО ГБ СФ: — отдельная разведывательная рота; — отдельная рота автоматчиков; — саперный взвод
<i>1943 г.</i>				
6	14 февраля	Южное побережье Мотовского залива (б. Мативуоно)	37	Разведывательная группа 63-й ОМСБР
7	20 февраля	Вост. м. Крикун	79	Разведывательный отряд 63-й ОМСБР
8	2 марта	М. Пикшуев	17	Разведывательная группа 12-й ОМСБР
		Южное побережье Мотовского залива	25	Разведывательная группа 63-й ОМСБР
9	24 марта	Зап. м. Пикшуев	41	Разведывательная группа 12-й ОМСБР
10	29 марта	Южное побережье Мотовского залива (б. Мативуоно)	70	Сводный разведывательный отряд: — разведывательный отряд СОР (40 чел.); — разведывательная группа 63-й ОМСБР (30 чел.)
11	11 апреля	О-в Хейнесаари в Варангер-фьорде	34	Разведывательная группа 63-й ОМСБР
12	5 сентября	М. Пикшуев		Разведывательная группа 254-й ОМСБР
13	12 сентября	Южнее м. Пикшуев	283	Разведывательный отряд 254-й ОМСБР: — отдельная разведывательная рота; — отдельная рота автоматчиков; — саперный взвод

№ п/п	Дата высадки	Место высадки	Кол-во л/с (чел.)	Состав десантов
14	23 сентября	М. Пикшуев О-в Кувшин	138 15	Разведывательный отряд СОР Разведывательная группа РО штаба СФ
15	5 октября	Б. Кутовая	26	Разведывательная группа 254-й БРМП
16	9 ноября	М. Лангбунес в Варангерфьорде	26	Разведывательная группа СОР
17	15 декабря	Южная оконечность о-ва Лилле-Эккерё в Варангерфьорде	6	Разведывательная группа
18	21 декабря	Южная оконечность м. Лангбунес в Варангерфьорде	19	Разведывательная группа 12-й СОР
19	22 декабря	В 1,5 милях от м. Пикшуев	152	Разведывательный отряд 254-й БРМП
<i>1944 г.</i>				
20	3 января	Между м. Пикшуев и опорным пунктом «Обергоф»	12	Разведывательная группа СОР
21	4 марта	О. Овечий в Мотовском заливе		Разведывательная группа СОР
22	7 марта	Южное побережье Мотовского залива	120	Разведывательный отряд 254-й БРМП Разведывательный отряд СОР

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата высадки	Место высадки	Кол-во л/с (чел.)	Состав десантов
23	17 марта	Южное побережье Мотовского залива 25	25	Разведывательная группа СОР
24	9 октября	Губа Малая Волоковая	195	Сводный разведывательный отряд

Таблица составлена на основе материалов: АО ЦВМА. Ф. 2. Д. 2, 3263, 3268, 3582, 6484, 6486, 8455; Ф. 3 Д. 6456; Ф. 11. Д. 6496, 6425, 6428, 6534, 35481, 37547; Ф. 112. Д. 145; Ф. 180. Д. 640; Ф. 200. Д. 15735, 24731; Ф. 280. Д. 7447.

«НЕ-СВОЛОЧИ». ПОДГОТОВКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ В СССР ДЛЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО- ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вышедший на российские экраны в начале 2006 года кинофильм «Сволочи», поставленный режиссером Александром Атанесяном по мотивам якобы автобиографической повести живущего в Германии русскоязычного писателя Владимира Кунина (Фейнберга), вызвал широкий интерес отечественной публики к затронутой в этом фильме теме подготовки и использования советских детей и подростков для разведывательно-диверсионных действий во вражеских тылах в годы Великой Отечественной войны. Такой интерес вполне понятен: за 60 с лишним лет, прошедших после Второй мировой войны, ни в нашей стране, ни за рубежом не появилось ни одного исследования, сколько-нибудь глубоко обобщающего эту тему. Вместе с тем в период с 1945 года по настоящее время ее отдельные аспекты освещались в сотнях публикаций. Это и сборники документов центральных и территориальных органов НКВД — НКГБ СССР, осуществлявших в годы войны разведывательную и диверсионную деятельность на оккупированных территориях СССР, и материалы партийных, советских и чекистских органов и армейских штабов, руководивших тогда советским партизанским движением, и воспоминания бывших работников этих органов, а также добровольно поступавших туда на службу подростков военной поры, и документальные биографии их коллег и товарищей, которые не дожили до Победы...

Необходимо подчеркнуть, что ни в одной из многочисленных публикаций, изученных при подготовке дан-

ного исследования, не нашлось никаких подтверждений фантазиям авторов повести и фильма «Сволочи» о том, что в годы Великой Отечественной войны в СССР разведчиков и диверсантов якобы готовили из малолетних уголовников, которых под конвоем НКВД принудительно доставляли в некие секретные школы диверсантов прямо из мест лишения свободы.

На практике, особенно в первый период Великой Отечественной войны, т.е. в 1941 — 1942 годах, главным кадровым резервом для структур, осуществлявших зафронтовую работу по линии НКВД — НКГБ и разведывательных структур Красной Армии, были признаны годными для такой работы по состоянию здоровья, личным и идейно-политическим качествам юноши и девушки, в том числе не достигшие призывного возраста, но добровольно вступившие в ряды истребительных батальонов. Как известно, эти военизированные формирования были созданы постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 года. Изначально истребительные батальоны предназначались для охраны народно-хозяйственных объектов и борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Однако высокие темпы вражеского наступления летом — осенью 1941 года привели к тому, что во многих прифронтовых областях «ястребки», как в просторечии именовали тогда бойцов истребительных батальонов, вместе с регулярными частями Красной Армии и народного ополчения участвовали в оборонительных боях против Вооруженных сил гитлеровской Германии и ее союзников.

Следует отметить, что истребительные батальоны, как и подразделения народного ополчения, формирование которых началось в июле 1941 года, комплектовались из добровольцев, не подлежавших призыву на военную службу по возрасту, состоянию здоровья либо по наличию каких-либо отсрочек. Формально в ополчение и истребительные батальоны принимали добровольцев в воз-

расте от 17 до 55 лет. Однако к осени 1941 года, когда положение на фронтах резко ухудшилось, партийные, военные и чекистские кураторы зачисляли в ополчение и «ястребки» 15 — 16-летних добровольцев.

Нужно также подчеркнуть, что, в отличие от дивизий народного ополчения со штатной численностью в несколько тысяч бойцов и командиров, истребительные батальоны формировались из расчета по 100 — 200 человек на сельский или городской район. Доля коммунистов и комсомольцев в рядах «ястребков» доходила до 80 — 90%, тогда как даже в столичных дивизиях народного ополчения она не превышала 60%. То есть истребительные батальоны создавались не просто из добровольцев, а из наиболее проверенных коммунистов, комсомольцев и советских активистов¹.

Еще один примечательный момент. Формирование частей (батальонов и дивизий, реже — полков) народного ополчения возлагалось на районные, городские и областные комитеты ВКП(б). Командный, или, как он тогда именовался, начальствующий, состав частей народного ополчения комплектовался кадровыми военными, в том числе и призванными из запаса. Что до истребительных батальонов, то в соответствии с упомянутым постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 года и приказом НКВД СССР № 00804 от 25 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» они создавались при территориальных городских, районных и уездных отделах НКВД. Начальниками истребительных батальонов назначались оперативные работники НКВД и милиции, а также пограничных и внутренних войск.

Тем же приказом НКВД СССР за № 00804 от 25 июня 1941 года общее руководство и координация деятельности истребительных батальонов на местах возлагалась на соз-

¹ См. Буков К.И. Все мы были солдатами. Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. — М.: Изд. «Московский рабочий», 1972. — С. 37.

дававшиеся тогда же оперативные группы в республиканских наркоматах и областных управлениях внутренних дел. В соответствии с приказом НКВД СССР № 001151 от 25 августа 1941 года эти временные оперативные группы по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе реорганизовывались в постоянные 4-е отделы НКВД — УНКВД прифронтовых республик, краев и областей. Главными задачами 4 отделов приказ № 001151 определил «организацию и руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп»¹.

Оперативное руководство и общая координация работы 4-х отделов НКВД — УНКВД прифронтовых республик, краев и областей в центральном аппарате НКВД СССР были возложены на созданную приказом по НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 года Особую группу при наркомате внутренних дел, которую возглавил старший майор госбезопасности П.А. Судоплатов. Изначально на Особую группу были возложены задачи разработки и проведения разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее союзников, а также организация на оккупированных территориях СССР подполья, партизанской войны и нелегальных агентурных сетей. Приказом НКВД № 001435 от 3 октября 1941 года Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД СССР. В январе 1942 года 2-й отдел был развернут в 4-е Управление НКВД СССР, которому и были переподчинены ранее образованные 4-е (партизанско-диверсионные) отделы УНКВД краев и областей².

Указанная вертикаль руководства-подчинения позволяла использовать истребительные батальоны в системе НКВД как наиболее многочисленный резерв прошедших

¹ Цит. по: «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Сборник документов. Том второй. Книга 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. — М.: Изд. «Русь», 2000. — С. 518—519.

² См. «ОСНАЗ. От Бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941—1981 гг. — М.: Изд. «ОЛМА-пресс», 2001. — С. 14—16.

спецпроверку «органов» и получивших базовую военную подготовку кандидатов для ведения диверсий и разведки во вражеских прифронтовых тылах на оккупированных территориях. В общей сложности к концу июля 1941 года в прифронтовых областях СССР было сформировано 1755 истребительных батальонов общей численностью в 328 тысяч человек. При этом в Москве и Московской области уже к июлю 1941 года имелось 87 истребительных батальонов общей численностью 28 500 человек, а в Ленинграде и Ленинградской области — соответственно 170 батальонов общей численностью 41 347 человек¹. Для сравнения: штатная численность войск Особой группы при НКВД СССР, из которых в октябре 1941 года была сформирована легендарная Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, составляла на момент их создания в июне — июле 1941 года два полка, т.е. порядка 2 — 2,5 тысячи человек.

Изучая многочисленные мемуары и документальные очерки о юных советских разведчиках-диверсантах 1941 — 1942 годов, многие из которых были тогда моложе 18 лет, можно отметить общие закономерности их подготовки и направления на работу во вражеский тыл:

— вступление добровольца в истребительный батальон по месту жительства либо работы с обязательной рекомендацией территориального райкома комсомола;

— предложение со стороны сотрудников 2-го (впоследствии 4-го) отдела территориального органа НКВД «выполнять особое задание за линией фронта», приближавшегося к родным местам юных добровольцев;

— в случае согласия юные кандидаты в разведчики-диверсанты получали с соблюдением необходимых мер конспирации дополнительную специальную подготовку у инструкторов по линии 2-х отделов региональных Управлений НКВД;

¹ См: Великая Отечественная война. Словарь-справочник. — М.: Политиздат, 1985. — С. 195.

— наконец, юных добровольцев перебрасывали в составе их учебных групп через линию фронта либо оставляли «на оседание» под собственными именами в родных местах накануне вступления туда оккупантов, благо контрразведывательные и карательные органы гитлеровской Германии в первый период войны были нацелены прежде всего на розыск и задержание не подростков, а взрослых из числа местных партийно-советских активистов и попавших в окружение командиров и бойцов Красной Армии.

Действуя указанным образом, 2-й отдел Управления НКВД по Орловской области в августе — сентябре 1941 года отобрал и подготовил для подпольной работы в районном центре Людиново группу подростков в возрасте 16 — 18 лет, которую возглавил 16-летний заместитель секретаря комсомольской организации людиновской средней школы Алексей Шумавцев. После оккупации Людинова гитлеровцами Шумавцев сумел развернуть в районе разведывательную работу, саботаж и агитацию, используя для этого лично знакомых ему школьников в возрасте от 14 лет. Собранную ими разведывательную информацию Шумавцев передавал через курьеров и загодя подготовленные тайники в действовавший в районе Людиново партизанский отряд, созданный на базе местного истребительного батальона и возглавляемый сотрудником Людиновского райотдела НКВД сержантом госбезопасности В.И. Золотухиным.

Деятельность резидентуры Шумавцева (именно так она именовалась и в официальной переписке НКВД!) продолжалась с сентября 1941 до октября 1942 года. С учетом того, что все это время линия фронта находилась в 20 — 30 км от Людиново, можно представить ценность сведений Шумавцева, передаваемых партизанами командованию Брянского фронта. Долгое время юным разведчикам удавалось работать в Людиново в условиях осуществлявшегося специальными и карательными органами гитлеровской Германии жесткого прифронтового

контрразведывательного режима. Однако необходимость расширить деятельность резидентуры, привлекая все новых помощников, осенью 1942 года привела к тому, что о деятельности группы Шумавцева узнали местные осведомители районной немецкой военной комендатуры.

Проверку этих сведений немцы поручили хорошо знавшим Людиново и его жителей чинам вспомогательной полиции из местных пособников оккупантов. В результате их розысков в ноябре — декабре 1942 года были арестованы и вскоре погибли в пыточных застенках либо были казнены сам Шумавцев и 15 наиболее активных участников его резидентуры. Обстоятельства их поимки и стойкого поведения на следствии вплоть до самой казни стали известны лишь в 1957 году, когда органам КГБ удалось найти и задержать одного из главных виновников их гибели — старшего следователя городской полиции Людиново Дмитрия Иванова. По приговору суда он был расстрелян.

12 октября 1957 года, через неделю после того, как в Советском Союзе был запущен первый в мире космический спутник, Указом Президиума Верховного Совета СССР Алексей Семенович Шумавцев, которому на момент гибели не исполнилось 18 лет, был посмертно удостоен высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. Тем же указом четверо его помощников в возрасте не старше 20 лет были посмертно награждены орденами Ленина, еще трое — орденами Красного Знамени¹.

Осенью 1941 года 2-й отдел Управления НКВД по Калининской области сформировал в городке Кувшиново из местных 16 — 17-летних подростков молодежный партизанский отряд, получивший название «Земляки». Назначенный его командиром Виктор Терещатов в своих послевоенных воспоминаниях так описал начальный этап боевой подготовки «Земляков»:

¹ Подробнее см. историко-документальное исследование: *Т.К. Гладков, Ю.М. Калиниченко. Звездная агентура. Секретные материалы свидетельствуют.* — Калуга: Изд. «Золотая аллея», 2000.

«...После первой беседы в райкоме комсомола специально прибывший в Кувшиново для подготовки и засылки людей в тыл противника работник областного управления НКВД Г.А. Митьков распорядился разместить наш отряд в отдельном общежитии и поставить нас на довольствие. Вскоре нас перевели из города на хутор Хорькино. Отряд вооружили 10-зарядными канадскими карабинами, револьверами, кинжалами, гранатами и бутылками с горючей смесью. К нам прикрепили опытного инструктора — старшину по фамилии Серый, и мы с увлечением стали изучать военное дело: стреляли по мишеням, взрывали рельсы, бросали в цель гранаты и бутылки с горючей смесью. Занятия проходили успешно...»¹

Получив первичную подготовку, в ноябре 1941 года юные бойцы отряда «Земляки» были направлены на войсковую стажировку в 179-ю стрелковую дивизию. Вместе с ее разведывательными подразделениями юные диверсанты несколько раз ходили в ночные вылазки за линию фронта. После начала мощного наступления Западного фронта Красной Армии в декабре 1941 года молодежный отряд был переброшен за быстро двигавшуюся на запад линию фронта, соединившись с действовавшей под райцентром Великие Луки 2-й партизанской бригадой под командованием майора Литвиненко. И лишь в апреле 1942 года накопившие боевой опыт «Земляки» были направлены для самостоятельной работы в район между городами Невель и Насва. В то время средний возраст бойцов отряда составлял 17 — 18 лет, самому старшему из них — командиру Владимиру Веселову — было 22 года, самому младшему, Анатолию Нефедову, — всего 14. Осенью 1942 года Веселов был отозван на штабную работу, а отряд возглавил 18-летний Виктор Терещатов.

С незначительными перерывами «Земляки», работавшие все это время под руководством 4-го отдела НКВД,

¹ Цит. по: *Терещатов В.И.* 900 дней в тылу врага. — М.: Изд. «Московский рабочий», 1990. — С. 25 — 27.

действовали за линией фронта до лета 1944 года. За это время отряд совершил несколько успешных рейдов от Калининской области до Белоруссии, практически все его бойцы получили боевые награды. А 18-летний Николай Горячев, погибший весной 1943 года в Локнянском районе Псковщины, прикрывая прорыв отряда из вражеской облавы, в канун 20-летия Победы в мае 1965 года был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Специальная школа по подготовке разведчиков-диверсантов, в том числе из комсомольцев моложе 18 лет, была создана в блокадном Ленинграде в конце 1941 года при 4-м отделе Ленинградского управления НКВД. Руководителем школы был назначен сын немецкого политэмигранта-коммуниста Роберт Георгиевич Рейх. Первичный отбор кандидатов в школу велся по рекомендациям райкомов комсомола и курсов всеобуча («всеобщее военное обучение» — военно-технические курсы 1930 — 1940-х годов, позже преобразованные в ДОСААФ, а ныне известные как ОСВАГО). Однако окончательное решение о поступлении в разведывательную школу для последующей зафронтной работы каждый юный кандидат принимал индивидуально и добровольно.

Программа обучения в школе в зависимости от выбранной специальности (радист, минер-подрывник либо разведчик-наблюдатель) длилась от 3 до 6 месяцев, включая обязательную для всех физическую, огневую, водительскую подготовку и прыжки с парашютом. После недолгого слаживания группы по 4 — 5 человек перебрасывали по воздуху в зоны базирования наиболее крупных партизанских бригад Ленинградской, Псковской и Новгородской областей для разведки и диверсий на транспортных коммуникациях, по которым шли основные военные перевозки противника¹.

Немалую роль в обороне такого стратегически важно-

¹ Подробнее см.: *Николин Е.* Пусть будет храниться вечно! // Сборник «Чекисты». — Л.: Лениздат, 1982. — С. 285—329.

го промышленного центра и транспортного узла, как город Воронеж, также сыграли местные подростки, многим из которых не было 18 лет. Еще летом 1941 года при Воронежском областном управлении НКВД был создан истребительный отряд, лучшие бойцы-добровольцы которого после короткой подготовки отправились для ведения разведки и диверсий в занятые гитлеровцами промышленные регионы Восточной Украины. Так, 17-летний выпускник 9-го класса воронежской средней школы № 2 Валентин Выприцкий в декабре 1941-го и апреле 1942 года дважды десантировался в составе этих групп в Ворошиловградской области Украины. Обе группы успешно выполнили свои задания и вернулись в Воронеж.

Летом 1942 года, когда гитлеровцы, прорвав танковыми клиньями группы армий «Юг» неплотные боевые порядки Брянского фронта, стремительно приближались к Воронежу, УНКВД Воронежской области провело второй набор добровольцев в свой истребительный батальон. Тогда по рекомендации уже бывалого разведчика Выприцкого в «ястребки» были приняты стремившиеся на фронт его 16-летние приятели по воронежской городской школе № 2: Виктор Козлов, Борис Лачинов и Константин Феокистов. Командиром их взвода в истребительном батальоне стал учитель математики 2-й школы Андрей Константинович Шишкин.

Вслед за созданным 7 июля 1942 года Воронежским фронтом при областном Управлении НКВД была образована Центральная оперативная группа для ведения разведки и контрразведки на всей территории области, в том числе в ее оккупированных районах. Штаб группы, возглавляемой капитаном госбезопасности Василием Соболевым и получившей условное наименование «войсковая часть № 3051», был развернут в поселке Сомово в предместье Воронежа. Там же была создана разведывательная школа, костяк слушателей которой составили юные ком-

сомольцы, ставшие бойцами истребительного батальона Воронежского УНКВД.

Именно эти подростки летом 1942 года осуществляли регулярную визуальную разведку оккупированной части Воронежа. Скрытно пересекая по ночам ставшую рубежом боевых действий реку Ворона, юные разведчики под видом бездомных попрошаек и детей, потерявших родителей, сутками прочесывали родной город, отмечая любые подробности дислокации и деятельности оккупантов. При этом юные разведчики в/ч № 3051 рисковали не меньше солдат на передовой и несли столь же тяжелые потери.

Валентин Выприцкий, которому едва исполнилось 18 лет, погиб от немецкой пули в прибрежной Троицкой слободе. 11 августа 1942 года эсэсовские патрульные задержали и тут же расстреляли у Девичьего рынка 16-летнего Костю Феоктистова. Но пули лишь ранили Константина в шею и подбородок. Отлежавшись до темноты в развалинах, юный разведчик с наступлением ночи сумел перебраться через реку Ворона к советским позициям. За проявленное тогда мужество юный разведчик Костя Феоктистов получил свою первую боевую награду — орден Отечественной войны I степени. А Золотую Звезду Героя Советского Союза летчику-космонавту СССР, кандидату технических наук, преподавателю Московского высшего технического училища имени Баумана Константину Петровичу Феоктистову вручили в 1964 году после того, как вместе с военным летчиком Владимиром Комаровым и врачом Борисом Егоровым он совершил полет в космос на первом в мире трехместном корабле «Восход»¹.

Победа Красной Армии в битве за Сталинград, ставшая поворотным моментом всей Второй мировой войны, была достигнута в том числе и благодаря героизму и самопожертвованию юных разведчиков, работавших во вражеском тылу под руководством 2-го отдела Управления НКВД по

¹ См. *Ананьин С.* «Ради человека» // Сборник «Фронт без линии фронта». — М.: Изд. «Московский рабочий», 1970. — С. 269—297.

Сталинградской области. Так, 17-летний Александр Филиппов под «легендой» больного шизофренией сапожника-кустара был оставлен в сентябре 1942 года для ведения разведки в Аксайском районе Сталинградской области. Он передавал ценную информацию из вражеских тылов до декабря 1942 года, когда при переходе линии фронта на южной окраине Сталинграда был случайно опознан предателем-полицейским из Аксая. После страшных пыток гитлеровцы казнили Александра 21 декабря 1942 года¹.

Самая крупная из региональных спецшкол для массовой подготовки партизанских диверсантов и разведчиков была создана в сентябре 1941 года Управлением НКВД по Москве и Московской области. Ниже приводится отчет о первом годе работы этой спецшколы:

«...В целях плановой подготовки партизан-диверсантов на основании приказа начальника Управления НКВД по Москве и Московской области (УНКВД МО) от 18 сентября 1941 года была организована специальная школа подрывников с контингентом слушательского состава 200 человек. Перед школой поставлена задача — готовить диверсантов и партизан, в совершенстве владеющих средствами подрывного искусства, холодным и автоматическим оружием для разрушения всех видов транспорта, коммуникаций, средств связи, складов, баз, штабов и уничтожения живой силы противника...

Школа организована на базе бывшего дома отдыха УНКВД Московской области в селе Северском Коломенского района с передачей ей всего имущества и подсобного хозяйства. С 14 октября 1941 года в силу изменившихся обстоятельств на фронте она дислоцировалась близ города Покрова Орехово-Зуевского района.

Организация спецшколы возлагалась на начальника школы майора госбезопасности П.Н. Зуева и начальника учебной части капитана В.Ф. Ястребова. Через отдел

¹ См. *Стенькин В.С.* В осажденном городе. — Саратов: Приволжское книжное издательство. 1988. — С. 380—383.

УНКВД руководством школы был произведен отбор кадров командно-преподавательского состава в основном из числа лучших бойцов истребительных батальонов и частично сотрудников НКВД. Организационное построение школы представляло структуру отдельной воинской части. Переменный состав сводился в две роты с последовательным разделением на взводы и отделения...

За год в школе прошли обучение 18 наборов учебного контингента и было выпущено 3187 человек. Из них 1020 партизан-диверсантов, входящих в состав диверсионных групп и партизанских отрядов; 250 человек комсомольского набора по линии ЦК ВЛКСМ и 200 человек для диверсионных групп УНКВД города Москвы и Московской области. Так, контингент 18-го набора состоял из молодежи, набранной отделом УНКВД в г. Москве. Этот молодой состав был обучен по 20-дневной программе, причем особое внимание при обучении было обращено на отработку тактических занятий в незнакомой местности и в ночных условиях.

В начале августа 1942 года школа перешла из ведения штаба истребительных батальонов Московской области в ведение реорганизованного отдела УНКВД МО, постоянный состав школы был введен в штаб отдела, и перед школой были поставлены новые задачи: готовить не партизан, а диверсантов, которые должны действовать в составе небольших групп (5 — 10 человек) в тылу врага, имея задачи чисто диверсионного характера...

Большую помощь в перестройке работы школы в связи с изменившимися задачами оказывает отдел УНКВД г. Москвы и МО, лично начальник отдела старший лейтенант госбезопасности т. Леонов, зам. начальника отдела майор т. Хаскин и начальник отделения лейтенант госбезопасности т. Гулов»¹.

¹ Цит. по: «Чекисты на защите столицы: Документы и материалы об участии сотрудников Московского управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой». Сборник. — М.: Изд. «Московский рабочий», 1982. — С. 240—256.

К приведенной выше цитате, раскрывающей основные моменты работы школы, следует добавить, что изначально по соображениям секретности школа обозначалась в официальной переписке как «88-й истребительный батальон», а после первого начальника П.Н. Зуева школой руководил Л.Н. Никулочкин¹.

Наряду с практикой использования подростков-добровольцев как разведчиков и диверсантов по линии 2-х (затем 4-х) отделов территориальных Управлений НКВД, их подбор, специальную подготовку и переброску во вражеские тылы осуществляло и головное подразделение в системе НКВД СССР — возглавляемая П.А. Судоплатовым Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, позднее преобразованная во 2-й отдел, а затем в 4-е Управление НКВД СССР.

Уже 27 июня 1941 года при Особой группе началось формирование войскового подразделения численностью в два полка, костяк которого составили добровольцы — студенты московских вузов, столичные спортсмены, комсомольские активисты и находившиеся тогда в Москве иностранные коммунисты-политэмигранты. Основной учебной базой войск Особой группы стало устроенное незадолго до войны спортивное стрельбище в Мытищах, а местом их постоянного расположения — казармы в городе Бабушкин (ныне Бабушкинский район Москвы) у железнодорожной станции Лосиноостровская. Впоследствии части войск Особой группы также базировались в казармах у подмосковных железнодорожных станций Зеленоградская, Клязьма и Кратово.

В октябре 1941 года войска Особой группы были преобразованы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР в составе двух мотострелковых полков, усиленных специальными под-

¹ Цит. по: «Два фронта. Сборник воспоминаний и очерков о ветеранах Великой Отечественной войны, сотрудниках органов внутренних дел Москвы» / Составитель А.С. Кузнецов. — М.: Изд. «Центр», 1996. — С. 33.

разделениями. Уже с 1942 года на службу в бригаду принимали юношей и девушек, не достигших 18 лет¹.

Юных добровольцев-патриотов допризывного возраста в тяжелейшем для нашей страны 1941 году принимали на службу и в разведывательно-диверсионное подразделение при Разведывательном управлении Красной Армии (РУ РККА). Речь идет об особой воинской части 9903, предназначавшейся для разведки и диверсий на оккупированных территориях. Началом истории в/ч 9903 считается июль 1941 года, когда приказом РУ РККА при штабе Западного фронта была создана оперативная спецгруппа (ОС) из 12 офицеров во главе с полковником А.Е. Свириным. За первые полтора месяца существования ОС сформировала и отправила в тыл противника 52 боевые группы разведчиков-диверсантов, укомплектованные кадровыми бойцами и командирами Красной Армии.

В середине августа 1941 года Оперативную спецгруппу преобразовали в Оперативный диверсионный пункт (ОДП) при штабе Западного фронта. Его начальником стал ветеран Гражданской войны и войны в Испании кадровый военный разведчик майор Артур Карлович Спрогис. Тогда же было принято решение увеличить личный состав ОДП за счет комсомольцев-добровольцев Москвы и Московской области².

Первичный отбор кандидатов на зачисление в часть Спрогиса происходил в здании Московского комитета ВЛКСМ в доме № 5 по Колпачному переулку, куда добровольцы направлялись их военкоматами и райкомаами комсомола. (Ныне на этом здании установлена мемориальная доска.) Подсчитано, что из трех тысяч юношей и

¹ См. *Коваленко Александр*. «Вот такие-то семнадцатилетние...» // Сборник «Солдаты невидимого фронта». — М.: Изд. «МОФ «Победа — 1945 год», 1994. — С. 210 — 215; *Селезнев А.* «Шаг в бессмертие» // Сборник «Динамовцы в боях за Родину». — М.: Изд. «Физкультура и Спорт», 1975. — С. 175 — 190.

² См. *В.И. Боярский*. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. — Мн.: Изд. «Харвест», М.: Изд. «АСТ», 2001. — С. 136—138.

девушек, пришедших туда осенью 1941 года, предварительный отбор прошли две тысячи.

Именно тогда на службу в ОДП был принят 17-летний выпускник Московского политехникума связи, классный радист и радиотехник Николай Бобров. После краткой дополнительной подготовки по хорошо знакомому ему радиоделу в старинном здании Даниловских казарм в центре Москвы и первой пробной переброски через линию фронта под Звенигородом Бобров был направлен в диверсионно-разведывательную школу ОДП. До ноября 1941 года школа, получившая впоследствии порядковый № 003, находилась в тогдашнем дачном поселке у развилки Минского и Можайского шоссе между Кунцево и Одинцово, а затем перебазировалась в здание Московского энергетического института на Красноказарменной улице, 14. Оттуда Николай в составе агентурных разведгрупп трижды перебрасывался на задания в дальние вражеские тылы. Одной из групп с его участием удалось более двух лет вести разведку и диверсии в «треугольнике» стратегических железных дорог Смоленск — Орша — Витебск¹.

То, как и чему обучали юных добровольцев, поступивших осенью 1941 года на службу в в/ч 9903, десятилетия спустя упоминал в своих мемуарах сослуживец и знакомец Николая Боброва Андрей Жданович, получивший в разведшколе и подтвердивший в зафронтовых рейдах квалификацию минера-подрывника: «...Через три дня после прибытия в часть мы прошли медкомиссию. Вскоре нескольких человек вызвали прямо с занятий и отчислили по состоянию здоровья. Наша спецподготовка заключалась в чисто практическом ознакомлении с оружием: нашим и немецким. Кроме того, на занятиях в Измайловском парке один командир преподавал нам «подрывное дело», т.е. учил, как заложить толовую шашку или поставить ту или иную мину. Еще один учил тактике: как идти

¹ См. *Бобров Н.И.* Смертник. Записки агентурного разведчика. — Калуга: Изд. «Золотая аллея», 1999.

по заданному азимуту, как читать карту-километровку. Показывали нам, как бесшумно «снимать» часовых. Говорили с нами серьезно, по-взрослому. Сами занятия длились около десяти дней с утра до ночи. Но если учесть, что в течение этого времени каждому из нас пришлось по два-три раза побывать в наряде на территории части, размещенной тогда в здании на Красноказарменной улице, то можно понять: знаний обрели не слишком уж много. Было естественно: если надо, значит, должен, а если должен, значит, можешь: «На месте разберетесь». И, как ни странно, именно так в дальнейшем и было: разбирались на месте, обретали опыт и... Получалось у тех, кто оставался в живых...»¹

Уже после Победы было подсчитано, что из двух тысяч юных москвичей и москвичек, добровольно поступивших на службу в в/ч 9903 в сентябре — декабре 1941 года, только за первую военную зиму при выполнении заданий во вражеских тылах погибли и пропали без вести около 500 человек, т.е. каждый четвертый. Среди погибших тогда подчиненных Спрогиса были посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза 18-летняя выпускница московской школы Зоя Космодемьянская и 20-летняя студентка Московского кооперативного института Вера Волошина, посмертно удостоенная звания Героя Российской Федерации в канун 50-летия Победы в 1995 году.

Впоследствии специальная школа, готовившая кадры разведчиков-диверсантов для в/ч 9903, была переподчинена созданному решением Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР от 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) Красной Армии Центральному Штабу партизанского движения (ЦШПД). Начальником ЦШПД, куда вошли представители руководства Разведуправления Генштаба РККА и 4-го управле-

¹ Цит. по: *Жданович Андрей*. Холодное утро. — СПб: Изд. «Логос», 2005. — С. 58—59.

ния НКВД СССР, был назначен секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии П.К. Пономаренко.

Для подготовки организаторов партизанского движения, диверсантов, разведчиков, подрывников и радистов при ЦШПД и подчиненных ему республиканских, областных и фронтовых штабах партизанского движения действовало несколько региональных разведывательно-диверсионных школ. Как уже говорилось выше, одна из них (№ 003) прежде готовила в Москве и ближнем Подмосковье кадры для подчинявшейся армейской разведке в/ч 9903. В столичном регионе также базировались школы № 001 и 002. Школа № 004 располагалась в районе Саратова, а № 005 была образована приказом ЦШПД от 30 июля 1942 года в Астрахани.

Для конспирации школа № 005, предназначенная для подготовки специалистов по ведению партизанской войны в степных и предгорных районах юга Европейской части СССР, получила условное наименование «Школа инструкторов всеобщего воинского обучения» допризывников. Эту «легенду» подкрепляло то, что первые наборы курсантов школы № 005 численностью по 300 человек формировались из 17 — 19-летних комсомольцев-добровольцев Астраханской области и соседних с ней регионов.

Высочайший героизм осенью 1942 года проявили выпускники Астраханской школы ЦШПД № 005, включенные в состав сформированной при разведотделе штаба Сталинградского фронта диверсионно-разведывательной группы № 66 с позывными «Максим» во главе с 28-летним старшиной Леонидом Матвеевичем Черняховским. Старшему из 15 членов группы, ее комиссару Быковскому, в то время было 29 лет, а пяти младшим бойцам (В.Ф. Анастасида, В.Ф. Владимиров, И.Р. Сидоров, Н.Ф. Хаврошин и Н.Н. Шарыгина) еще не исполнилось 18 лет.

В конце октября 1942 года группа № 66 была направлена для ведения разведки вдоль железнодорожной ветки Сальск — Котельниково, откуда передала 2 ноября 1942

года радиogramму о переброске по этой железной дороге авангардных частей танковой группировки Манштейна, нацеленной на прорыв окруженной в Сталинграде 6-й армии Паулюса. Правильно оценив связанные с этим угрозы, командование Сталинградского фронта использовало подчиненную ему штурмовую авиацию для разрушения полотна железной дороги между станцией Орловская и разъездом Куберле. Это вынудило шедшие в авангарде группировки Манштейна бронетанковые части 5-й дивизии СС «Викинг» сняться с эшелонов и идти к Сталинграду своим ходом. На это было потрачено четверо суток, за которые 2-я гвардейская армия генерала Р.Я. Малиновского сумела организовать надежную оборону на пути танков Манштейна у реки Мышкова.

Что касается судеб разведчиков группы «Максим», средний возраст которых составлял 18 — 19 лет, то их удалось установить много позже Победы, когда в США и ФРГ под названием «Черный марш — личные воспоминания эсэсовца» были опубликованы дневники командира мотострелковой роты полка «Нордланд» дивизии СС «Викинг» Петера Неймана. Из его записей следовало, что, получив приказ задержать продвижение эшелонов с вражеской техникой, 15 разведчиков-диверсантов группы Черняховского, вооруженные 6 автоматами и 8 винтовками, взорвали железнодорожный путь у разъезда Куберле и вступили в бой с выгрузившейся из подорванного состава мотострелковой ротой полка СС «Нордланд», усиленной легкими орудиями и минометами. После часового боя эсэсовцы взяли в плен нескольких раненых разведчиков, но не получили от них никаких показаний и заживо сожгли из огнеметов¹.

Перечисляя специальные учебные заведения военного времени, куда направлялись для дальнейшей работы в тылу врага не подлежавшие по возрасту призыву в армию

¹ См: *Пятницкий В.И.* Разведшкола № 005. — Мн.: Изд. «Харвест», М.: Изд. «АСТ», 2005. — С. 25—47, 82—85.

советские юноши и девушки моложе 18 лет, следует упомянуть курсы военных переводчиков, сформированные специальной директивой Наркомата обороны СССР от 28 августа 1941 года при созданном в феврале 1940 года военном факультете 2-го Московского государственного педагогического университета иностранных языков.

Создателем и первым руководителем этого факультета, преобразованного в апреле 1942 года в Военный институт иностранных языков, был генерал-майор Николай Николаевич Бязи. Полиглот, знавший 14 иностранных языков, опытный дипломат и военный разведчик, работавший в 1936 — 1938 годах советским военным атташе в Италии, Н.Н. Бязи в 1941 году инициировал создание при руководимом им военном факультете особых курсов, призванных обеспечивать ускоренную массовую подготовку военных переводчиков из выпускников московских школ, знавших немецкий язык в объемах тогдашней школьной программы.

В числе первых слушателей курсов, открывшихся в сентябре 1941 года в здании на Садово-Спасской улице, где ныне находится Московский полиграфический институт, была четверка 17-летних выпускников арбатской школы в Старопесковском переулке — Евгений Ананьев, Евгений Кашников, Михаил Любарский и Иммануил Левин. После всего двух месяцев учебы они получили первые воинские звания лейтенантов и были направлены в распоряжение Разведывательного Управления Красной Армии. О том, как сложились их фронтовые биографии, вспоминал потом единственный из четверки друзей, доживший до Победы — закончивший войну в Германии в звании капитана и с тремя боевыми орденами 22-летний офицер разведки 2-й ударной армии Иммануил Ильич Левин (скончался в 1994 году):

«...На трехмесячные курсы военных переводчиков, открытые в авральном порядке в начале сентября 1941 года (до войны в штатах Красной Армии такой должности не было), мы поступали вчетвером: Женька Ананьев, Женька

Кашников, Миша Любарский и я. Потом, в октябре 1941 года, когда курсы из Москвы перевели в город Ставрополь-на-Волге, к нам добровольно присоединилась, умолив родителей, наша сверстница и любовь Жени Ананьева — Татьяна Дагаева... Они и на войне хотели быть вместе. Для долгого счастья им не хватило одного — жизни. Война развела нас всех по разным фронтам. Военная переводчица 57-й резервной армии Татьяна Дагаева погибла летом 1942 года на Юго-Западном фронте при выходе из окружения. Подробности неизвестны, могила ее не установлена. Женя Ананьев погиб еще раньше, в январе 1942-го под Москвой. Он получил назначение в разведотдел 50-й армии. По одной версии, он погиб в тылу врага, будучи в составе разведпартии, по другой — его убил пленный офицер на допросе выстрелом из не обнаруженного при обыске пистолета. Зимой 1942 года прибыл со ставропольских курсов на фронт под Москву добродушный силач Женя Кашников, прозванный «Портосом». Был, как и Ананьев, послан в разведку и погиб. Точнее, пропал без вести. Его мать до конца своих дней отказывалась верить в гибель сына, время от времени звонила мне и спрашивала, нет ли каких вестей о Жене или хотя бы о тех, кто был рядом с ним в последнюю минуту.

Прирожденный музыкант Миша Любарский, даже в школе не расстававшийся со своей любимой флейтой, окончил ставропольские курсы позднее всех и попал на фронт лишь весной 42-го. Он дошел до Румынии. Приказом от 02.09.1944 года по 34-му стрелковому корпусу военный переводчик старший лейтенант М.А. Любарский был награжден орденом Отечественной войны. Но об этой награде Миша так никогда и не узнал. 3 сентября 1944 года он скончался от ран в госпитале и был похоронен на братском кладбище советских воинов в румынском городе Констанца...»¹

¹ Цит. по: Левин Иммануил. «Война была за школьным порогом» // Историко-краеведческий альманах «Арбатский архив». Выпуск I. — М.: Изд. «Тверская, 13», 1997. — С. 413—415.

В числе специальных учебных заведений, преподававших в годы Великой Отечественной войны основы конспиративной деятельности на вражеской территории, необходимо также упомянуть так называемую «Школу Коминтерна», созданную осенью 1941 года при Коммунистическом Интернационале, координировавшем с 1920-х годов из Москвы деятельность коммунистических партий многих стран мира.

Школа была создана в райцентре Кушнаренково в Башкирии по соседству с Уфой, куда было эвакуировано из прифронтовой Москвы коминтерновское руководство. В связи с тем, что школа разместилась в огороженном высоким забором здании дореволюционной постройки, где до войны располагался сельскохозяйственный техникум № 101, это условное обозначение закрепилось в официальной переписке и за самой школой.

Костяк слушателей школы составляли дети переехавших в СССР коммунистов-политэмигрантов, одинаково свободно владевшие русским и родным языками, в том числе уже успевший повоювать против гитлеровцев сын лидера югославского Сопротивления Йосифа Броз Тито Шарко и 16-летняя Амайя Ибаррури — дочь лидера испанской коммунистической партии Долорес Ибаррури. Правда, из соображений конспирации эти и все остальные слушатели школы, многие из которых хорошо знали друг друга еще до войны и эвакуации, были вынуждены называть друг друга по псевдонимам, придуманным для них директором школы А.И. Антиповым, который до войны возглавлял делегацию ВЛКСМ в молодежной секции Коминтерна — Коммунистическом союзе молодежи (КИМ).

Подробные воспоминания об учебе в «сельхозтехникуме № 101» привел в своих мемуарах «Революция отвергает своих детей» живший в Москве с середины 1930-х годов сын немецких политэмигрантов Вольфганг Леонгард:

«...Школа Коминтерна была разделена на отдельные

национальные секции. У каждой группы был свой преподаватель и представитель от учеников. Испанская группа была самая многочисленная, в ней было 30 — 40 курсантов. Немецкая, австрийская, судетско-немецкая и болгарская группы состояли из 15 — 20 человек, а остальные группы были еще малочисленнее. Англичане и американцы в школе Коминтерна не были представлены вообще. Большинство курсантов немецкой группы в школе Коминтерна были, как и я, молодые люди, комсомольцы, выросшие и получившие воспитание в Советском Союзе.

В школе нас учили писать листовки, но и изготавливать их в строжайших условиях подполья. В засекреченной школе Коминтерна находилось еще более засекреченное место — маленькая химическая лаборатория. Там нас знакомили со всевозможными способами изготовления подпольных листовок, а также разбирали вопросы, как достать необходимые для этого предметы, после чего каждый из нас должен был сам на практике изготовить листовки. Преподавание было поставлено очень серьезно, но нам запрещено было делать какие-либо записи. Мы должны были все держать в голове.

Вскоре после моего прибытия в школу у нас начались военные занятия, для руководства которыми были назначены специальные начальники групп, в то время как преподаватели и старосты групп превращались в простых «рядовых». Почти все руководители групп и командиры «частей» были парторботниками с опытом испанской гражданской войны. Военная подготовка состояла из строевых занятий, изучения оружия и занятий по стратегии и тактике у ящика с песком. Требования на этих занятиях для тех, кто никогда подобными вещами не занимался, были чрезвычайно высоки. Мы должны были в кратчайший срок изучить не только обращение с ручными гранатами и минометами и с предельной быстротой разбирать и собирать револьверы, винтовки, легкие и тяжелые пу-

леметы, но и выучить, как по-русски, так и на родном языке, все связанные с этим делом названия...»¹

Воспоминания об учебе в Кушнаренково оставил и ставший впоследствии руководителем разведки (Управления «А») Министерства госбезопасности ГДР — пресловутой «штази» — Маркус Вольф, поступивший в школу Коминтерна летом 1942 года:

«...В школе все было конспиративно. Каждый из нас получил псевдоним, нам строго напомнили о необходимости общаться друг с другом только по новым именам, хотя многие из нас были знакомы еще в Москве. Я был назван «Куртом Фестером».

16 мая 1943 года нам сообщили о роспуске Коминтерна и его школы. Причина состояла в том, что Сталину пришлось уступить давлению союзников, для которых Коминтерн стал бельмом на глазу. Нам объяснили, что мы не будем сброшены с парашютом в Германии, нам предстоит работать там, где действуют Советская Армия и партизаны. Многие годы спустя я узнал, что Кати Нидеркирхнер и еще несколько наших предшественников сразу после учебы были направлены в Германию, но тут же схвачены и казнены, так как военная контрразведка «Абвер» расшифровала их радиокоды. Их судьба побудила заграничное руководство КПГ больше не посылать молодых людей на верную смерть, и это, несомненно, спасло жизнь большинству из нас. Но мои друзья по школе Йозеф Гифер и Рудольф Гюптнер погибли уже в 1945 году, выполняя задания в Польше...»²

Наряду со школой Коминтерна в 1943 — 1944 годах, когда Красная Армия освободила практически все оккупированные в 1941 — 1942 годах территории СССР и

¹ Цит. по: *Леонгард Вольфганг*. Революция отвергает своих детей. Электронная версия воспоминаний на русском языке выложена на интернет-сайте: http://www.belousenko.com/wr_Leonhard.htm.

² Цит. по: *Вольф Маркус*. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. — М.: Изд. «Международные отношения», 1998. — С. 33—34.

фронт ушел далеко на Запад, в центральных регионах России свою деятельность постепенно свертывали большинство вышеперечисленных специальных учебных заведений военного времени. На смену им шли новые средние и высшие военно-учебные заведения, включая заслуживающие особого упоминания суворовские военные училища войск НКВД.

Как известно, история всей системы суворовских училищ берет начало с постановления тогдашнего Правительства Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 21 августа 1943 года об открытии первых суворовских военных училищ (СВУ) в системе Наркомата обороны. А 4 сентября 1943 года было принято аналогичное постановление СНК СССР № 946 об открытии специализированных суворовских училищ войск НКВД СССР, местами расположения которых были определены города Ташкент и Кутаиси (последнее в 1946 году было переведено в город Петергоф (ныне — Петродворец) Ленинградской области и стало именоваться Ленинградским).

В развитие указанного постановления СНК СССР 27 сентября 1943 года был подписан приказ наркома внутренних дел СССР № 605, предписывавший сформировать Кутаисское и Ташкентское училища к 20 ноября того же 1943 года. Этим же приказом были определены следующие основные задачи обучения и воспитания в СВУ войск НКВД:

«1. Воспитать и подготовить к военной службе в офицерском звании детей офицерского состава войск и органов НКВД СССР и дать им общее среднее образование.

2. Воспитать будущих советских офицеров в духе пламенного патриотизма, любви и беспредельной преданности Родине — Союзу Советских Социалистических Республик.

3. Воспитать всесторонне развитых, культурных, обладающих высоким чувством личной, профессиональной и политической чести на основании глубокого уважения

к героическому прошлому советского народа и его воинским и чекистским традициям...»¹

В суворовские училища НКВД СССР принимали детей и подростков начиная с десятилетнего возраста. На учебу, полный курс которой был рассчитан на 7 лет, отбирали в первую очередь сыновей военнослужащих и сотрудников НКВД, погибших либо раненых на фронтах Великой Отечественной войны. Среди первого набора суворовцев НКВД, начавших учебу с 1 декабря 1943 года, было много сирот и полусирот: у 65 суворовцев, принятых в Кутаисское СВУ в 1943 году, отцы погибли на войне, у двоих стали инвалидами войны, у 91 в то время отцы находились на фронте.

Примечательно, что большая часть суворовцев первых наборов надеялась получить в училищах ускоренный курс военной подготовки и при первой же возможности попасть на фронт. Живыми примерами для них были сверстники, успевшие до зачисления в суворовцы побывать на войне. Так, воспитанник Кутаисского СВУ (выпуск 1946 года) Леонид Богданов до училища успел окончить школу радистов особого назначения, действовал в составе оперативной группы армейского подчинения в Киевской области, четырежды форсировал Днепр, участвовал в уничтожении немецкого десанта, был удостоен медали «За отвагу».

Начав свою службу Родине в рядах разведчиков, Леонид Павлович Богданов на всю жизнь сохранил верность разведке: в 1970-х годах генерал-майор КГБ Л.П. Богданов возглавлял резидентуры Первого главного (разведывательного) управления (ПГУ) КГБ СССР в Индонезии и Иране, был главным советником ПГУ в Афганистане в 1978 — 1980 годах, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза. Еще один суворовец — выпускник

¹ Цит. по: *Плеханов А.М., Попов А.А.* От кадетских корпусов России к суворовским военным училищам войск НКВД (МВД) СССР (1731—1960 гг.). — М.: Изд. «Граница», 1998. — С. 48.

1946 года Алексей Волков на фронте неоднократно ходил в разведку и заслужил боевые медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Возможно, нескольким суворовцам удалось-таки осуществить свою заветную мечту и принять участие в боевых действиях против врагов Отечества еще до окончания Второй мировой войны. Так, выходящая в Ташкенте газета «Правда Востока» в 1945 году опубликовала заметку о том, что в боевых действиях против Японии, находясь в учебном отпуске, участвовали суворовцы 6-й роты Ташкентского СВУ А. Лисецкий и В. Черняев. За мужество, проявленное ими в последних сражениях Второй мировой войны, начальник расположенного в Забайкалье Джалиндинского погранотряда полковник Попов передал в дар воспитавшему их Ташкентскому СВУ японскую трофейную офицерскую шашку. (А.М. Лисецкий и В.А. Черняев окончили Ташкентское суворовское училище в 1947.)

Рассказ об учебе в суворовских военных училищах НКВД был бы неполон без упоминания о такой важной ее составляющей, как выезды 15 — 16-летних воспитанников предвыпускных рот училищ на Государственную границу СССР в пограничные отряды в дни зимних каникул. Первая группа из 15 суворовцев и 6 офицеров Ташкентского училища побывала в Термезском погранотряде на границе с Афганистаном еще в 1944 году. Суворовцы Ленинградского училища несли службу на советско-финской границе в 1949 — 1952 годах. Причем в тревожное послевоенное время эта служба не была ни спокойной, ни безопасной. К примеру, зимой 1948 — 1949 годов группа суворовцев из Ташкента прибыла на границу в Термез в разгар не только зимних морозов, но и боевой напряженности. Буквально за неделю до их приезда группа террористов вырезала на одной из застав отряда попавший в засаду пограничный наряд.

Тем не менее, а может быть, именно поэтому, коман-

дование Термезского погранотряда использовало подкрепление из ташкентских суворовцев для несения службы без скидок на юный возраст. Сразу после распределения по заставам 15 — 16-летних подростков, экипированных полным снаряжением пограничников и вооруженных карабинами и гранатами, направили в «секреты» для ведения 4-часового скрытого наблюдения за пограничной полосой и сопредельной территорией. Затем суворовцев посылали для несения конных дозоров вдоль границы на участки протяженностью в 10 — 12 км. За время практики они также участвовали в учебных занятиях по пограничному поиску, входя в поисковые группы по преследованию «нарушителей»¹.

Ташкентское и Кутаисское суворовские училища просуществовали семнадцать лет, т.е. до 1960 года. Примечательно, что вслед за органами и воинскими частями НКВД — МВД — КГБ воспитанники училищ до 1958 года носили погоны и лампасы василькового цвета, тогда как за суворовцами системы Министерства обороны СССР все это время был закреплен традиционный «общевойсковой» алый цвет. А после того, как переехавшее из Кутаиси в Петергоф Ленинградское СВУ в 1958 году было передано в ведение Главного управления пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР, воспитанники училища получили вслед за пограничниками зеленые погоны и лампасы.

В период с 1945 по 1960 год оба суворовских училища подготовили 29 выпусков своих питомцев — в общей сложности 2790 человек. Из их числа 10 человек стали академиками, 32 — докторами, еще 60 человек — кандидатами наук, 8 были удостоены Государственных премий СССР. Большинство воспитанников Ташкентского и Кутаисского (Петергофского) СВУ по окончании училищ продолжили службу в пограничных войсках, частях и ор-

¹ Там же, с. 109—110.

ганах МВД и КГБ СССР. 41 выпускник двух этих СВУ дослужился до генеральских званий.

Преемником славных традиций Ташкентского и Кутаисского (Петергофского) СВУ, закрытых в разгар первого массового сокращения Советских Вооруженных сил при Н.С. Хрущеве, стал Первый кадетский корпус Федеральной пограничной службы Российской Федерации имени генерала армии В.А. Матросова, созданный в городе Пушкин Ленинградской области постановлением Правительства России за № 893 от 27 июля 1996 года. Символами этой преемственности стали Боевое Знамя Кутаисского СВУ и исторический формуляр Ленинградского СВУ, переданные на вечное хранение новому кадетскому корпусу, учредившая который Федеральная пограничная служба ныне входит в структуру ФСБ России. Хочется верить, что выпускники этого кадетского корпуса будут достойны традиций своих юных предшественников, которым посвящена эта публикация.

РОЗМЫСЛЫ КОМАНДАРМА

На 268-м километре автомагистрали Москва — Брест находится самая высокая точка в Калужской области — Зайцева гора¹. В далекие военные годы никто не мог себе представить, что название мало кому известной деревни на Варшавском шоссе будет ассоциироваться с такими понятиями, как беспримерный героизм, самопожертвование простого советского солдата, и бездарность полководцев, повлекшая за собой неисчислимые потери нескольких советских дивизий. И лишь один эпизод, запечатленный очевидцами тех событий, заслуживает наибольшего внимания, с точки зрения военного искусства — подкоп под вражескую высоту и уничтожение мощного инженерного сооружения противника. Об этом примере коллективного творчества советских подрывников и пойдет речь.

В километре от Зайцевой горы, между деревнями Цветовка (бывшая Фомино-2) и Зубровка (бывшая Фомино-1), скрытая от людских глаз березовой рощей раскинулась высота 269,8. Следует уточнить, что высота 269,8 и деревня «Зайцева гора» являются отдельными высотами, расположенными на противоположных сторонах от Варшавского шоссе. Зайцева гора отмечена как высота 275,6. Но в литературе и в воспоминаниях ветеранов эти два объекта и прилегающая к ним местность имеют общее название — Зайцева гора. С марта 1942-го по март

¹ Название «Зайцева гора» носит одноименная деревня, расположенная на высоте 275,6.

1943 года части 50-й армии под командованием генерал-лейтенанта И.В. Болдина вели на этом участке фронта ожесточенные бои за овладение Варшавским шоссе и дальнейшим выходом на соединение с 8-й воздушно-десантной бригадой, входившей в состав 4-го воздушно-десантного корпуса, в район деревень Новое и Старое Аскерово. Но планам советского командования не суждено было сбыться, по крайней мере, целый год.

Виной тому оказалась небольшая высота, обозначенная на картах двух противоборствующих армий отметкой 269,8. Именно она и стала той кровавой баней для тысяч советских солдат, телами которых были завалены (!!!) склоны и прилегающая к высоте местность. Кто же первым отдал приказ прорываться на соединение с десанниками на этом участке фронта? Вероятный ответ мы находим в публикации военного историка М.Н. Мосягина «Между Вязьмой и Кировом: группа войск генерала Белова в Московской битве». В частности, он утверждает, что, не кто иной, как беловский штаб подсказал Г.К. Жукову мысль о том, что силами 50-й, а возможно, и 10-й армии овладеть Варшавским шоссе в районе Зайцева гора и в дальнейшем развивать успех в северо-западном направлении, в район вышеуказанных деревень (Новое и Старое Аскерово). Но наше командование в очередной раз переоценило свои и недооценило возможности противника, оборонявшего данный рубеж. А противник, окопавшийся на высоте 269,8, оказал и продолжал оказывать яростное сопротивление наступавшим советским дивизиям. Отступившие от Калуги части вермахта сумели закрепиться на стратегически важных высотах, по обе стороны Варшавского шоссе. Недаром в своих приказах Гитлер давал следующие установки своим солдатам: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты, вот что требует от нас текущий момент. Каждый занятый нами населенный пункт должен быть превращен

в опорный пункт. Сдачи его противнику не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником...» По крайней мере, на Зайцевой горе директивы Гитлера выполнялись безукоризненно. Более того, магистраль Рославль — Куземки — Зайцева гора — Юхнов была единственной дорогой, которая связывала немецкие части, оборонявшие Варшавское шоссе, с тылом. Она служила главной артерией, питавшей эти части всем необходимым. По нему гитлеровцы подвозили подкрепления, военную технику, боеприпасы, продовольствие, происходила эвакуация раненых и оперативная переброска резервов на намечаемые участки прорыва. Неслучайно бывший начальник штаба немецкой армии генерал Блюментрит писал в своей статье «Московская битва»: «Если бы русские, наступая с юга, сумели бы захватить нашу единственную жизненную артерию, то с 4-й полевой армией было бы покончено». Чтобы защитить эту жизненную артерию, немецкое командование не щадило ни сил, ни средств. Особое значение оно придавало участку фронта, на котором находилась высота 269,8. Владеть таким мощным узлом сопротивления значило владеть всей обстановкой. А с его падением открывалась возможность уничтожения всей Юхновской группировки. В ясную, безоблачную погоду шоссе и населенные пункты, расположенные по обе его стороны, просматривались с высоты на многие километры. По ее склонам были возведены дзоты, блиндажи, вкопаны противотанковые орудия, кроме того, она была опоясана несколькими рядами сплошных траншей, проволочными заграждениями, подступы к которым были заминированы. Лишь 50-метровая полоса отделяла советских солдат от противника.

Активные и ожесточенные по своему характеру бои за высоту 269,8 начались 12 апреля 1942 года. Уже на следующий день наступавшие части 50-й армии попытались закрепиться на подступах к высоте, но были встречены ураганным огнем из всех видов стрелкового и артилле-

рийско-минометного оружия. 173-я стрелковая дивизия полковника П.Я. Тиханова, которая одна из первых начала штурмовать высоту 269,8, была отброшена с ее склонов с большими потерями. Ночная атака на высоту также не принесла никаких результатов, кроме новых потерь личного состава. И так продолжалось изо дня в день, пока 173-ю стрелковую дивизию не сменила 146-я стрелковая дивизия генерал-лейтенанта Ю.В. Новосельского. Любая попытка овладеть высотой 269,8 не приносила никаких результатов, кроме колоссальных потерь. Так было и с 146-й стрелковой дивизией, которая за период боевых действий на Зайцевой горе потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 7308 человек. На 30 апреля 1942 года в живых осталось 3976 человек. (Справка: по состоянию на 25 марта 1942 года, т.е. перед началом боев за Зайцеву гору, в 146-й стрелковой дивизии числилось офицеров, сержантов и солдат 11 284 человека.) 30 апреля остатки дивизии отвели на отдых, передав плацдарм наступления 58-й стрелковой дивизии полковника Н.И. Шкодуновича. Вновь прибывшая дивизия дольше всех «задержалась» на занимаемом ею плацдарме. Кировский историк-поисковик А.А. Ильющечкин в своей статье «О немцах, наградах и поиске» пишет: «После неудачных наступательных боев части 50-й армии с 30 апреля перешли к обороне. Ни сил, ни средств уже не осталось: все, что можно было, брошено в бой, и в этих боях сгорели в одно мгновение сотни и тысячи солдат и офицеров, так и не овладев высотой 269,8, и соответственно не перерезав Варшавское шоссе». Наступившая весна 1942 года выступила «союзницей» немецких войск, окопавшихся на калужских высотах. Весеннее яркое солнце превратило проселочные дороги по всей полосе действий войск 50-й армии в сплошное месиво из глины, воды и снега. По ним не могли двигаться ни машины, ни лошади, ни люди.

Из воспоминаний участника боев за высоту 269,8 М.А. Аллера (58-я стрелковая дивизия): «В условиях ве-

сенней распутицы, болотистой местности и бездорожья обозы и кухни отстали. Наступил голод, который мы испытывали все время. Мы стали поедать дохлых и убитых лошадей. Было ужасно противно есть эту конину без соли. Пили болотную воду и воду из луж растаявшего снега, где нередко лежали трупы. У нас были пробирки с таблетками хлора, но пить воду с хлором было еще противней». Вот еще один пример того, с чем столкнулись наши солдаты на Зайцевой горе. К сожалению, имя автора этих воспоминаний, воевавшего в составе 441-го полка 116-й Забайкальской стрелковой дивизии 50-й армии, нам неизвестно. «Ночь, под ногами весенняя слякоть; шагаем неизвестно куда. Оказалось, напрямик на линию огня. Полевые кухни в наличии, а в котлах сухо и пусто. Деревенские погреба еще до нас обшарены. В апреле рассчитывать на подножный корм бесполезно, но кто-то ухитряется откопать в поле прошлогодние картофелины... Убитые лошади тоже до нас отскоблены ножами до костей. От истощения у меня сморщилась кожная пленка на поверхности раны, ноет грудь. Но, слава богу, есть еще смекалка. Нащипал березовых почек, засыпал в котелок, залил болотной водой и положил в нее «мясо» — опаленную на костре ступню конской ноги. Получилось оригинальное блюдо — суп из свежей зелени с копытом». И таких примеров бесчисленное множество. Об этом не говорилось в боевых сводках, на это боялись даже намекать по причине сиюминутного наказания за паникерство и невыполнение боевого приказа. Но не страх наказания «гнал» советские дивизии на высоту 269,8: священный долг перед Родиной, перед убитыми боевыми товарищами на этой, Богом проклятой высоте, заставлял их, увязая по грудь в мокром снегу и болотной жиже идти на свинцовый шквал немецких пулеметов и артиллерии. Тяжелая рутинная работа. Так потом назовут фронтовые будни военные историки. Это будет все потом, а пока тысячи бойцов снимались с передовой, чтобы доставить по

30-километровой трассе от станции Добужа до Зайцевой горы все необходимое для боя. В вещевых мешках за плечами бойцы вместе с концентратами и сухарями несли за плечами снаряды и мины.

15 апреля 1942 года И.В. Болдин докладывал Г.К. Жукову об остром положении с подвозом боеприпасов, горючего, продфуража и продовольствия. Жуков в неподготовленности дорог обвинил Болдина. Здесь уместно напомнить, что Иван Васильевич еще задолго до начала активных действий на Зайцевой горе назвал местность, на которой сосредоточилась его армия, «мышеловкой». Расположенная южнее Варшавского шоссе, в низине, обширная территория представляла собой открытую местность с мелкими речушками. А самым гиблым местом для 50-й армии оказалось Шатино болото площадью в 50 кв. км. Северная часть Варшавского шоссе доминировала над южной. И это господство вскоре сослужит немцам неоценимую услугу. Много неприятностей доставляла вражеская авиация. В небе над Зайцевой горой господствовали немецкие пикирующие бомбардировщики, которые с восьми утра до восьми вечера бомбили пятнадцатикилометровую полосу наступления наших войск. Из воспоминаний Алексея Никитина, участника боев на Зайцевой горе: «Немецкая авиация сильно бомбила, и отдельные «мессершмитты», чувствуя свою безнаказанность, гонялись даже за одним человеком». Присутствие над позициями советских войск корректировщика «рамы» было для наших солдат обычным явлением. Поэтому все передвижения по линии фронта производились крайне осторожно. Раненых приходилось эвакуировать лишь с наступлением сумерек. Убитых, которых перед высотой было бесчисленное множество, никто не хоронил, да и времени на это не было. Вот как описывает увиденное Б.И. Загородников в своей книге «58-я стрелковая Одерская дивизия»: «На возвышенности, под горой, лежали трупы наших товарищей. Впоследствии мы увидели еще

тысячи трупов, накрытых шинелями. Они лежали там с осени 1941 года». Это, конечно, не могло не сказываться на моральном духе вновь прибывших подразделений. А им приходилось порой идти в атаку по телам своих павших однополчан. Может возникнуть вопрос: а возможно было обойти высоту на другом участке фронта? Наверно, да, но приказ взять высоту 269,8 никто не отменял.

Из приказов Ставки и оперативных сводок штаба 50-й армии, а также из воспоминаний ветеранов войны, участников штурма высоты 269,8, можно сделать вывод, что наступление на данном участке фронта было изначально обречено на неудачу. 50-й армии не удалось выполнить поставленную перед ней задачу. Плохая разведка, мощные опорные пункты Фомино-1, высота 269,8, Фомино-2, Зайцева гора, вставшие неприступными бастионами на пути наступавших советских дивизий, Варшавское шоссе, которое продолжало оставаться в руках неприятеля, по которому немцы оперативно перебрасывали подкрепления на намечаемые участки прорыва, и, наконец, сильный, сытый противник, воевавший под командованием опытных военачальников, — вот, пожалуй, те причины, по которым Зайцева гора и прилегающая к ней высота 269,8 оказались крепким орешком для командарма Болдина. Но Иван Васильевич не привык отступать перед противником, какие бы там ни были на то причины. Ясно было одно: задачу, поставленную Ставкой, необходимо было решить в кратчайшее время: гибли люди, техника, погодные условия оказались на стороне противника, да и этот никем не предвиденный взрыв Милятинского водохранилища, который едва не утопил в ледяном потоке воды, хлынувшем через Варшавское шоссе на позиции 50-й армии, несколько ее дивизий. (Боясь повторных атак, немцы взорвали Милятинское водохранилище. Вода затопила низину, расположенную на южной части Варшавского шоссе.) Болдин ломал голову, стараясь придум-

мать способ взять высоту в срок и с меньшими потерями. Здесь вспомнился ему эпизод из военной истории, когда в 1552 году русский царь Иван Грозный осаждал Казань. Его размышлы сумели прокопать под стены Казанского кремля минную галерею, в которую был заложен заряд огромной мощности (11 бочек пороха, т.е. 57 пудов). В результате взрыва в крепостных стенах образовался пролом, в который хлынула русская рать. В итоге «тихий подкоп» под казанскую цитадель принес громкую победу русскому царю. Болдин решил поделиться своими раздумьями со специалистами инженерного дела. Вызвав к себе начальника инженерных войск полковника С.Ф. Чепурова и его помощника майора М.Д. Максимцова, командарм предложил воспользоваться опытом размышлов Ивана Грозного в уничтожении мощного бастиона и применить его против немецкого оборонительного узла. Более того, за столом перед Болдиным сидел человек, который в первую империалистическую войну участвовал в подкопе под городом Двинск, — С.Ф. Чепуров. Его опыт сейчас мог бы пригодиться как никогда. Решение было одно — необходимо рискнуть. Был ли риск оправдан в данном случае или нет, несомненно одно — Болдин не мог не осознавать, что успех операции зависел исключительно от счастливого случая. Малейшая оплошность в расчетах, любая нештатная ситуация, возникшая в ходе работ, могли бы не только сорвать операцию, но и привести к гибели бойцов.

Старшим по осуществлению подкопа был назначен М.Д. Максимцов. Командирам дивизий был дан приказ подобрать среди солдат бывших шахтеров и отправить их в распоряжение к М.Д. Максимцову. А в это время сам Максимцов изучал оборону противника на высоте, готовил подробную карту, на которую наносил расположение немецких огневых точек.

Из воспоминаний И.В. Болдина: «Тщательное изучение вражеской обороны позволило майору (Максимцову)

выбрать наиболее удачное направление подкопа и место взрыва». Находясь на передовой, в непосредственной близости от немецких позиций, М.Д. Максимцов был легко ранен. Несколько дней, проведенных в медсанбате, он посвятил подготовке плана организации предстоящих работ. Готовые расчеты он представил И.В. Болдину. Из присланных дивизиями людей была сформирована команда из 43 человек. Начальником команды был назначен лейтенант В.Е. Новиков, уроженец тех мест. В начале марта 1942 года он прибыл в батальон из инженерного училища и попросился во взвод разведки, так как хорошо знал местные леса, болота, Варшавское шоссе. В состав команды также вошли опытные горняки из донецких шахт: Николай Стобун и Александр Сушко; криворожский горняк Петр Наумов; Давид Барашвили из Кахетии, который выполнял функции повозочного, являлся связующим звеном между шахтой и тылом команды, он под вражеским огнем доставлял все необходимое к месту подрыва; повар Алексей Сидоренко был родом с Полтавщины; старшина команды Василий Башилов умел обеспечить своих подчиненных всем необходимым; токарь Алексей Никитин; тульский слесарь Володя Майстренко (умер от ранения после одного из боев); Садыков; сибиряк Потапов; Лобачев, Матюшенко, Владимир Мазаев, сержант Калмыков, Тарасов, Ильинов, Ахметов, Ротанов, Иванович, Климов, братья-близнецы Назмухановы, Колесник, Нюхтилин и др.. Кроме опытных горняков, в состав команды входили плотники, слесари, землекопы и другие специалисты. В полутора километрах южнее деревни Фомино-1 построили кухню, склад для взрывчатки и патронов, укрытия для людей и лошадей. Подготовка к началу операции проводилась скрытно не только от немецких наблюдателей, но и от своих частей, чтобы информация, представлявшая военную тайну, преждевременно не просочилась к противнику. Перед командой

была поставлена задача — боевая, секретная, за разглашение которой суровое наказание — военный трибунал.

Наступило 26 августа 1942 года. Дождавшись темноты, скрытно выдвинулись к намеченному рубежу. Работы начались в непосредственной близости от переднего края противника, всего в 70 — 80 метрах. Все передвижения от «базы» до места подкопа производились только с наступлением темноты. В первую ночь удалось вырыть колодец глубиной пять метров, в котором были разбиты направления выработки и сделаны ниши для отдыха. В этих тесных углублениях можно было уместиться, только лишь свернувшись калачиком. Здесь же, рядом с колодцем, был построен блиндаж, из которого непрерывно велось наблюдение за передней линией обороны немцев.

Из воспоминаний Болдина: «Вынутую породу насыпают в мешки, складывают вдоль забоя, а ночью поднимают наверх и относят в тыл. Часть грунта использовали для имитации двух ложных ходов сообщения». Размер тоннеля по высоте составлял 110 см, по ширине — 70 см. Внутренние своды шахты укреплялись деревянными рамами. Освещением во время работ служил обыкновенный карманный фонарь с питанием от батарейки. Лопата, ломик, кирка с укороченными ручками и ведро — вот, пожалуй, весь рабочий инвентарь шахтеров-проходчиков. После прохождения пятидесяти метров стал резко ощущаться острый недостаток кислорода. Решено было сократить время пребывания бойцов в забое, но и это не помогло, суточная выработка резко упала. Здесь на выработку пришла солдатская смекалка: из кузнечного меха, гофрированных трубок от поврежденных противопожарных была сконструирована вентиляционная установка, благодаря которой удалось решить проблему кислородного голодания. Нельзя сказать, что немцы пассивно наблюдали за небольшой горсткой советских солдат на переднем крае их обороны. Несколько раз они пытались захватить наших смельчаков в плен. Для этого ими были предпри-

няты пьяные атаки на секретный объект. В такие моменты все работы в забое прекращались и шахтеры вместо лопат брали в руки оружие. Немецкие орудия, которые вели обстрел прилегающей к подкопу местности, также представляли угрозу для жизни шахтеров.

Однажды группа бойцов, которая только что окончила свою смену и готовилась к кратковременному отдыху, попала под огонь вражеской артиллерии. Несколько человек было убито и ранено. Не меньшую опасность представляла детонация от сильных разрывов крупнокалиберных снарядов. Она могла вызвать обвал шахты, в которой работали наши проходчики. Чем ближе шахтеры приближались под землей к позициям неприятеля, тем труднее становилось работать. Тем не менее, зная все это, Болдин приказал наращивать темпы подкопа, чтобы все закончить к началу октября. Через сто метров на пути шахты обнаружился огромный валун, из-за которого пришлось изменить направление подкопа. Еще одним испытанием оказался участок песка, который привел к обвалу и гибели нескольких бойцов. Наконец, пройдя под землей более ста метров, шахтеры оказались под немецкими позициями. Было слышно, как немцы пляшут под гармошку. 29 сентября была готова первая камера для заряда. Первый заряд Максимцов и Новиков заложили самостоятельно. Затем детонирующий шнур подвязали к потолку и закрыли его доской. Для надежности сеть детонирующего шнура продублировали. Как учили в академии. И тут же «произвели забивку» заряда — заложив камеру мешками с землей. Наблюдатели, произведя разведку передней линии обороны противника, наметили новые ориентиры для прокладки двух рукавов минной галереи по 25 метров к блиндажам и противотанковой батарее немцев. На очередной «пятиминутке» было принято решение в целях экономии времени и физических сил, грунт из забоя не выносить, а рассыпать его внутри, по всей шахте. Последние метры

под землей оказались самыми трудными. Они требовали от бойцов невероятной концентрации человеческих и физических сил. Духота в забое, температура, сопоставимая лишь с температурой в парной, не могли не сказываться на общем самочувствии шахтеров. Наверху, на поверхности земли, — октябрь месяц. По ночам холод заставлял солдат кутаться в шинели, а в забое проходчики в трусах и без сапог обливались потом. До конечной цели совсем немного. Когда дошли до места, в котором расстояние от свода галереи до блиндажей противника составило 10 метров, решили произвести закладку второго, а затем и третьего зарядов под артиллерийской батареей. Надежно забутили выход из минной галереи и в ста метрах от подкопа, в окопе установили две подрывные машинки. Всего же в шахту было заложено 25 тонн тротила. О завершении всех работ доложили командарму.

По указанию штаба армии под покровом ночи в небольшом лесном массиве было сосредоточено несколько подразделений 58-й стрелковой дивизии. Перед рассветом 4 октября 1942 года они выдвинулись на передний край нашей обороны для атаки. Немцы, заметив переброску свежих сил противника перед высотой 269,8, поспешили подтянуть резервы. Это не могло не радовать Болдина. Ведь чем больше их окажется в эпицентре взрыва, тем больше их будет уничтожено. На НП собрались старшие офицеры 50-й армии вместе с командармом. До взрыва оставались считанные минуты. Все всматривались в предрассветную темную полосу горизонта. Волнение было заметно на лице Ивана Васильевича. Неожиданно он отдал команду нашим частям отойти от немецких позиций на 400 — 500 метров. Максимцов доложил о готовности. Машинально Болдин взглянул на часы. «Пора», — по-хозяйски произнес командарм. Над высотой 269,8 взвились десять красных ракет. Все, что произошло потом, нельзя было передать одними словами. «Везувий

ожил», — произнес кто-то за спиной командарма. Земля под ногами задрожала так, словно страшная, неведомая сила, неподвластная человеческому разуму, пыталась вырваться наружу, чтобы поглотить все живое в округе. Кажется, что высота от внутреннего удара подпрыгнула. Через мгновение из нее вырвался огромных размеров земляной столб. Языки ярко-оранжевого пламени озарили высоту в предрассветной мгле. Еще в воздухе стоял протяжный гул от «раскатов грома», как на переднем крае, на расстоянии до километра начали рваться минные поля — наши и противника. Не успела пыль осесть на влажную от росы землю, как в сторону высоты устремилась наша пехота. Можно только себе представить те эмоции, которые охватывали советских солдат, преодолевших двухметровый земляной вал, образовавшийся от взрыва. Взобравшись на край воронки, наши бойцы увидели огромный котлован почти в сто метров в диаметре и десять метров глубиной.

Выжил ли кто в этом аду или нет, на этот счет и по сей день нет единого мнения. Одни утверждают, что немцев во время взрыва там вовсе и не было, т.е. взрывали пустую высоту. А противник за всем происходящим наблюдал из соседних окопов. Другие — что погибло бесчисленное множество немецких солдат, было уничтожено большое количество боевой техники и вооружения. Что ж, данная версия также имеет место на существование, как тот факт, что на высоте 269,8 было уничтожено до 400 гитлеровцев. Подтверждением тому может служить памятный знак, установленный на высоте рядом с братской могилой наших солдат. Кстати, с этой цифрой были согласны ветераны вермахта, не раз посещавшие в наши дни Зайцеву гору уже в качестве туристов.

Что же было после того, как высота оказалась в руках бойцов 58-й стрелковой дивизии? Немцы поспешили отправить в Берлин сообщение, что на Зайцевой горе русские применили сверхсекретное оружие огромной разру-

шительной мощности. Пленные, захваченные в тот день после взрыва, единодушны были в одном — в этом необычном для них бою русские применили новое оружие сильнее «катюши». Немецкое командование приказало оповестить свои части, чтобы те, в свою очередь, были предельно внимательными за всеми земляными работами, проводимыми русскими на своем переднем крае.

Из воспоминаний И.В. Болдина: «Говорю Максимцову, что теперь за отлично сданный экзамен ставлю ему «пятерку». Майор благодарит и напоминает, что Иван Грозный брал Казань, как и мы высоту 269,8, в такую же пору года».

Несмотря на уникально проведенную операцию по уничтожению мощного узла сопротивления, гитлеровцы через некоторое время вернули назад себе высоту. На ее развалинах они встретили новый, 1943 год. И лишь в марте 43-го над руинами укреплений высоты 269,8, уничтоженной саперами Болдина, взвилось Красное знамя. Немцы ушли с высоты навсегда!

Можно до бесконечности спорить: нужен ли был подкоп под высоту, если немцы все равно ее вернули себе? Многие из фронтовиков, принимавших участие в тех боях, утверждают, что взрыв, потрясший всех своей разрушительной силой, был эффективен на первый взгляд лишь со стороны, не принеся никакой пользы для общего дела. Это не что иное, как взгляд на данный факт из солдатского окопа. Но было и другое: на данном участке фронта происходило сдерживание крупных сил вермахта, которые могли бы быть более полезными под Сталинградом и на Кавказе. Ведя упорные, кровопролитные бои и неся колоссальные потери от непрерывных атак на немецкие позиции, 50-я армия отвлекала на себя еще сильного врага, не позволяя ему ни на минуту расслабиться. Немцы не только не сняли с Зайцевой горы ни одной дивизии, наоборот, немецкому командованию пришлось перебросить на вероятный участок прорыва 1-го гвардейского кавале-

рийского корпуса генерал-майора П.А. Белова и 4-го воздушно-десантного корпуса свои свежие части.

Однако остается вопрос: почему солдаты 50-й армии остались без так необходимой им поддержки: авиации, боеприпасов, амуниции, продовольствия и многого другого? Почему был отдан приказ захватывать Варшавское шоссе именно там, где находились Зайцева гора и высота 269,8? Может быть, в стороне от этих высот наступление было бы более эффективным? На этот вопрос нам никто не даст ответа. Спросите у тех, кто остался лежать навечно в окрестностях Зайцевой горы.

И все же сорок дней и ночей под землей горстка советских героев шла к своей маленькой победе, которая стала прологом великой Победы над фашизмом. Живые и павшие на Зайцевой горе останутся в памяти наших поколений на века!

ЭШЕЛОНЫ ЛЕТЯТ ПОД ОТКОС

В годы Великой Отечественной войны одной из главных задач партизанской борьбы было нарушение работы транспорта противника, что выражалось в разрушении искусственных сооружений, путей и путевых устройств, станций, пристаней, крушении поездов, подрывах автомашин и судов.

В диверсионной работе чекистские органы руководствовались указаниями Коммунистической партии о борьбе с оккупантами в тылу противника и директивами НКГБ-НКВД СССР о ведении зафронтной работы. Первым из таких распоряжений являлась директива НКГБ СССР № 158 от 1 июля 1941 года. Она поставила конкретную задачу — приступить к диверсионно-террористической и разведывательной работе в тылу врага. Но наиболее важным документом партии по этим вопросам явилось Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 года, которое потребовало «создать невыносимые условия для германских интервентов»¹.

Подразделениям НКВД — УНКВД прифронтных областей вменялось в обязанность немедленно приступить к организации и руководству диверсионной работой на оккупированной территории. Этим же задачам в полной мере было подчинено и специальное обучение чекистских кадров, которые направлялись после их подготовки

¹ *Старинов И.Г.* Мины замедленного действия. — М., 1999. — С.123.

на временно оккупированную территорию для боевой деятельности. Достаточно отметить, что из 30-часовой программы обучения на курсах на диверсионную подготовку отводилось 16 учебных часов.

Диверсии на железных дорогах осуществлялись бойцами оперативных групп и агентами, работавшими на станциях крупных железнодорожных узлах, в железнодорожных депо, ремонтных мастерских и т. д. Чаще всего выводились из строя железнодорожное полотно и различные сооружения (мосты, виадуки, депо, водокачки, линии связи). Наибольший эффект достигался в результате подрыва важных объектов. Взрыв железнодорожного полотна, мостов, путепроводов обычно приурочивался ко времени прохождения по ним поездов. Всякое крушение поезда вызывало серьезные нарушения движения по магистрали.

В основе диверсионной деятельности органов госбезопасности лежала боевая работа небольших по своей численности групп подрывников из чекистских подразделений, находившихся в подчинении руководителей спецгрупп или их заместителей по диверсионной работе. Располагая взрывчатыми веществами, они выходили к местам предстоящих диверсий, которые определялись Центром с учетом рекомендаций командования Красной Армии. В диверсионной работе чекистских подразделений активно использовались агенты органов госбезопасности, которые получали задание от оперативных работников.

Предусматривался тщательный подбор состава для диверсионных групп и партизанских отрядов. Помимо честных, проверенных и смелых людей предпочтение отдавалось людям, знакомых с техникой. При подготовке их уделялось внимание как работе с подрывными и зажигательными средствами, так и расчетам по разрушению и умению оценить жизненные части сооружений и агрегатов.

Акции партизанских отрядов, созданных на базе оперативных групп органов государственной безопасности, внесли неоценимый вклад в проведение диверсионной войны в тылу врага.

Одним из главных ее направлений стали диверсии на транспортных коммуникациях, важнейшими из которых были железные дороги. Методы диверсионной деятельности здесь были многообразны. Например, железнодорожное полотно на однопутном участке минировалось в одном или в нескольких местах, а на двухпутном участке — минировались обе железнодорожные колеи. Использование различных взрывателей, в том числе замедленного действия, неизвлекаемых мин и других, вносило изменения в способы минирования, а также способствовало изготовлению противопаровозных взрывных устройств.

Следует отметить, что партизанские диверсии были одним из самых эффективных и дешевых видов нарушения работы тыла противника, особенно транспорта¹.

Так, немецкая авиация, по данным Управления МПВО НКПС СССР, на один час перерыва движения на двухпутном участке расходовала в первые месяцы войны 1500 кг, а в 1944 году — до 7500 кг авиабомб. Опытные партизаны-диверсанты соответственно расходовали при крушении поездов на один час перерыва движения 2,4 — 3,5 кг минно-взрывных средств, или в 625 — 2100 раз меньше, чем немецкая авиация².

При осуществлении этих операций использовались толовые заряды и самые разнообразные минные устройства — от миниатюрных магнитных мин, мин замедленного действия (МЗД) и неизвлекаемых мин (НМ) до мощных фугасов. Среди подрывников ОМСБОНа были асы минно-подрывного дела, на личном счету которых от 10 до 20 и более спущенных под откос вражеских эшело-

¹ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

² Там же.

нов, взорванные мосты, станционные сооружения и другие объекты. К их числу принадлежали Е. А. Телегуев (на личном счету 20 эшелонов), П. С. Лисицын (19), И.В. Майский (18), Э. Б. Соломон (Калошин — 17)¹ и др.

Наиболее длительное воздействие на железные дороги противника достигалось минами замедленного действия (далее МЗД). Установленные противопоездные МЗД взрывались под проходящим поездом только после установленного срока замедления.

МЗД обладали преимуществом перед ММД (минами мгновенного действия) тем, что одновременно можно было установить значительное количество МЗД с различными сроками замедления, и затем взрывы происходили периодически после восстановления противником полотна железной дороги.

Массовое применение МЗД с различными сроками замедления даже при одновременной установке могло закрыть движение эшелонов противника на 2 — 3 месяца².

Малые потери партизан при производстве крушений поездов и большие потери при этом противника обуславливались нанесением врагу потерь не боем, а с помощью МЗД, действия которых происходили, когда партизаны находились в недосягаемости, а также пониженной сопротивляемостью войск противника непосредственно после крушения, что давало возможность резко увеличить потери гитлеровцев нападением на них из засад³.

МЗД, так же как и ММД, партизаны устанавливали на тех участках перегона, которые были наиболее выгодны для производства крушений: на насыпях, в выемках, на закруглениях и спусках, т. е. в тех местах, где помимо ликвидации последствий крушения, требовались трудоемкие восстановительные работы.

В некоторых случаях (после взрыва моста, в связи с

¹ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Указ. соч. С. 223.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д. 702. Л. 10.

³ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.

прекращением движения), уменьшалась охрана на перегонах. Поэтому партизанам можно было безопаснее и надежнее установить МЗД с большими сроками замедления, чтобы они начали действовать после завершения восстановительных работ.

Производительность партизан по установке мин зависела от состояния охраны, качества грунта и инструмента для выделывания скважин, наличия удобных подходов и продолжительности ночи, отсутствия или наличия снежного покрова. При благоприятных условиях местности партизанский отряд в 100 человек мог за одну ночь продолжительностью не менее 8 часов установить при отсутствии немецкой войсковой охраны от 40 до 65 МЗД и до 30 мин прикрытия; при охране в среднем 5 человек на 1 пути установить от 20 до 30 МЗД и такое же количество мин прикрытия. При охране 10 человек на 1 километр пути могли установить от 7 до 12 мин, при охране 20 человек на 1 километр всего 2 — 7 мин¹. При этом процент обнаруженных мин был, при всех других условиях, тем больше, чем сильнее была охрана в момент установки мин.

Согласно инструкциям ЦШПД партизаны при установке мин руководствовались следующими правилами: расчетное расстояние между двумя соседними МЗД должно быть не менее 200 метров, дабы избежать взрыва соседней мины от сотрясения при взрыве первой и чтобы затруднить обнаружение ее противником; не устанавливать на противоположных концах минного поля МЗД с одинаковыми сроками замедления, так как противник мог определить протяжение минного поля; взрыв одной мины должен был происходить не ранее 5 суток с момента установки последней мины, чтобы за это время по естественным причинам (дождь, ветер, снег) устранились демаскирующие признаки².

¹ Там же. Л. 59.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д. 702. Л. 13.

По опыту проведенных партизанами диверсионных актов было установлено, что в среднем одно крушение поезда на железной дороге задерживает движение на 8 — 12 часов. Чтобы закрыть движение на однопутном участке, достаточно было двух-трех крушений в сутки, при условии, что они будут происходить на одном или соседнем перегонах. Тогда между двумя последующими взрывами не могло пройти большое количество поездов. Если же крушения производились даже в разное время, но на различных перегонах, то большего сокращения движения не происходило ввиду того, что поезда, находившиеся на станциях и перегонах между пунктами крушений, протаскивались противником вперед после ликвидации крушения и суммарная задержка составляла 8 — 12 часов, а за оставшиеся 12 — 16 часов пропускались через участок все остановленные поезда¹.

В случае трех крушений в сутки на одном или на 2 — 3 смежных перегонах противник не мог пропустить ни одного поезда, пока не ликвидировал последствия всех крушений, и, следовательно, участок был полностью закрыт.

Для полного закрытия движения на 2-путных участках количество крушений в сутки должно было быть не менее двух на каждом пути. Исходя из этого, можно посчитать, что на однопутном участке для полного закрытия движения на 10 дней требовалось 20 — 30 минут и на месяц 50 — 80 минут с возрастающими сроками замедления.

Так как для производства одного крушения в зависимости от скорости поезда необходимо было закладывать на каждую МЗД от 8 до 10 кг взрывчатых веществ, то для закрытия движения на 10 дней требовалось от 160 до 350 кг взрывчатки².

При помощи этого же количества взрывчатых ве-

¹ Там же. Л. 14.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д. 702. Л. 14.

ществ можно было произвести другие разрушения, что вызывало примерно такую же задержку движения. Однако преимущество МЗД заключалось в том, что помимо задержки движения уничтожалось 16 — 25 паровозов и по меньшей мере 75 — 100 вагонов с воинским грузом или живой силой противника. Кроме того, тщательно замаскированные МЗД благодаря наличию железных рельсов было невозможно искать миноискателем, и вследствие этого противник был деморализован неизвестностью и зачастую отказывался от эксплуатации заминированного участка¹.

Количество групп, выделяемых на выполнение операции по установке МЗД, определялось исходной нормой: для рытья ямы глубиной 0,8 метра, для установки и маскировки МЗД с дополнительным зарядом требовалось работа двух минеров в течение 0,5 часа.

Плотность охраны путей сообщения на оккупированной территории СССР колебалась от одного до десяти батальонов на 100 км дорог. Расход больших сил и средств на их охрану, как признавали сами гитлеровцы, лишал их возможности проводить активные систематические операции против партизан².

С весны 1943 года фашистское командование значительно увеличило число охранных и полицейских гарнизонов в населенных пунктах, расположенных близ железнодорожных магистралей и шоссейных дорог. Серьезнейшей опасностью для групп подрывников стали вражеские засады, поджидавшие их на подступах к магистрали и на путях отхода к лесу. Их можно было ожидать и на любом отрезке маршрута за пределами партизанской зоны. А ведь подрывникам каждый раз приходилось проделывать немалый путь от лагеря к месту диверсии. Нередко партизанская тропа, пролежавшая по болотам, сквозь чащобы и буреломы, а в отдельных

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 25. Л. 48.

местах — и по открытой местности, растягивалась до 30 — 40 км. В некоторых случаях перед минерами ставилась задача проведения целевой диверсии на особо отдаленных от базы магистралах. Тогда путь подрывников удлинялся до 100 и более км¹.

Обычно группе давался предельный срок возвращения на базу, — как правило, неделя. Перед выходом каждой группы в штабе отряда уточнялось задание. Подрывников знакомили с последними донесениями связанных и разведчиков о ситуации на предполагаемом маршруте движения группы и на магистрали. Это являлось исходным ориентиром для подрывников. На походе группа вела разведку и непрерывное наблюдение, уточняла обстановку и в зависимости от этого определяла реальный маршрут, а также место и конкретный способ осуществления диверсии. В пути приходилось проявлять максимум осторожности в общении с местными жителями, чтобы не подвергать их смертельной опасности: ведь в случае обнаружения связей с партизанами их и их семьи ожидал расстрел. Опасались и вражеской агентуры.

В ход пускались и самодельные мины, изобретенные самими подрывниками. Так, группа минеров соединения им. Александра Невского и слесарь-подпольщик Я. Каплюк создали самодельную мину «Самолет» и специально для нее особый тип взрывателя².

В 1943 — 1944 годах подрывные группы стали численно крупнее: минеры действовали под боевым прикрытием. Подойдя к дороге, группа залегала в пределах хорошей видимости железнодорожного полотна, изучала обстановку, вела наблюдение, выбирала места подхода к полотну. Иногда это длилось несколько суток. Установка каждой мины требовала подлинного мастерства, пре-

¹ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казичкий А.С. Указ. соч. С. 225.

² Ивлиев Е.А. Крест и маузер // Динамовцы в боях за Родину. — Кн. 3. — М.: ФИС, 1985. — С. 118—119.

дельного напряжения и внимания. Особую опасность представляла установка неизвлекаемых мин, способных сработать при малейшем прикосновении и от любого колебания почвы. Подрывники ОМСБОНа овладели этим искусством. Сотни таких мин были установлены ими на различных магистралях. Необходимо было умение и при маскировке мин. На месте их установки не должно было оставаться никаких следов работы минеров. Нельзя было перемешивать сухие верхние слои земли с сырыми нижними — это сразу вызвало бы подозрение охранников. Лишнюю землю собирали в плащ-палатку и уносили с собой. Установив мину, сверху укладывали побеленные известью камешки — как они лежали вдоль полотна до минирования; отходя, стирали следы своего пребывания у дороги или же на станции (полустанке)¹.

В зависимости от обстановки и характера задания применяли разные способы минирования дорог и использовали различные системы мин. В большинстве случаев устанавливали мины со взрывателями замедленного действия.

Иногда же приходилось прибегать к самому смелому и дерзкому приему — установке мины «под поезд». Делалось это обычно днем, чтобы обмануть бдительность патрулей. В этих случаях минер, прикрываемый товарищами, при приближении поезда бежал к полотну дороги с минным зарядом и бикфордовым шнуром длиной не более 40 см. Мина ставилась буквально в 300 — 500 метрах от идущего поезда. Всего 40 секунд было в распоряжении подрывника для отхода, пока горел бикфордов шнур. Требовались исключительная смелость и точность расчета и то особое мастерство, каким в совершенстве обладал, например, подрывник В. Хазов².

¹ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Указ. соч. С. 226.

² Калашников Б.В. Подрывник Хазов // Динамовцы в боях за Родину. — Кн. 3. — М.: ФИС, 1985. — С. 95—96.

Показателен пример деятельности этого отважного человека и его группы. В начале ноября 1942 года подрывная группа Хазова вышла на очередное задание. Подрывники имели три мины. Первой был спущен под откос воинский эшелон с живой силой и техникой, уничтожены паровоз и 28 вагонов. Фашисты начали преследование группы, идя за нею буквально по пятам. Но через сутки на соседнем участке железной дороги под откос пошел второй эшелон. Тогда немцы прекратили движение поездов по ночам. Но у подрывников осталась третья мина, которую теперь нужно было заложить днем. И тогда В. Хазов, переодевшись крестьянином, примкнул к группе ремонтников и во время обеденного перерыва подсунул свой «узелок с обедом», ничем не отличающийся от крестьянских, в ямку под рельсы и незаметно скрылся. Под вечер в кювете лежал третий эшелон¹.

В 1943 — 1944 годах все чаще стали прибегать к установке неизвлекаемых мин с электродетонаторами. Большую изобретательность проявили подрывники ОМСБОНа и во время операций на шоссейных магистралях. Так, весной 1942 года группа подрывников из отряда Бажанова использовала в качестве мины-ловушки немецкий мешок из-под сахара. В него вложили артиллерийский снаряд, 3 кг тола, мину и бросили на шоссе в расчете на то, что сахар привлечет внимание проезжающих военных. На эту ловушку попались офицеры, ехавшие в штабной машине². Вскоре после этого бажановцы заминировали на проезжей части шоссе трофейный мотоцикл. Его попытался сбросить с дороги немецкий шофер грузовой машины. В результате в воздух взлетела машина со взводом гитлеровских солдат³.

Подрывники не прекращали своих операций и после

¹ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Указ. соч. С. 227.

² Там же. С. 229.

³ Там же.

того, как заканчивались запасы мин и тола. И здесь выручала солдатская смекалка. В лесах и на полях оставалось много артиллерийских снарядов. Подрывники научились добывать из них тол. Так, в отряде «Боевой» этот способ добычи взрывчатки первым предложил начальник штаба, бывший артиллерист Л.А. Попковский. Боец-туляк Г.А. Семенов разработал технологию выплавки тола из снарядов на кострах. Удалось добыть 5,5 тонны тола. Своим опытом «Боевой» поделился с другими отрядами. К этому способу добычи тола прибегали и бойцы отряда «Олимп». Когда в мае 1943 года в отряде кончились запасы тола, бойцы были брошены на поиски оставшихся на полях и в лесах авиабомб, артиллерийских снарядов и мин. Их разряжали и затем выплавляли взрывчатку. Минеры отряда «Олимп» создали самодельную неизвлекаемую мину. При первом же ее применении был спущен под откос эшелон с 22 вагонами и тремя цистернами с горючим. Случилось так, что одновременно на втором пути на mine, поставленной местными партизанами, взорвался встречный поезд¹.

Исключительно сильным было моральное воздействие крушений поездов на перевозимые войска, которые на себе испытывали диверсии партизан и видели валяющиеся на обочинах разбитые вагоны.

Успешные диверсии партизан на транспорте и в промышленности, особенно если они не затрагивали интересов местного населения, способствовали вовлечению его в активную борьбу с оккупантами. Слова агитации и пропаганды подкреплялись делами.

Массовое применение партизанами всевозможных мин заставляли фашистов отказываться от ночного движения. Для облегчения поисков мин гитлеровцы предпринимали следующие меры: цепляли впереди паровоза пустые платформы; пропускали контрольные поезда перед открытием утреннего движения; практиковали про-

¹ *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. — М.: ДОСААФ, 1983. — С. 29—30.

пуск поездов пакетами, т. е. несколько один за другим¹; очищали балласт из-под подошв рельс; тщательно укладывали вдоль рельсов гравий и поливали его раствором извести; в одних местах, в конце дня, охрана протаскивала по полотну связки прутьев, в других к последнему вагону вечернего поезда прицепляли цепи, оставляющие на профиле борозду. На подготовленном, таким образом, полотне были резко заметны следы при утреннем осмотре участка железной дороги². Все эти меры приводили к облегчению нахождения мин.

Руководство партизанским движением снабжало партизан необходимыми инструкциями по противодействию подобным мероприятиям оккупантов. Так, в техническом листке № 1 УШПД партизанам рекомендуется следующее: «Устанавливать мины за 50 — 100 метров от выхода на полотно, причем это расстояние передвигаться по шпалам; при установке мин в песчаном балласте поливать место установки водой через веничек, так как вода к утру подсохнет и на месте установки будет такая же корочка земли, как и по всему полотну; при поливе гравия известкой ставить мину под этим гравием, при этом камни осторожно собирать в сторону и по окончании установки уложить их в том же порядке; применять неизвлекаемые мины»³.

Как правило, если кто-нибудь из охраны подрывался при разминировании, фашисты отказывались от попыток извлекать мины и взрывали шашками тола или гранатами все подозрительные места на полотне. В этой связи диверсанты соответственно делали ложные установки с демаскирующими признаками⁴.

По инструкции немецкой администрации машинисты на некоторых железных дорогах были обязаны ездить со

¹ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 110. Л. 11.

² Там же. Л. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

скоростью до 25 км/час, а иногда 15 км/час, вместо обычной скорости 45 — 50 км/час. На прямых участках пути при таких скоростях паровозы почти всегда, если и сходили с рельс, то оставались на насыпи, и подъем их для оккупантов не был труден. Однако на кривых участках, подрыв на минах почти всегда приводил к падению паровоза под откос¹.

Партизаны заставляли машинистов нагонять поезда на мины с повышенной скоростью, устраивая для этого засады за 1 — 1,5 км до установленной мины, и обстреливали паровоз ружейно-пулеметным огнем (как правило, машинист в таких случаях невольно прибавлял скорость). В целях увеличения размеров крушений выбирались места, где скорости поездов были наибольшие, места после длительных спусков и перед подъемами, на кривых, высоких насыпях и в выемках².

Противодействуя партизанским диверсиям, гитлеровцы устраивали засады и вводили ночное патрулирование участков железной дороги. Для охраны железной дороги от диверсий партизан и обнаружения мин часто использовали собак. Технический листок № 1 УШПД рекомендует партизанам помимо засад применять натяжные противопехотные мины. Ввиду того, что ночью патрули и собака не могли видеть натянутую нить, была велика вероятность уничтожения противника, не вступая с ним в бой. Противопатрульные мины практиковалось устанавливать не ближе одного километра от места установки противопоездной мины³.

Таким образом, методы диверсий на железных дорогах были хорошо отработаны и принесли серьезные результаты. Это позволило с накоплением опыта и сил перейти к крупномасштабным диверсионным операциям, намечающим решения стратегических задач войны. Пер-

¹ Там же. Л. 12.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

вые подобные операции были проведены в 1943 году. Так, начало 1943 года партизаны ознаменовали переходом к массированным ударам по коммуникациям врага, в ходе которых боевые действия сочетались с минированием дорог и выведением их из строя на значительном расстоянии.

Первой в Белоруссии стала операция под кодовым наименованием «Гранит», проведенная в январе 1943 года¹.

В числе первых одновременный вывод из строя железных дорог на большом участке отряды ОМСБОН НКВД начали применять еще в 1942 году в лесах Смоленщины.

Этот прием не раз использовали и в бригаде С.А. Ваупшасова. Так, в апреле 1943 года семь диверсионных групп бригады, действуя одновременно, вывели из строя на несколько суток магистрали Минск — Барановичи и Минск — Бобруйск². Через месяц эти же магистрали вновь были парализованы в результате одновременного налета 12 укрупненных групп отряда, вооруженных ручными пулеметами³.

14 июля 1943 года был издан строго секретный приказ начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». Основная цель операции «Рельсовая война» — массовым повсеместным уничтожением рельсов сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение. Приказывалось уничтожать рельсы на основных магистралях, запасных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами⁴.

¹ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Указ. соч. С. 230.

² Ваупшасов С.А. Партизанская хроника. — Минск: Беларусь, 1971. — С. 288—290.

³ Там же.

⁴ Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941 — 1944 гг. — М.: Наука, 1982. — С. 278.

Анализ публикаций, посвященных проблеме диверсий в тылу врага, показывает неоднозначную позицию авторов в отношении операции «Рельсовая война», начавшейся летом 1943 года. До последнего времени преобладала точка зрения, и она присутствует в большинстве работ, посвященных Великой Отечественной войне, о положительном результате этой операции¹.

Однако существует мнение и о неэффективности и даже вредности рельсовой войны. Основоположителем этой идеи явился крупнейший специалист по партизанским диверсиям И.Г. Старинов.

Первый удар «Рельсовой войны» ЦШПД намечал провести в начале августа, но И.В. Сталин рекомендовал начать операцию немного раньше, во взаимодействии с наступлением Красной Армии. Верховный Главнокомандующий оценил эти взаимодействия партизан с Красной Армией как первую крупную, совместно разработанную операцию по разгрому противника.

В ночь на 22 июля 1943 года начали операцию орловские партизаны. Остальные партизанские силы, за исключением украинских, литовских, молдавских и эстонских, начали «Рельсовую войну» в ночь на 3 августа. Всего в операции было задействовано 167 партизанских бригад и отдельных отрядов общей численностью 95 615 человек.

7 августа 1943 года начальник ЦШПД докладывал Сталину, что «план уничтожения 213 тысяч рельсов будет выполнен до середины августа. Однако, по сводкам ЦШПД, этот план был выполнен только к середине сентября. По данным противника, партизаны в августе подорвали только 25 тысяч рельсов.

Сам приказ подрывать рельсы вызвал у многих руководителей партизанского движения недоумение. По мнению одного из них, помощника начальника ЦШПД по

¹ Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне. — М., 1981; История Великой Отечественной войны. — М., 1961. — Т.2. Азяский Н.Ф., Князьков А.С. Партизанская операция «рельсовая война». — М., 1985 и др.

диверсиям И.Г. Старинова, «одновременный удар по вражеским коммуникациям был необходим, но взрывать рельсы?! Чуть какая-то» (*Старинов И.Г. Записки диверсанта*. — М.: Вымпел, 1997. — С. 364.)

Партизаны подрывали рельсы вместо организации крушений поездов, что было, конечно же, проще и безопаснее по исполнению. Это привело к значительному снижению потерь нужных противнику паровозов, военных грузов и не отражалось на моральном состоянии перевозимых войск.

По мнению И.Г. Старинова, основными видами нарушения работы железнодорожного транспорта были крушения поездов, взрывы мостов, уничтожение локомотивов, а не массовый подрыв рельсов, зачастую в тупиках и на запасных путях. Не согласиться с этим, конечно же, нельзя.

Да, при подрыве рельсов двухсотграммовыми и тем более стограммовыми толовыми шашками рельсы вовсе не разрушались, а выбивался кусок длиной 25 — 35 см. Немцы опиливали рельсы и сваривали их термитом. Более того, они изобрели накладной мостик длиной 80 см и массой около 20 кг, накладывали на подорванные рельсы и пропускали по ним поезда.

И.Г. Старинов, ссылаясь на данные И.В. Ковалева, доказывает, что во время операции «Рельсовая война» отступающие немецкие войска подрывали рельсы на контролируемых ими магистралях, эвакуировали рельсы с недействующих путей¹. А в это время некоторые партизанские формирования подрывали рельсы на запасных и второстепенных путях. В то же время ограниченные запасы материалов особенно подчеркивали актуальность сохранения железных дорог в полосе наступления. Командование фронта поставило перед авиацией и партизанами задачу вести разведку дорог, выявлять и уничтожать немецкие путеразрушители, а также составило план захвата больших железнодорожных мостов воздушными десантами².

¹ Ковалев И.В. Указ. соч. С. 264.

² Военные сообщения за 50 лет. — М., 1967. — С. 322.

Из-за отсутствия единого разработанного плана вывода из строя коммуникаций противника, недостатка у партизан минно-взрывных средств, разобщенности в действиях партизанских формирований, проведенных в ходе «Рельсовой войны» акций было явно недостаточно, чтобы перекрыть вражеские коммуникации¹.

Операции «Рельсовой войны», по мнению И.Г. Старинова, не достигли цели, и, больше того, количество доставленных поездов вермахту не только не уменьшилось, а наоборот, даже увеличилось. Так, чем больше партизаны подрывали рельсов, тем меньше они производили крушений поездов. Эту зависимость поняли партизанские командиры, в том числе и белорусских партизанских формирований и, начиная с сентября 1943 года резко уменьшив количество подорванных рельсов, одновременно увеличили число крушений, и противник стал все меньше пропускать поездов на фронт².

По данным ЦШПД, белорусские, смоленские и орловские партизаны с 3 августа по 16 сентября 1943 года подорвали в тылу вражеской группы «Центр» более 160 тысяч рельсов³. По данным противника, 20,5 тысячи рельсов.

Исследование И.Г. Старинова после войны показало, что сумма перерыва движения поездов от действий партизан на перегонах — 18 750 суток, на участках достигала только — 11 120 суток.⁴

По мнению И.Г. Старинова, «...вредность установки начальника ЦШПД на повсеместный подрыв рельсов заключалась в том, что на оккупированной территории на 1 января 1943 года было 11 млн рельсов, а подрыв 200 ты-

¹ *Старинов И.Г.* Подрывники на коммуникациях агрессора.// Вопросы истории. — 1988. — № 7. — С. 111.

² Там же.

³ *Пономоренко П.К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941 — 1944 гг. — М.: Наука, 1986. — С. 234.

⁴ *Старинов И.Г.* Мины замедленного действия. — М.: Вымпел, 1999. — С. 162.

сяч рельсов в месяц составляет всего менее 2%, что для оккупантов было вполне терпимо, тем более, если они подрывались в значительной мере там, где немцы при отходе сами разрушить не могли»¹.

К еще одному из видов диверсий, совершаемых партизанами, следует отнести подрывы и порчу мостов. Мосты, которые подвергались диверсиям, были самые различные как по своей структуре (деревянные, железобетонные), так и по стратегическому значению. Лучшим способом разрушения деревянных мостов, являлось сжигание надводной или подрыв подводной частей моста².

Если деревянный мост нельзя было сжечь, например, из-за дождя, производилась его механическая порча. Эффективным было подпиливание свай на двух средних опорах с одной и той же стороны три четверти их диаметра. В целях маскировки места пропилов замазывались глиной или грязью, опилки убирались.

Подрыв железобетонных мостов осуществлялся путем минирования пролетных строений и опор. Пролетные строения подрывались в одном месте, если они были не более 10 метров, и в двух местах, если были более указанной длины³.

В штабах омсбоновских отрядов и бригад разрабатывались планы многих крупных диверсий и на других объектах. В их осуществлении особая роль возлагалась на подпольщиков: ведь установить мины и заряды на строго охраняемых объектах могли только люди, имеющие к ним свободный допуск и не вызывающие у охраны подозрений⁴. О масштабах этих операций свидетельствуют следующие данные: только за первые восемь месяцев действий в тылу врага отряд М.С. Прудникова совершил более 200 диверсий. Свыше 50 крупных диверсий было на

¹ *Старинов И.Г.* Указ. соч. С. 162.

² Там же. Л. 9.

³ Там же.

⁴ *Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казичкий А.С.* Указ. соч. С. 241.

счету отряда С.А. Ваупшасова, и подавляющее их большинство — в Минске¹.

В 1942 — 1944 годах около 70 раз — и в ночные часы, и среди белого дня — Минск и другие города сотрясали мощные взрывы зарядов, заложенных подпольщиками и подрывниками «Местных»². В организации наиболее значительных диверсий принимали личное участие командиры отрядов и бригад.

При диверсиях на важных военных и промышленных объектах, на электростанциях, в учреждениях связи, а также на объектах в сельской местности использовалось минирование, организовывались поджоги, уничтожение и выведение из строя объектов и иными способами. В основном здесь применялись способы минирования подрывными устройствами различной взрывной силы, установка мин с часовым механизмом взрывателя, а также минами, закамуфлированными под дрова, брикеты торфа. Чекистские подразделения организовали также множество диверсий путем поджогов с имитацией самовоспламенения с помощью табельных средств или изготовлением зажигательных устройств на месте из подручных материалов. Был организован многочисленный вывод из строя различного промышленного оборудования, станочного парка, электрогенераторов, паровых турбин путем замыкания электропроводов и другими способами.

Работа по разрушению или минированию любых объектов разделялась на два этапа. Первый этап включал в себя подготовку к диверсионному акту, второй — исполнение. Случайная, непродуманная установка мин, хотя и наносила урон фашистам, однако не давала того внушительного эффекта, который достигался в результате спланированного минирования³.

Таким образом, организация диверсионной работы

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 38693. Оп. 1. Д. 60. Л. 38.

³ Там же. Д. 98. Л. 3.

играла огромную роль в деятельности органов государственной безопасности СССР в тылу противника.

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцам был нанесен серьезный урон на коммуникациях в их тылу путем диверсий. Но возможности по нарушению вражеского тыла были использованы в незначительной мере. Это произошло потому, что сохранилось очень мало обученных людей¹, а на подготовку кадров было затрачено недостаточно времени; не хватало нужной техники, партизаны и оперативные группы государственной безопасности испытывали острый недостаток в ВВ, которых получали от 10 до 25% потребности; не было единого органа, который бы занимался подготовкой, обеспечением и руководством диверсантами².

При большом количестве руководства — партийные органы, Военные советы фронтов, НКВД, Штабы партизанского движения, ГРУ, по мнению И.Г. Старинова, целенаправленно занимались диверсиями только штабы партизанского движения³. И.Г. Старинов считал, что ГРУ занимались диверсиями как «подсобным» способом, предпочитая считать поезда, а не пускать их под откос⁴.

Все это приводило к отсутствию должной плановости в действиях диверсантов, и поэтому даже значительное количество бесплановых диверсий не давало должного результата, так как противник ликвидировал последствия диверсий параллельно и замечал перерыв движения только от наиболее крупных акций.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что задачу по длительному нарушению движения партизаны и оперативные группы государственной безопасности могли с наименьшей затратой сил и средств решить при помощи МЗД и радиоуправляемых мин.

¹ Имеется в виду оставшихся в живых после сталинских «чисток» специально обученных диверсантов в 1929—1933 гг.

² РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

³ Там же.

⁴ Там же.

БРИТАНСКИЕ ДИВЕРСИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ

1. Предыстория

Диверсионное направление привлекло внимание британского руководства задолго до первых залпов Второй мировой войны. Первое слово в этой сфере произнес еще в конце 1938 года руководитель информационно-аналитического Центра промышленной разведки (ИИЦ) Десмонд Дж. Ф. Мортон. Он впервые сформулировал передовую концепцию экономической войны, согласно которой в грядущих вооруженных столкновениях разрушение экономики противника будет играть не менее важную роль, чем уничтожение его армии. В связи с этим он предложил провести подготовку к созданию министерства экономической войны, четвертого боевого ведомства государства наряду с министерствами армии, авиации и флота. Мортон полагал, что «новое министерство должно заниматься не только открытыми операциями, как, например, контролем за контрабандой, но и развернуть свою наступательную деятельность в сфере так называемых «специальных операций», проводя их в виде диверсий и саботажа. Эти операции должны быть направлены как против вражеских государств, так и против тех нейтральных стран, из которых противник получает снабжение»¹. Такой подход предусматривал централизацию руководства подрывной работой, проводимой уже не столько в сиюминутных интересах войск, сколько в соответст-

¹ Цит по: *Монтгомери Хайд*. Комната 3603. Рассказ о деятельности английского разведывательного центра во время Второй мировой войны в Нью-Йорке. — М.: «Международные отношения», 1967. — С. 50.

вии со стратегическими целями ведения войны. Эти взгляды разделял друг Мортон Уинстон Черчилль, полностью реализовавший их в 1940 году.

Однако руководитель ИИЦ оказался не единственным, обратившим внимание на диверсионную и подрывную деятельность. К концепции ведения боевых действий нетрадиционными методами одновременно подошли, хотя и не столь широко, в трех основных ведомствах, озабоченных явно надвигающейся на Европу войной: Министерстве иностранных дел, разведке и Военном министерстве.

Вскоре после аншлюса Австрии в Форин офис стали постепенно осознавать нарастающую внешнюю угрозу и решили возобновить ведение успешно опробованной в предыдущей войне подрывной пропаганды. С этой целью в марте 1938 года в составе министерства было негласно образовано небольшое структурное подразделение, не внесенное в официальную структуру ни в 1939, ни в 1940 году. Возглавлял его Кэмпбелл Стюарт, в обязанности которого вошло изучение механизма действия подрывной пропаганды для разложения войск и тыла противника и выработка рекомендаций по ее использованию в качестве средства ведения войны. По месту нахождения это закрытое бюро условно обозначалось как «Электра Хауз» (ЭХ).

Практически в это же время руководитель Секрет Интеллидженс Сервис (СИС, она же МИ-6) адмирал Хью Синклер отозвал из армии для прохождения дальнейшей службы в разведке майора Лоуренса Гранда и подчинил ему новую секцию «Д» — диверсионную службу. Задачей Гранда являлось не практическое проведение операций, а систематическая, планомерная и глубокая подготовка к ним. Требовалось разработать теорию проведения специальных операций, выявить уязвимые точки вероятных противников, изучить методы и средства проведения актов саботажа, вербовочную базу возможной диверсионной агентуры, пути использования подрывной пропаганды для ослабления врага и многое другое. Впоследствии Гранд

вспоминал, что грандиозность поставленной задачи вызывала у него ощущения человека, которому поручено сдвинуть с места египетскую пирамиду с помощью булавки. Однако он бесстрашно взялся за доверенное ему дело и 31 мая 1938 года представил руководству доклад, в котором перечислял возможные цели для проведения диверсий в Германии. Пространный список включал в себя систему энергоснабжения, телефонную связь, систему распределения продовольствия, боевые корабли, самолеты, сельскохозяйственные объекты и многое другое. Столь масштабные задачи Гранд предполагал решать путем:

- использования уже действующих в Германии антиправительственных организаций, в том числе коммунистических;

- использования одиночных агентов из числа рабочих для проведения особо сложных и изолированных актов промышленного саботажа;

- проведения акций «морального саботажа» (т.е. распространения подрывных слухов).

Общие затраты на подрывную работу в рейхе майор оценивал достаточно скромно, в 20 тысяч фунтов.

В области пропаганды Стюарт и Гранд дублировали друг друга, естественно, ничего не зная о проводимой в смежном ведомстве работе. Более того, оказалось, что СИС работала параллельно и с Военным министерством. Осенью 1938 года в Генеральном штабе был создан новый отдел — ГС(Р) во главе с майором Джо Холландом, в обязанности которого входило изучение методов ведения партизанской войны, причем не в теоретическом, а в практическом плане. Холланд прорабатывал имевшиеся открытые и закрытые источники, описывавшие организацию и тактику действий буров в период Южноафриканской войны, операции Т. Э. Лоуренса Аравийского против тыловых коммуникаций турецких войск, иррегулярные действия китайцев против Японии, партизанские операции в период Гражданских войн в России и Испании, еврейско-араб-

ский конфликт в Палестине и тактику ирландских сепаратистов. Работу отдела курировал заместитель начальника военной разведки Фредерик Джордж Бомонт-Несбитт, весной 1939 года, после разделения Директората военных операций и разведки Военного министерства на две самостоятельные структуры, возглавивший Разведывательный директорат. Группа Холланда вошла туда под шифром МИ(Р), иногда употреблялся вариант написания МИ-Р.

Задачи этого подразделения формулировались следующим образом:

— проведение общих исследований по запросам директора военной разведки, включая оценку и подготовку проектов использования подразделений специального назначения или иррегулярных сил для помощи или усиления эффекта обычных военных операций (прямо или косвенно);

— проведение технических исследований и изготовление специального снаряжения для осуществления таких проектов;

— осуществление таких проектов при получении соответствующего приказа и в случаях, когда выполнение этих задач не входит в компетенцию других организаций или штабов;

— сбор информации специальными методами вне пределов компетенции других подразделений военной разведки;

— опросы, обучение и учет лиц, обладающих особой квалификацией, пригодной для использования в иррегулярных военных операциях.

Первоначально регионами заинтересованности МИ(Р) были определены Румыния, Дания, Нидерланды, Польша, Богемия, Австрия, собственно Германия, Ливия и Афганистан. Общие затраты на работу в них оценивались в 500 тысяч фунтов.

В преддверии войны руководители военной и политической разведывательных служб договорились о более уг-

лублинном взаимодействии своих подразделений, и МИ(Р) стала работать по единому плану с секцией «Д». Задачи каждой структуры разграничивались довольно просто: военные занимались планированием операций, которые могли осуществлять одетые в форму военнослужащие, а разведчики специализировались по тайным операциям силами агентуры, т.е. боевые задачи отделялись от оперативно-боевых. Вскоре ведомство майора Гранда получило приказ начать осторожную подготовку к актам саботажа и распространению листовок в аннексированных Германией Чехии и Австрии, а также непосредственно готовиться к аналогичным действиям в находящихся под угрозой нацистской оккупации странах Южной и Юго-Восточной Европы.

20 марта 1939 года майор Холланд направил начальнику имперского генерального штаба лорду Горту рапорт с изложением своих взглядов на перспективы осуществления специальных акций, в результате чего через три дня тот провел встречу с министром иностранных дел Эдуардом Фредериком Линдли Вудом Галифаксом и его постоянным заместителем Александром Кадоганом. На этом объединенном совещании они совместно выработали концепцию, оказавшую значительное влияние на дальнейший ход тайной войны в Европе. Реализовалась она, однако, лишь в июле следующего года, когда на основе секций «Д», МИ(Р) и бюро ЭХ возникла совершенно новая структура, предназначенная для ведения войны нетрадиционными средствами, включавшими активные действия и подрывную пропаганду. Впрочем, первоначально англичане отнюдь не намеревались совершать столь принципиальную реорганизацию, а планировали ограничиться совершенствованием координации секций «Д», МИ(Р) и бюро ЭХ, для чего сформировали Совет по межведомственному проекту «Д» (от английского слова *«destruction»* — «разрушение»). Тем не менее вскоре все ответственные за это направление деятельности должно-

стные лица убедились в полной бесперспективности таких попыток и создали принципиально новую спецслужбу, название которой точнее всего переводится на русский язык как «Исполнительный орган специальных операций» (СОЕ). Именно в нем идея Мортонa получила свое наиболее полное воплощение, однако для этого Великобритании потребовалось пережить серьезное поражение.

Осенью 1939 года в Лондоне никто еще не предполагал, сколь долгой и изнурительной окажется недавно разразившаяся война. Британская военная доктрина того периода предполагала возможным достижение победы над Германией без проведения широких операций наземных войск. Высшее военное руководство страны рассчитывало, что для сокрушения противника будет достаточно морской блокады, стратегических воздушных бомбардировок и широкомасштабных диверсий и саботажа. Даже в мае 1940 года начальник имперского генерального штаба докладывал Военному кабинету: «Германия все еще может быть побеждена экономическим давлением, комбинацией ударов с воздуха на объекты экономики в Германии и на моральный дух немцев, и организацией широких восстаний на завоеванных ей территориях»¹. Не касаясь первых двух элементов, следует отметить, что обеспечить третий из них британские спецслужбы оказались явно не в состоянии. Разобщенные диверсионные подразделения СИС и военной разведки не координировали свои усилия и вообще не знали, как подступиться к данной проблеме. Собственно, правительство и не ставило перед ними задачу развертывания беспощадной тайной войны, поэтому такая весьма дорогостоящая деятельность, как подрывные и диверсионные операции, финансировалась весьма скудно. Отдача была соответствующей.

¹ *Mackenzie, W. J. M. The Secret History of SOE: The Special Operations Executive. 1940—1945. London, St. Ermins Press, 2002, p. 60.*

Было совершенно ясно, что широкомасштабные диверсии невозможно осуществить только силами кадровых работников спецслужб, и единственным способом воплощения данной концепции в жизнь могло стать только массовое привлечение к саботажу и диверсиям населения оккупированных агрессорами государств. МИ(Р) провела большую работу по созданию печатного руководства по ведению партизанской войны для гражданских лиц и перевела его на многие языки. Документ был, несомненно, полезным и важным, но не учитывал одну ключевую деталь: европейцы отнюдь не горели желанием создавать партизанские формирования и развертывать иррегулярную войну в тылу немцев. Диверсионная секция МИ-6 совершила весьма немного успешных акций, правда, они были достаточно важны. Перед самым падением Амстердама подчиненные майора Гранда провели операцию по спасению бриллиантов на сумму 1,25 млн фунтов стерлингов. Секция «Д» также имела непосредственное отношение к эвакуации генерала де Голля, и этим ее оперативные достижения ограничились¹. Правда, сменивший умершего Синклера новый руководитель СИС Стюарт Мензис имел на этот счет совершенно противоположное мнение и пытался убедить правительство поручить ему руководство всеми операциями по саботажу, диверсиям и подрывной пропаганде, для чего несколько министерств должны были создать специальные секции и передать их в оперативное подчинение секции «Д» СИС. Военные придерживались принципиально иной точки зрения. Они не желали перепоручать боевую работу гражданскому ведомству и справедливо указывали на то, что работа МИ(Р) оказалась значительно более продуктивной, чем секции «Д». Однако вскоре армия и флот изменили свое мнение. Летом 1940 года пала Франция, и Великобритания осталась с Германией фактически один на один.

¹ При этом не следует забывать, что работники секции «Д» успели провести немало акций в области подрывной пропаганды.

В этой связи основное направление деятельности ее спецслужб подверглось принципиальному пересмотру. Если раньше в Лондоне предпочитали идти по пути создания межведомственных координационных советов, то уже 25 мая Комитет начальников штабов определил, что «организация широкомасштабного восстания на захваченных Германией территориях должна стать главной целью британской стратегии. Для этого понадобится специальная организация, и в преддверии этого ее следует срочно создать»¹. Координацию выполнения столь важной задачи Военным кабинетом, генеральным штабом и секретными службами правительство возложило на секретаря Комитета имперской обороны и Военного кабинета лорда Хэнки. Министр экономической войны Хью Дальтон писал: «Все, что нам необходимо, — это новая организация для того, чтобы координировать, вдохновлять, руководить и помогать народам оккупированных стран, которые сами должны быть ее непосредственными участниками. Нам нужна абсолютная секретность, желание работать с представителями разных народов, полная политическая надежность»².

С последним дело обстояло сложнее всего. Ситуация в Европе сложилась таким образом, что основные слои населения страдали от оккупации далеко не настолько сильно, чтобы бросить устоявшийся жизненный уклад и заняться подпольной или партизанской деятельностью. Они небезосновательно полагали, что это поставит под угрозу не только их собственные жизни, но и жизни близких им людей и просто окружающих мирных граждан, поскольку немцы вполне отчетливо продемонстрировали, что в вопросах обеспечения безопасности своего тыла они не допустят даже малейших послаблений. Поэтому, как обескураженно обнаружили британцы, в ряды

¹ *Foot, M. R. D. SOE. An Outline History of the Special Operation Executive. 1940 — 1946. Pimlico, London, 1999, p. 16.*

² *Ibid, p. 19.*

движения Сопротивления готовы были влиться в основном левые и радикальные элементы, большинству из которых было нечего терять. Поддержка коммунистов, благодаря этому неизбежно укреплявших свое положение в послевоенной Европе, не входила в планы руководства Британской империи, однако до победы в войне было еще очень далеко и приходилось опираться на любые силы, способные помочь в борьбе против Германии.

Упомянутый Хью Дальтон получил назначение на пост министра экономической войны в результате сложных политических комбинаций. Сформированный после падения правительства Чемберлена Военный кабинет являлся коалиционным, и вошедшие в него лейбористы особенно ревностно относились к специальным службам, к которым они со времен «письма Зиновьева»¹ питали вполне оправданное подозрение и неприязнь. Партия потребовала назначить своего члена главой как минимум одной секретной службы, и выбор пал на Дальтона, который на посту министра должен был, помимо министерства как такового, руководить созданным 16 июля 1940 года в обстановке глубочайшей секретности Исполнительным органом специальных операций (СОЕ). Это название невозможно было встретить ни в одном открытом документе, и большинство членов правительства также оставались в неведении относительно возникновения в Британии новой секретной службы. Во внешнем мире для при-

¹ 25 октября 1924 года, за четыре дня до парламентских выборов в Великобритании, в британской прессе было опубликовано сфальсифицированное так называемое «письмо Коминтерна», или по имени председателя его Исполнительного комитета, «письмо Зиновьева», содержащее инструкции британским коммунистам по подготовке революции с помощью усиления подрывной пропаганды в армии и переманивания членов лейбористской партии. Публикация вызвала резкое обострение отношений между Москвой и Лондоном и весьма способствовала победе консерваторов. Позднейшее разоблачение фальсификации (правда, некоторые исследователи и сегодня считают письмо подлинным) вызвало крупный скандал в британском обществе и сильно скомпрометировало спецслужбы.

крытия ее следовало все же как-то обозначить, и сотрудники СОЕ, чаще всего выступая от имени официального Министерства экономической войны, иногда использовали названия несуществующих коммерческих фирм, а периодически именовали свое ведомство «Комнатой 055»¹, Межведомственным исследовательским бюро (ИСРБ) или Научно-техническим комитетом. Зафиксированы случаи, когда, к ужасу интендантов, расписку в получении с военных складов взрывчатки, оружия или парашютов выдавала какая-нибудь страховая компания, торговая или юридическая фирма. Часто применялись вообще не вполне внятные аббревиатуры, косвенно намекающие на принадлежность к тем или иным ветвям армейской, морской или авиационной разведки: MO1(SP), NID(Q), A110. Здесь следует отметить, что во все времена британцы питали прямо-таки культовую приверженность к использованию и постоянной перемене условных обозначений различных структур своих спецслужб. Кроме того, как уже отмечалось, в рассматриваемый период большинство из них не имело официального статуса. Поэтому условно эти ведомства обозначались как подразделения военной разведки (МИ), независимо от фактической подчиненности. Часть структур разведывательного сообщества Британии действительно являлась секциями Директората военной разведки, тогда как остальные не имели к ней никакого отношения и лишь камуфлировались под них для введения в заблуждение всего мира и собственных сограждан.

Совершенно секретный меморандум лорда-президента Совета от 17 июля 1940 года № WP(40)271 гласил:

«4. Премьер-министр далее решил после консультаций с причастными министрами, что с этого момента должна быть учреждена новая организация для координа-

¹Это обозначение не являлось чем-то специфическим для СОЕ, а представляло собой входивший в структуру МИ-5, но финансировавшийся военными институт прикрытия секретных служб.

ции всех подрывных и диверсионных действий против врага за границей...

а) организация создается для координации всех подрывных и диверсионных действий против врага за границей. Эта организация будет известна как Исполнительный орган специальных операций.

б) Исполнительный орган специальных операций будет находиться под руководством председателя мистера Дальтона, министра экономической войны.

с) Мистер Дальтон будет получать содействие от сэра Роберта Ванситтарта¹.

<...>

и) Все операции по саботажу, секретной подрывной пропаганде, побуждению гражданского неповиновения в оккупированных областях, провоцированию волнений, забастовок и т. п. в Германии и оккупированных областях до осуществления любым ведомством подлежат передаче мистеру Дальтону на утверждение.

j) Мистер Дальтон будет координировать планирование операций по нелегальной войне и указывать, какая из организаций должна осуществлять их. Он будет ответственен за получение согласия министра иностранных дел или другого заинтересованного министра на любые операции, которые могут затронуть их интересы»².

Совершенно очевидно, что министр не мог самостоятельно вникнуть в детали операций. Для руководства повседневной деятельностью СОЕ следовало создать аппарат во главе с исполнительным директором, которым в августе 1940 года стал Фрэнк Нельсон (кодовое обозначение «СД»). Этот 56-летний бывший торговец в Индии, на протяжении семи лет заседавший в парламенте и занимавший консульский пост, в свое время близко сопри-

¹ Фактически он не оказывал СОЕ никакого содействия, а в июле 1942 года вышел в отставку.

² Mackenzie; W. J. M. Op. cit., p. 754—755.

коснулся с миром секретных служб, что привело его на должность резидента сети «Z»¹ в Базеле.

Изначально планировалось включить в состав СОЕ МИ(Р) секцию «Д» и бюро ЭХ, однако уже на первом этапе организации новой службы события развернулись иначе. «Электра Хауз» и «Д» действительно вошли в СОЕ целиком, зато военные пожелали сохранить в своем распоряжении некоторых специалистов по диверсионной войне, и МИ(Р) оказалась разорванной надвое. В результате в Исполнительном органе специальных операций вначале сформировали три основных параллельных подразделения, получившие обозначение СО (специальные операции). ЭХ и «Д» составили СО-1 (подрывная пропаганда) и СО-2 (активные операции), а СО-3 во главе с ван Катсеном занималось планированием. Последнее просуществовало до сентября 1940 года и по причине своей крайней слабости было включено в состав СО-2 в качестве отдела разведки и планирования. Ни для одного из руководителей прежних британских органов диверсионной войны и подрывной пропаганды места в СОЕ не нашлось. В сентябре 1940 года после неудачной попытки назначить Гранда заместителем Нельсона он был уволен со службы, Холланд сам перешел в регулярные саперные войска, а Кэмпбелла Стюарта вежливо уволили. Руководителем СО-1 назначили Рекса Липера, СО-2 возглавлял лично Фрэнк Нельсон.

В дальнейшем СОЕ пережил немало административных перипетий, его пытались расколоть, переподчинить, объединить, но, так или иначе, он стал крупнейшей британской спецслужбой периода Второй мировой войны, самой дорогостоящей, самой вовлеченной в политические интриги и самой разрекламированной в послевоенный период. Его последовательно возглавляли Фрэнк Нельсон, Чарльз Хэмбро и Колин Габбинс. Будучи структурой военного времени, СОЕ просуществовал недолго и

¹ Созданная заместителем начальника СИС полковником Клодом Дэнси параллельная система нелегальных резидентур.

в 1946 году был расформирован. Однако за годы своего активного существования его офицеры и агенты провели тысячи акций разного уровня и разной степени успешности, познали громкие победы и колоссальные провалы.

2. Уничтожение поста разведки

В период Второй мировой войны Пиренейский полуостров оказался в самой гуще разведывательных операций, в основном направленных против третьих стран. Однако и сами Испания и Португалия также служили объектами устремлений спецслужб противоборствующих коалиций из-за их стремления перетянуть Мадрид и Лиссабон на свою сторону или, по крайней мере, убедиться в сохранении ими нейтралитета.

Британскую разведку представляла в Мадриде резидентура МИ-6 во главе с полковником Эдуардом де Рензи-Мартинем, который до прихода в 1934 году на службу в СИС в течение семи лет работал инспектором в албанской жандармерии¹. Он не был в состоянии практически руководить агентурными операциями, поэтому в 1940 году на смену ему прибыл Гамильтон-Стокс с заместителем Мак-Ллорином. Новый резидент до 1936 года работал в варшавской «станции» МИ-6, после чего был переведен в центральный аппарат разведки, а затем кратковременно занимал пост помощника резидента в Будапеште. Штат действовавшей под прикрытием Бюро паспортного контроля мадридской точки составлял 14 человек, в основном британских граждан из местной колонии, большинство из них действительно занимались только визами и паспортами и к оперативной работе никакого отношения не имели.

Несмотря на солидный послужной список, Гамильтон-Стокс также не являлся специалистом по агентурно-оперативной работе, но, даже если бы он был виртуозом тайных

¹ Сохраняя при этом британское подданство.

операций, ситуация от этого не улучшилась бы. Британский посол в Мадриде Сэмюель Хор категорически воспротивился проведению любых разведывательных операций с территории Испании. Он сумел добиться принятия на уровне Форин-офис соответствующего решения, полностью разрушившего оперативные позиции СИС в стране. При этом посол не ограничился собственным запретом и его подтверждением из Лондона, а поручил военно-морскому атташе капитану 1-го ранга Алану Хиллгарту, по совместительству исполнявшему обязанности офицера безопасности посольства, осуществлять повседневный контроль за выполнением этого распоряжения. Хиллгарт хорошо знал Испанию, поскольку в период гражданской войны занимал пост британского консула на Пальме, распоряжался секретными фондами СИС (и это при наличии штатного резидента!) и имел право прямого доклада не только Мензису, но и премьер-министру Черчиллю, с которым давно дружил. Все это предопределяло его особый статус в Мадриде. Военно-морской атташе в Испании с 1943 года руководил всей морской разведкой на Восточном ТВД и являлся как бы самым старшим офицером разведки, поскольку по протекции адмирала Годфри координировал действия СОЕ, НИД и МИ-6.

Строго говоря, координировать было особенно нечего. Британские спецслужбы в Испании операций практически не осуществляли, за исключением Службы спасения и побегов МИ-9. Зато германская разведка, в отличие от весьма несолидно выглядевших британцев, обосновалась в Испании прочно и представительно. Посольство Германии насчитывало в 1941 году 391 служащего, из которых «чистыми» дипломатами являлись лишь 171¹, остальные занимались разведкой и контрразведкой. Это было вполне естественно, поскольку контакты спецслужб рейха с Франко закладывались еще в 1936 году и оказались весьма результативными для обеих сторон. Резидентура абвера (КО-Испа-

¹ *Фараго Ладислас*. Игра лисиц. Эпизоды агентурной борьбы. — М.: «Международные отношения», 1979. — С. 163.

ния) действовала в стране с 5 февраля 1937 года и в июне 1940 года насчитывала 87 человек, в том числе 73 разведчика и 5 контрразведчиков. Резидент Вильгельм Лайсснер (Густав Ленц, или «папа Ленц») по прикрытию руководил фирмой «Эксцельсиор». К 1945 году КО-Испания насчитывало уже 717 штатных и 600 привлеченных сотрудников, имевших на связи 360 агентов и 90 диверсантов¹. Подрезидентуры, а также посты перехвата и дешифровки располагались в городах Испании и Испанского Марокко Сан-Себастьян, Барселона, Севилья, Ла-Линеа, Альхесирас, Тетуан, Танжер, Сеута и Мельвиль. Кроме того, в Испании с разрешения Франко действовали несколько постов перехвата военно-морской радиоразведки «Служба Б», а в Мадриде, Севилье, Танжере и на Канарских островах в частных домах располагались точки Шифровального бюро вермахта («Ши»). До осени 1942 года они вместе с возглавляемой полковником Сармиенто криптографической службой испанского генштаба занимались прослушиванием станций на территории Франции, а затем полностью переключились на Атлантику и Средиземноморский бассейн. В Альхесирасе и Танжере (Испанское Марокко) располагались посты морской разведки, наблюдавшие за судоходством в Гибралтарском проливе. На испанской территории к западу от Гибралтара располагалась цепочка вилл на побережье, прозванная «шпионским рядом» из-за постоянно проводившегося оттуда визуального наблюдения за территорией колонии. Британцам было известно, например, что абвер облюбовал там отель «Рейна Кристи» и виллы «Леон», «Исабель», «Луис» и «Хаус Келлер».

Все это, в частности, создавало серьезную угрозу для сохранения в секрете намеченной на начало октября 1942 года предстоящей высадки войск союзников в Северной Африке (операция «Торч»), тогда как разведки Великобритании и США прилагали значительные усилия для сокрытия от про-

¹ Там же. С. 164—165.

тивника приготовлений к ней. В ходе этого процесса в феврале 1942 года «Ким» Филби, занимавшийся в МИ-6 анализом поступавших от Службы радиобезопасности (РСС) перехватов, обратил внимание на повторявшееся в них кодовое обозначение «Бодден». Оно присутствовало в расшифрованных текстах с декабря 1941 года и считалось одной из операций абвера, что и стало причиной передачи материалов о нем в V (контрразведывательную) секцию. Филби заинтересовался непонятным обозначением по чистой случайности. Настоящий Бодден является названием небольшого залива в Северном море около Пенемюнде¹, где, как уже знали в СИС, немцы испытывали новые средства ведения войны. Другие офицеры сочли Бодден зашедшей в тупик акцией германской военной разведки и проигнорировали эти данные, но Филби вскоре убедился, что речь идет не об операции, а о некоем техническом средстве. Вскоре стало совершенно ясно, что это кодовое обозначение не имеет никакого отношения к Пенемюнде, поскольку присутствует в основном в радиограммах из Испании и Испанского Марокко. Офицерам СИС в Мадриде, Гибралтаре и Танжере дали указание изучить обстановку в привязке к загадочному «Боддену», и вскоре резидент из испанской столицы доложил о прибытии туда нескольких групп германских технических специалистов с непонятными функциями. Из Гибралтара пришло сообщение о нескольких запретных зонах, обнаруженных на побережье вблизи Альхесираса. Более конкретной оказалась информация из Танжера. Агенты зафиксировали прибытие туда технического оборудования неустановленного назначения, а главный источник МИ-6, сотрудник германской миссии в Танжере Курт Райсс сообщил о предстоящей установке некоего специального радиооборудования. Поскольку имевшиеся разведывательные признаки не позволяли отнести Бодден ни к радиолокаторам, ни к иной уже известной технике, было решено подключить к во-

¹ Полигон на острове Узедом в Балтийском море.

просу IV секцию СИС (научно-техническая разведка). Ее сотрудник Р. Джоунс заказал аэрофотосъемку подозрительных районов и после изучения полученных материалов заключил, что по обе стороны Гибралтарского пролива установлено мощное оптическое инфракрасное оборудование. После получения этих данных разведка перепроверила их и получила многократное перекрытие информации. Техника позволяла немцам в ночное время фиксировать перевозки и транзит кораблей и судов через пролив и поставила под угрозу внезапность перехода десантных отрядов в Северную Африку. Дело напрямую касалось военно-морских вопросов, поэтому его передали на рассмотрение директору разведки Адмиралтейства Джону Годфри, который в свою очередь доложил об этом первому морскому лорду Дадли Паунду. Моряки единодушно решили, что ради сохранения в секрете операции «Торч» оборудование необходимо уничтожить любыми средствами, но на этом этапе в дело вмешался Форин офис. По политическим соображениям проведение боевой операции в нейтральных государствах было признано невозможным, и тогда руководитель СИС Стюарт Мензис поручил уничтожить инфракрасную установку в Испанском Марокко своим сотрудникам. Персонал «станции» МИ-6 в международной зоне Танжера состоял из резидента Тоби Эллиса и двух оперативных сотрудников — Малькольма Хендерсона и Нейла Уайтлоу. Они руководили несколькими агентурными сетями из членов местной английской колонии и беженцев-антинацистов, работу которых сильно затрудняла прогерманская ориентация властей. Эллис поручил агентам обследовать подозрительные виллы на побережье и установил, что разведывательное оборудование может находиться только в отдельном доме по адресу рю де Фалез, 4, стоявшем на вершине выступавшего в море утеса. Он хотя и не слишком тщательно, но все же охранялся, зато за пределами участка у подножия утеса вдоль моря проходила открытая для всех желающих тропинка. Расчеты показали, что взрыв заряда большой мощности способен обрушить в море часть

берега вместе со стоящим на нем домом. Как и следовало ожидать, МИД пришел в ужас от планировавшейся акции и запретил ее проведение. Но пока что разведчики изготовили мину соответствующей мощности и на пароме из Гибралтара переправили ее местному резиденту СОЕ Эдуарду Уортон-Тайгеру, имевшему в подчинении еще одного сотрудника. Совместная операция двух служб получила кодовое обозначение «Фалез».

11 января 1942 года главный противник уничтожения германского инфракрасного оборудования в Танжере посол Великобритании в Мадриде Сэмюель Хор после долгих уговоров снял свои возражения против операции. Уже следующей ночью два агента СОЕ, испанский коммунист-эмигрант и местный бармен, через подвальное окно виллы заложили в ее основание 38 фунтов пластиковой взрывчатки. После взрыва дом с частью утеса плавно соскользнул в море, и оборудование перестало существовать. Наутро выяснилось, что акция была проведена крайне своевременно, поскольку уже в 9 часов утра генеральный консул Великобритании в Танжере сообщил Уортон-Тайгеру, что за ночь Хор передумал и отозвал свое разрешение. Проводившая расследование местная полиция арестовала всех известных ей агентов Эллиса, но резидент заранее позаботился об обеспечении их алиби, и после перекрестного допроса всех отпустили. Уортон-Тайгера на всякий случай перевели на службу в китайскую точку СОЕ. После того как возражать было уже поздно, Хор решил внести свою лепту в устранение угрозы рассекречивания операции «Торч». Он вручил подборку фотографий расположенной в Альхесирасе инфракрасной установки министру иностранных дел Испании и потребовал убрать ее. Поле этого Правительственная школа кодов и шифров (ПШКШ) зафиксировала всплеск радиообмена между Мадридом и Берлином, и в итоге немцы вывезли свое разведывательное оборудование. Опасность визуального обнаружения десантных отрядов в ночное время миновала.

3. Охота за судами

Географический диапазон действий Исполнительного органа специальных операций был весьма широк и включал, помимо прочего, Азиатский театр военных действий (ТВД). В частности, в Индии действовала небольшая «Индийская миссия» (ИМ) СОВЕ, созданная по инициативе министра по делам Индии при участии направленного им в Сингапур для консультаций полковника Джойса из Индийской политической полиции. В мае 1941 года тот провел ряд бесед с эвакуированным из Сингапура руководителем «Восточной миссии» (ОМ) СОВЕ Валентином Киллери и убедил его не только в возможности, но и в перспективности этого направления. Возглавивший спешно созданную ИМ одноногий ветеран Первой мировой войны подполковник Колин Х. Маккензи пребывал в дружеских отношениях с вице-королем Индии лордом Линлитгоу, что сразу же позволило обеспечить миссии привилегированное положение. На протяжении длительного периода времени большинство информированных о существовании ИМ были уверены, что она входит в состав военного ведомства. Подразделение использовало аббревиатуру прикрытия ГСИ(к), в которой «ГС» общепринято расшифровывалось как «генеральный штаб», а «И» — как «разведка».

До 22 июня 1941 года основной задачей «Индийской миссии» являлась подготовка к противодействию ожидавшемуся удару СССР или Германии по Индии со стороны Ирана или Кавказа. В период летнего отступления советских войск британцы рассматривали возможность принятия отступавших частей Красной Армии на индийскую территорию и проведения специального обучения их личного состава для дальнейшего использования в партизанской войне. К сфере ответственности миссии относились также Афганистан, Тибет, Иран (условно) и, возможно, Бирма. Последнюю планировалось включить в список лишь в случае провала «Восточной миссии». Однако

спектр деятельности ИМ был странно и нелогично ограничен. Обязанности по подготовке и осуществлению диверсий несли армия, на долю СОЕ оставались подрывная пропаганда и ведение тактической разведки, теоретически не входившее в компетенцию этого органа.

В марте 1942 года исполнительный директор СОЕ Фрэнк Нельсон реорганизовал и децентрализовал подчиненное ведомство, равномерно распределив зоны ответственности в Азии между Индией, Бирмой, Голландской Восточной Индией (Индонезией) и отчасти Австралией. Диверсионные действия против войсковых объектов и экономический саботаж отошли на второй план, приоритет отдавался подготовке к широкой партизанской войне. После обострения ситуации в Бирме СОЕ планировал вывести оттуда своих работников в Китай, однако по настоянию лорда Линлитгоу до августа 1943 года самая крупная в Азии точка Исполнительного органа специальных операций была размещена при штабе главнокомандующего вооруженными силами в Индии.

По мере развития японского наступления сфера ответственности «Индийской миссии» менялась. При сохранении афганского и иранского направлений (восточная часть Ирана относилась к операционной зоне точки СОЕ в Каире) с августа 1942 года вхождение Индии в зону боевых действий и ликвидация «Восточной миссии» вынудили существенно скорректировать первоначальные установки. Прежде всего, по причине значительной удаленности от Лондона и связанной с этим затрудненности в руководстве ИМ Маккензи был наделен правом самостоятельного определения ее приоритетов, но при обязательном условии получения санкции на них от вице-короля или главнокомандующего. Прежние ограничения были отменены, «Индийской миссии» разрешалось совершать любые действия, если поставленные задачи были недостижимы с помощью дипломатических мер. Естественно, сохранявшаяся в течение всего 1942 года угроза

японского вторжения в Индию заставила СОЕ сосредоточиться на зафронтовых операциях в японском тылу. При этом в роли агентуры в первую очередь использовались коммунисты и мусульмане, т.е. именно те категории населения региона, которые в течение двух предыдущих десятилетий органы безопасности Индии рассматривали в качестве главного противника. В мадрасском филиале ИМ над всеми остальными агентами довели коммунисты, а калькуттский филиал фактически оказался наводнен мусульманами, однако первоначально в целях консолидации сил на это решили закрыть глаза. Британцы, с учетом уроков Малайи, занялись обучением диверсионной технике индийских студентов-коммунистов. Коммунистическая партия Индии (КПИ) располагала полулегальной сетью ячеек, по мнению, СОЕ, идеально подходившей для использования в качестве разведывательного и диверсионного аппарата. В августе 1942 года первые 150 курсантов из общего числа 700 запланированных для подготовки приступили к занятиям по 7-месячной программе. Кроме разведывательных задач, в случае весьма вероятной оккупации коммунисты должны были использоваться для ликвидации установленных членов японской «пятой колонны». Руководители КПИ охотно приняли на себя эту миссию, поскольку понимали, что коллаборационисты немедленно выдадут японской военной контрразведке Кемпейтай всех известных им членов партии. В целом программа противодействия фактически являлась для КПИ программой самозащиты. На курсах в Мадрасе коммунистов обучали методам бесшумного убийства всеми известными способами, о чем еще год назад было невозможно даже помыслить. Естественно, полиция и гражданские службы опасались возможного использования боевиками КПИ полученных знаний в антиколониальных целях, но Маккензи заверил, что способен контролировать курсантов и выпускников. Он сообщил коммунистам дислокацию секретных складов с оружием,

боеприпасами и средствами взрывания, однако предупредил, что трогать их можно лишь в случае японского вторжения. Через две недели во все склады одновременно проникли неизвестные и попытались опустошить их, но те оказались пустыми. Ловушка Маккензи выявила подлинные намерения КПИ, и в апреле 1943 года программу подготовки коммунистов к диверсионным и террористическим операциям отменили.

По прошествии некоторого времени сфера действия «Индийской миссии» была вновь подкорректирована. Руководство партизанскими операциями перешло к армии, за СОЕ осталась общая координация действий в этом направлении, целеуказание и отправка малых агентурно-боевых групп. Проблемы с ненадежностью агентуры для выполнения специальных операций привели к ощутимому уклону ИМ в сторону сбора разведывательной информации. В Лондоне не вполне осознавали трудности кадрового характера, с которыми встречались Маккензи и его офицеры, и мягко, но настойчиво поправляли их: «Мы никогда не должны забывать о букве «О» в наименовании Исполнительного органа специальных операций»¹. И в дальнейшем столичное руководство регулярно напоминало, что СОЕ является не разведывательным, а оперативно-боевым органом, не улавливая разницу в контингенте европейцев и азиатов, далеко не всегда видевших в японцах врагов и поработителей.

Серьезную проблему для «Индийской миссии» составляло отношение к ней главнокомандующего вооруженными силами в Индии генерала Арчибальда Уэйвелла. Основываясь на своем негативном опыте взаимоотношений с СОЕ в Каире, он автоматически перенес его на Дели и зачастую действовал в ущерб Маккензи, даже несмотря на дружеские отношения подполковника с вице-королем лордом Линлитгоу. Преодолеть предубеждение

¹ *Cruikshank, Charles*. SOE in the Far East. Oxford University Press, Oxford and New York, 1983, p. 87.

Уэйвелла индийский центр СОЕ не смог даже после ряда успешных операций в японских тылах. Весной 1943 года обозначились определенные позитивные сдвиги, но недостаточно существенные для того, чтобы счесть ситуацию исправленной. Тем не менее «Индийская миссия» развивалась, и к середине года ее организационная структура заметно преобразовалась. Маккензи по-прежнему возглавлял ИМ в статусе председателя, ему подчинялись шесть директоров. Штаб-квартира ИМ находилась в Мееруте — ей подчинялись точки в Дели и Бомбее, филиалы в Калькутте с секциями группы стран «А» (Бирма, Таиланд и Французский Индокитай), в Коломбо с секциями группы стран «В» (Малайи, Англо-голландская и Островная), в Куньмине и Чунцине (впоследствии Китай был отнесен к группе стран «С»). В ходе войны общая численность подразделений СОЕ на ТВД многократно возросла по сравнению с несколькими десятками офицеров и гражданских служащих первоначального состава ИМ. В центральном аппарате, учебных и расположенных в Калькутте, Канди, Коломбо и Китае подразделениях служили 2432 человека, в том числе 335 офицеров, 602 сержанта и рядовых и 670 военнослужащих Индийской армии¹. К 1945 году одновременно не менее 400 офицеров и сержантов пребывали в миссиях в Малайе и не менее 600 — в Бирме и Таиланде.

Отсутствие немедленных результатов и резонансных акций столь мощной структуры ставило руководство Министерства экономической войны и Исполнительного органа специальных операций в сложное положение, поэтому Лондон постоянно оказывал на Маккензи давление в целях побудить его действовать активнее. В результате тот спланировал операцию «Крик», вскоре переименованную в «Лонгшэнкс», против находившихся в португальской ко-

¹ Ibid, p. 267.

лонии Гоа трех германских и одного итальянского судна, экипажи которых не решались выйти в море из опасения быть захваченными британскими кораблями. Ее несколько раз утверждали, отменяли и вновь утверждали, и в результате Маккензи получил окончательное разрешение лишь в декабре 1942 года. Англичане планировали угнать суда противника в индийский порт. Первоначально они собирались осуществить это в лучших традициях кинематографа, а именно подкупить губернатора колонии Жозе Кабрала, который должен был пригласить на вечеринку моряков со всех итальянских и немецких судов и напоить их, причем матросов — сильно, а офицеров, во избежание возникновения у них подозрений, — не очень. После этого планировалась вторая часть вечеринки с женщинами и танцами. Тем временем переодетые в форму моряков германского и итальянского торгового флота боевики ИМ проникали на борт судов, захватывали их, в случае необходимости расстреливали оказывающих сопротивление вахтенных и дожидались возвращения на борт пьяных экипажей. Их также планировалось захватить, а сопротивляющихся убить. Лишь после этого одно или более судно следовало угнать. Пикантной составляющей плана являлось обязательное требование выполнить все положенные для отхода в рейс иммиграционные, таможенные и прочие формальности, получить разрешение властей на выход в море и полностью уплатить портовые сборы.

26 декабря Форин офис утвердил последнее изменение плана операции, заключавшееся в требовании угнать лишь одно из четырех судов противника, причем именно то, с которого, как полагали британцы, немцы вели разведку. Отныне любое применение силы исключалось, все вопросы надлежало решать исключительно путем уговоров и подкупа, для чего имелись определенные основания. Еще 17 декабря подполковник «Индийской миссии» Льюис Пуг в сопровождении одного из агентов в рекогносцировочных целях посетил Гоа, где выявил действо-

вавшего там германского агента Роберта Коха. Пуг со спутником под видом бизнесмена явился к нему домой и смог убедить и самого немца, и его жену добровольно перебраться в Индию. Детали процесса уговоров и их мотивировка неизвестны. Немцы сообщили, что команды трех германских судов, как ни странно, состоят из нацистов и коммунистов, постоянно конфликтующих между собой и смертельно уставших от многолетнего вынужденного пребывания в Гоа. Кох познакомил прибывших с капитаном Рофельсом, который подтвердил свою готовность за вознаграждение вывести из порта находящееся под его командой судно «Эренфельс» в нейтральные воды, где его перехватят британские корабли. Окрыленные столь впечатляющим успехом англичане провели тщательную подготовку. Маккензи издал приказ о начале проведения операции 13 февраля 1943 года, но практически одновременно с этим выяснилось, что главный двигатель «Эренфельса» выведен из строя и самостоятельного хода судно не имеет. Тогда не желавшие отказываться от своей идеи англичане зафрахтовали принадлежащую калькуттскому порту самоходную грунтоотвозную шаланду № 5 и распростушили слух о том, что ее мирные пассажиры отправляются в Иран. Однако грузившиеся на борт переодетые в гражданскую одежду солдаты и офицеры Калькуттского полка легкой кавалерии и Калькуттского шотландского полка допустили ряд грубых нарушений секретности, в частности открыто грузили ящики с четко различимым трафаретом «Гранаты». Мостик шаланды был защищен мешками с песком, на нем оборудовали хорошо заметную с берега пулеметную точку. Капитана Рофельса известили о планируемом прибытии британцев, пообещавших произвести расчет после завершения операции.

После благополучного прибытия плавсредства в Гоа стало ясно, что бесшумно провести операцию «Лонгшэнкс» не удастся. Обычно ярко освещенные суда противника на этот раз были затемнены, а при подходе ша-

ланды к правому борту «Эренфельса» вахтенный окликнул ее по-английски. Немцы обстреляли поднимающуюся на борт абордажную партию, судно громко загудело, поднимая тревогу. Экипажи «Эренфельса» и двух остальных немецких судов подорвали кингстоны, итальянцы последовали их примеру несколько позднее. Суда загорелись и стали тонуть. Штурмовая группа «Индийской миссии» СОВЕ потерь не понесла, с немецкой стороны погибли пять моряков, включая самого капитана Рофельса и матроса, державшего трос гудка до тех пор, пока его не застрелили. Запланированный угон провалился, штурмовая партия бежала, оставив на палубе полузатопленного «Эренфельса» маски и огнетушители. Португальские власти начали расследование инцидента.

Более скандальное развитие событий придумать было невозможно. В нарушение всех норм международного права британские солдаты напали на судно в нейтральном порту, подняли на нем стрельбу и убили нескольких моряков, вызвали пожары, затопления и практически парализовали нормальное судоходство в Гоа. Операция «Лонгшэнкс» оказалась скомпрометированной с самого начала. Выяснилось, что Рофельс совершенно не собирался принимать подкуп, а просто тянул время в надежде на способность экипажей противостоять штурму и вмешательство португальских властей. Естественно, никаких коммунистов на борту немецких судов не было и в помине, хотя команды действительно были крайне утомлены и раздражены длительным вынужденным пребыванием в Гоа. Немцы не просто догадывались, а знали точную дату начала операции, поскольку англичане сами известили о ней капитана. Выяснилось также, что еще на стадии подготовки к рейсу шаланды № 5 вся Калькутта уже знала о том, что судно зафрахтовано не для мирного рейса, а либо идет в океан для захвата находящейся в гавани одного из островов германской подводной лодки, либо направляется с десантной партией в Гоа для оккупации колонии

в ответ на намерение немцев вторгнуться в нейтральную Испанию.

Начальник штаба СОЕ полковник Джордж Тэйлор доложил о плачевных итогах операции «Лонгшэнкс» и о независимой линии поведения руководства «Восточной миссии» министру экономической войны лорду Сельборну. Тот был крайне возмущен и предложил Маккензи подать в отставку самостоятельно, не дожидаясь приказа об увольнении с мотивировкой о служебном несоответствии. Ветерана выручил британский консул в Гоа. Он провел независимое расследование и ошибочно заключил, что немцы и итальянцы начали стрельбу без каких-либо внешних причин. Команда «Эренфельса» якобы взбунтовалась по причине деморализации из-за длительного бездействия в условиях тропиков, а офицеры испугались возможных репрессий со стороны гестапо и просто имитировали нападение англичан. Добавочным доказательством справедливости этой версии был сочтен факт возгорания итальянского судна уже после окончания стрельбы. Губернатор облегченно согласился с версией консула и обвинил немцев и итальянцев в создании в порту крайне опасных беспорядков и прочих нарушениях. Их объяснения были сочтены неубедительными, и португальские власти уведомили Лондон о том, что не имеют к Великобритании никаких претензий по этому поводу. Никак не ожидавший такого благополучного исхода лорд Сельборн назвал такой поворот событий самой потрясающей удачей СОЕ за всю его историю и отозвал свое требование об увольнении Маккензи.

Однако не всегда предпринимавшиеся СОЕ попытки захвата и угона торговых судов противника заканчивались столь бесславно и скандально, бывали и совершенно противоположные ситуации.

После разгрома Франции летом 1940 года и заключения перемирия судьба Французского Марокко, Алжира и

Туниса, вместе составлявших так называемую Французскую Северную Африку, оказалась в значительной степени неопределенной. Условия перемирия предусматривали сохранение колоний под властью Франции, ее право содержать там свою администрацию, войска, полицию, спецслужбы и прочие инструменты власти метрополии, однако Муссолини все пристальнее присматривался к возможности экспансии из Ливии на Восток, хотя Гитлер и предостерегал его от этого. Общая обстановка во Французской Северной Африке отличалась засильем реакционных военных и резкими антибританскими настроениями, значительно усилившимися после операции «Катапульта» по захвату и уничтожению французского флота и неудавшейся высадке в Дакаре осенью 1940 года. Де Голля там ненавидели значительно сильнее, чем Гитлера и Муссолини, и движение «Свободная Франция» в первый период своего существования не имело в Африке никакой опоры, тогда как немцы чувствовали себя там вполне уверенно. Спецслужбы Виши ограничивали сотрудничество с победителями (как впоследствии оказалось, временным) необходимым минимумом, но британцев они также не рассматривали в качестве потенциальных союзников, а все надежды обращали на США.

Несколько проще было работать в Западной Африке, где первые представители британских спецслужб появились в самом конце 1940 года. 6 декабря в Лагос прибыл Луис Фрэнк — первый представитель СОЕ, тогда еще включавшего в себя службу психологической войны. Поскольку СИС не имела резидентуры в Нигерии, он отвечал не только за пропаганду и диверсии, но и за ведение разведки, а также руководил небольшими постами в Гамбии, Сьерра-Леоне и на Золотом Берегу. Первоначально британцы полагали, что единственным источником опасности в Западной Африке для них являются признающие режим Виши французские колонии, однако позднее убедились, что испанские и португальские владения также

служат удобной базой для враждебной деятельности. Тогда летом 1941 года миссия СОЕ в Нигерии разделилась на два направления: по Французской Западной Африке («Фрауэст») во главе с подполковником Р. Уингейтом (его не следует путать с известным руководителем иррегулярных боевых операций Ч. О. Уингейтом) и по нейтральным колониям («Неуколз») во главе с самим Фрэнком.

В отличие от постоянно уносившегося в дебри фантазий «Фрауэст», «Неуколз» разрабатывал в основном вполне конкретные и реально выполнимые операции. В его активе значились две весьма демонстративные и рискованные акции, принесшие немалую выгоду в прямом и буквальном смысле этого слова. В первом случае за 10 тысяч фунтов стерлингов капитан парохода «Гасконь» под французским (Виши) флагом согласился увести свое судно с грузом касторового семени из Лобио Бей в Португальской Западной Африке в нейтральные воды, где британские корабли захватили его в качестве приза. Стоимость груза составила 300 тысяч фунтов, а судна — 100 тысяч. Вторая операция под кодовым обозначением «Поустмастер» прошла в гавани на испанском острове Фернандо-По, где отстайивались итальянский лайнер «Дукесса д'Аоста», а также пришвартованные к нему лихтер и буксир. В январе 1942 года все три единицы ночью были захвачены и выведены в открытое море 34 прибывшими из Лагоса на двух судах бойцами СОЕ, 17 из которых были англичанами, а остальные — надежными нигерийцами. Как ни странно, несмотря на плохое отношение Франко к Великобритании, по этому поводу не прозвучало ни единого протеста, ни официального, ни даже неофициального. Суммарный финансовый выигрыш от обеих операций достиг миллиона фунтов, весьма упрочив репутацию СОЕ и его позиции в бюрократической системе руководства войной.

4. «Противоатомная» диверсия

Вероятно, наиболее охраняемым секретом союзников в период Второй мировой войны являлось создание ядерного оружия. При этом в Лондоне и Вашингтоне не только стремились как можно скорее создать собственную атомную бомбу, но и опасались отстать в столь остром соперничестве от Германии. Это направление исследований было настолько закрытой, что правительство опасалось доверить его даже собственным разведорганам, поэтому на протяжении всего первого периода войны соответствующие задания ставились им втемную. Совместный Англо-американский комитет по руководству работой разведки по ядерной тематике был сформирован лишь в ноябре 1943 года. Однако его главной задачей являлось не столько препятствование исследованиям противника, сколько захват иностранных ученых, научной и технологической документации, а также сырья, установок и материалов. Однако в активе британских СИС и СОЕ значатся также и действия по препятствованию немцам в создании собственной атомной бомбы. В самом конце 1930-х годов считалось, что обязательным условием для такового является использование так называемой тяжелой воды, в которой атомы водорода замещены его более тяжелым изотопом дейтерием.

Впрочем, начиналось все не с Британии, а с Франции. Толчком явилось сообщение видного французского физика Фредерика Жолио-Кюри, сделанное им в 1939 году министру вооружений Раулю Дотри. Ученый настаивал на необходимости вывезти из Норвегии запасы использовавшейся в ядерной физике тяжелой воды, наработанные с 1934 года на принадлежащем компании «Норск Гидро» водородно-электролизном заводе в Веморке (близ Рюкена). Чтобы не насторожить противника раньше времени, он предлагал мотивировать это необходимостью проведения научных экспериментов. Министр согласился с Жолио-Кюри и урегулировал вопрос с военными, на-

правившими для проведения этой операции лейтенанта резерва, члена правления одного из банков и сотрудника 2-го бюро Генерального штаба Жака Аллье. В марте 1940 года он во главе группы, включавшей также капитана Мюллера, лейтенанта Моссе и Кноль-Дема, прибыл в Осло, намереваясь закупить у норвежцев все имеющееся у них количество этого материала. К тому времени немцы также заинтересовались тяжелой водой и тоже направились в Осло к генеральному директору компании «Норск Гидро» Акселю Ауберту представителя концерна «И. Г. Фарбен» с аналогичным предложением, однако тот не сумел вразумительно объяснить цель закупки и поэтому получил отказ.

Аллье добился согласия Ауберта на продажу наличествовавших 185 кг тяжелой воды и предоставления французам преимущественного права на закупку продукции завода в Веморке в дальнейшем. Он обратил особое внимание на то, что в транспортной таре не должны присутствовать даже малейшие следы кадмия или бора, поэтому французу пришлось в глубокой тайне заказывать на месте 13 канистр, сваренных со строгим соблюдением технологических мер. После покупки перед разведчиком встала серьезная проблема доставки воды во Францию, причем приходилось исходить из того, что немцы, по всей вероятности, осведомлены о его миссии. Следует отметить, что никто из группы Аллье не знал о характере секретного груза, который им было поручено доставить. Французы демонстративно взяли билеты в Амстердам, однако в действительности скрытно вылетели с канистрами в Эдинбург, а оттуда доставили их в помещение своей военной миссии в Лондоне. 16 марта груз пересек Ла-Манш и был помещен в подвальное хранилище парижского «Коллеж де Франс».

Однако после захвата Норвегии немцами угроза получения ими тяжелой воды с завода в Веморке вновь встала весьма остро. Еще летом 1940 года находившаяся под гер-

манским контролем администрация предприятия запланировала за год произвести ее в объеме 3 тысяч фунтов, а к концу 1941 года собирались увеличить эту величину до 10 тысяч. Бежавший в сентябре 1941 года в Швецию профессор Лейф Тронстад из Технологического института в Тронхейме перебрался в Британию и работал в СИС по линии научно-технической разведки. Он обратил внимание англичан на то, что после захвата в Бельгии двуокиси урана и при выпуске в Норвегии тяжелой воды немцы получили в свое распоряжение два необходимых компонента для создания атомного реактора, а в перспективе — и атомной бомбы. Единственный офицер МИ-6 с ученой степенью Эрик Уэлч работал именно в норвежской подсекции и после обсуждения предупреждения Тронстада с советниками IV секции пришел к выводу об исключительной стратегической важности завода в Веморке. Эксперты однозначно советовали организовать изъятие тяжелой воды до ее вывоза немцами, и в рамках этой идеи Тронстад попытался организовать прием на замерзшем озере около Веморка самолета с диверсионной группой. Однако его оперативный контакт на оккупированной территории отклонил как нереальные и эту идею, и несколько последующих. Затем специалисты предложили «отравить» тяжелую воду, добавив в емкости немного касторового масла, что должно было сделать продукт непригодным для использования, но это являлось лишь полумерой, поскольку сохраняло в неприкосновенности оборудование для производства и немедленно насторожило бы службу безопасности предприятия. Тем временем Уэлча перевели в группу проекта «Трубные сплавы», название которого маскировало его истинную цель: разработку британского ядерного оружия. Возникло предложение не ломать голову над организацией диверсии, а просто разбомбить завод, но этому воспротивились норвежцы, опасавшиеся значительного числа жертв среди гражданского населения.

На данном этапе за дело взялась скандинавская секция СОЕ, спланировавшая операцию «Фрэшмен», которая началась 18 октября 1942 года после отмены двух стартов самолетов. Это была первая операция британских спецслужб в Норвегии, и закончилась она крайне неудачно. Группа боевиков во главе с Енсом Поулссоном, прошедших обучение в учебном центре СТС 026, 19 октября на двух планерах на буксире двух бомбардировщиков вылетела на плато Хардангер, однако из-за плохих погодных условий первый «Галифакс» разбился вместе с людьми, а второй не нашел точку сброса и попытался повернуть на обратный курс. При выполнении этого маневра обледеневший трос планера оборвался, и он вместе с бомбардировщиком совершил вынужденную посадку. Восемь бойцов погибли при приземлении, а остальные получили ранения различной степени тяжести и были захвачены немцами в плен. Пятерых из них расстреляли на месте, а еще пятеро после интенсивных допросов в гестапо с применением инъекций скополамина рассказали о цели экспедиции. Они также были убиты, а их тела утоплены в фиорде. 20 ноября в Лондон поступило сообщение о гибели группы, после которого стало ясно, что боевая операция имеет мало шансов на успех и что следует рассчитывать только на диверсию. СОЕ приступил к ее подготовке, а СИС занялась препятствованием использованию немцами ученых в своей ядерной программе. В рамках именно этой задачи проводилась также эвакуация Нильса Бора из Копенгагена.

Следующая попытка уничтожения завода в Веморке носила название операции «Ганнерсайд» и была намного менее масштабна. Боевая группа под командованием лейтенанта Иоахима Рунненберга состояла из 6 норвежцев-добровольцев, прошедших обучение в школах СОЕ СТС 026 и СТС 017. Диверсанты успешно высадились с парашютами на том же плато Хардангер, где погибла первая группа, но на этот раз обошлось без жертв.

17 февраля 1942 года их встретили местные участники Сопротивления, а через 10 дней хранилища и установки обогащения воды были взорваны. Группа отошла без потерь, несмотря на предпринятые немцами беспрецедентные меры по ее поиску и захвату. Они полагали, что британцы высадили отряд численностью в 800 человек, и поэтому выделили на прочесывание района 10 тысяч солдат, однако диверсанты сумели на лыжах перейти норвежско-шведскую границу и были там ненадолго интернированы, а затем возвращены в Шотландию.

На этом борьба за тяжелую воду не закончилась. 8 июля 1943 года источники норвежской подпольной организации Сопротивления «Милорг» сообщили, что к середине августа ожидается успешное окончание ремонта заводского оборудования, в связи с чем меры безопасности в Веморке были чрезвычайно ужесточены. Отправку диверсионной группы признали нецелесообразной, и тогда ВВС спланировали воздушную операцию. 16 декабря 460 тяжелых бомбардировщиков совершили рейд на Осло и Ставангер, под прикрытием которого отдельная группа самолетов атаковала Веморк. Несогласованность в действиях американских и английских экипажей привела к тому, что первые прибыли к цели на 18 минут раньше и ушли на круг, тем временем немцы успели поставить дымовую завесу и закрыть объект от наблюдения с воздуха. В результате бомбовый удар пришелся по заводу синтетического аммиака и повлек абсолютно бессмысленную гибель 22 норвежцев, зато водородно-электролизный завод остался неповрежденным. Эмигрантское правительство заявило энергичный протест. Немцев весьма тревожила напряженная обстановка вокруг объекта, поэтому к 20 февраля 1944 года они полностью закончили демонтаж оборудования и отправили запасы тяжелой воды в рейх. Агенты СОВЕ выяснили это обстоятельство, но из-за слишком сильной охраны железнодорожного состава не смогли осуществить диверсию на суше, и тогда британцы

взорвали и утопили паром, перевозивший вагоны. Вместе с тяжелой водой на дно отправились 26 гражданских норвежцев, и на этом история окончательно завершилась. Самым печальным обстоятельством в данной истории являлось то, что при существовавшем в середине 1940-х годов уровне развития науки и техники использование тяжелой воды в качестве замедлителя нейтронов в ядерном реакторе было тупиковым путем, а следовательно, и все предпринятые усилия оказались излишними.

* * *

Перечисленные агентурно-боевые и диверсионные операции составляют лишь малую часть из боевого пути СОЕ, развертывавшего свои действия на широком пространстве от берегов Ла-Манша до Юго-Восточной Азии. Исполнительный орган специальных операций насчитывал тысячи кадровых сотрудников и агентов, сотни из них погибли под ударами германских и японских органов безопасности и войск, а общий причиненный противнику ущерб достиг весьма заметных величин.

Содержание

<i>М. Токарев.</i> СССР. 1941-й. «Бранденбург-800»: «черные кошки в темной комнате»	5
<i>И. Старинов.</i> Взрывы в Харькове	58
<i>А. Гаевский.</i> Парашютисты советского флота: опыт создания и применения парашютно-десантных частей ВМФ СССР. 1941—1944 годы	122
<i>Е. Абрамов.</i> Диверсионные десанты морской пехоты Северного флота в 1941—1944 годах	175
<i>М. Токарев.</i> «Не-сволочи». Подготовка и использование подростков в СССР для разведывательно-диверсионной деятельности в годы Великой Отечественной войны	251
<i>Т. Малахова.</i> Розмыслы командарма	280
<i>А. Попов.</i> Эшелоны летят под откос	295
<i>И. Ландер.</i> Британские диверсионные операции	315

ДИВЕРСАНТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Редактор-составитель *Г. Пернавский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.10.2008.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 5000 экз. Заказ № 6898

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

В разгар Второй мировой войны Уинстон Черчилль сказал, что *никогда еще столь многое не зависело от столь немногих*. Британский премьер имел в виду летчиков-истребителей, выигравших Битву за Англию, но его слова в полной мере относятся и к диверсионной борьбе.

Террор во вражеском тылу никак не соответствовал представлениям о «джентльменской войне», однако все стороны, вовлеченные в мировой конфликт, активно применяли диверсантов – советский ОМСБОН, германский полк особого назначения «Бранденбург», британские командос, американские рейнджеры наводили ужас на врага. Дерзкие рейды по тылам противника, с применением его оружия и униформы, уничтожение важных объектов, удары по коммуникациям, беспощадная «рельсовая война» – действия диверсантов очень дорого обходились неприятелю, сеяли панику в тылу, серьезно нарушали снабжение фронтовых частей. Даже неподтвержденный слух о появлении где-то рядом вражеской диверсионной группы мог деморализовать целые подразделения, как это не раз случалось летом 1941 года, когда в Красной Армии пришлось принимать драконовские меры против «диверсантобоязни». Но их продолжали бояться и ненавидеть по обе стороны фронта и практически никогда не брали в плен...

Эта книга подробно рассказывает о жизни и смерти диверсантов Второй мировой, об их подготовке, тактике и боевом применении. Некоторые операции, такие, как «рельсовая война» диверсантов НКВД или «работа» в советском тылу полка «Бранденбург», широко известны; о других, например, о действиях спецгрупп советской морской пехоты в Заполярье, даже специалисты узнали лишь в последние годы.

ISBN 978-5-699-31043-2

9 785699 310432 >

ЭКСМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

